

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Болдырев (Курск)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Кристина Кармалита
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

2/2020

Содержание

ПРОЗА

- Геннадий ПРАШКЕВИЧ. Гуманная педагогика.**
Из жизни птеродактилей. Роман. Продолжение. 3
- Наталья КОРОТКОВА. Трава на обочине.** Повесть. 78
- Валерий МОРОЗОВ. Ямская гармонь.** Рассказ. 126

ПОЭЗИЯ

- Светлана КЕКОВА. Яблоко и крест.** Стихи. 70
- Александр ФРАНЦЕВ. Человек на чужбине.** Стихи. 121
- Евгений АРТЮХОВ. Песенка о золотом квадратном метре.**
Стихи. 135
- Михаил РАНТОВИЧ. Бабочка, люпин...** Стихи. 138

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Светлана ГАВРИЛЕНКО. Девяносто книжных лет.**
К 90-летию Новосибирской государственной областной
научной библиотеки. 140
- Генерал-майор полиции Василий Шушаков:**
«Гвардия была элитой во все времена!» 150
- Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет*
Александр ФЕДОРОВ. Взгляд за миллион лет до нашей эры. 161

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Яна САФРОНОВА. Алкоголь, коты и немцы:**
маленькие итоги «Большой книги». 174
- Картинная галерея «Сибирских огней»*
Евгения ШАДРИНА-ШЕСТАКОВА.
Пять миров Новосибирска. 186
- Авторы номера* 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ГУМАННАЯ ПЕДАГОГИКА

Из жизни птеродактилей

Р о м а н *

Старинная сказка

Собирались долго.

Больше всего сердилась Ольга Юрьевна.

Опаздывать, считала она, все-таки прерогатива женщин.

Такое рогатое слово — прерогатива — резнуло тонкий слух Коли Ниточкина.

Впрочем, он терпел, не срывался на ненужные вопросы. С интересом рассматривал гипсовый бюст поэта Комарова, сталинского лауреата. Писательская организация удобно расположена, в бывшем доходном доме, — крутая лестница прямо с улицы вела на верхнюю террасу, затем в залу. А там — ряды обычных стульев, там большой стол, покрытый обычным зеленым сукном.

«Среди кустов зеленых у речки серебристой гуляет олененок — телебочек пятнистый. Он ходит по опушке в лесной своей сторонке, и у него веснушки — совсем как у девчонки».

Вождю, наверное, нравились стихи Петра Комарова.

Известно, что Сталинские премии выплачивались не из государственного бюджета, а из гонораров, получаемых вождем за издания его трудов. После смерти вождя премию его имени упразднили, позже учредили новую — Государственную. Впрочем, Петру Комарову это было уже все равно.

Он свою Сталинскую получил посмертно.

Зато по Амуру теперь плавают пароход, названный его именем.

Когда прилетит Сонечка, думал я, стоя у окна, обязательно привезу ее в город Хабаровск, прокачу по широкому Амуру. Сонечка будет щуриться от удовольствия — какое солнце. Листая мою книжку (неприменно выйдет книжка), спросит: «А твоим именем пароход назовут?» Я, конечно, промолчу, как бы рассеянно, не услышал, но она поймет.

* Продолжение. Начало см. «Сибирские огни», 2020, № 1.

Андрей Платонович устроился в торце большого стола.

Никаких этих дореволюционных пенсне, усов, докторских бородок.

Обыкновенное человеческое лицо, деловое, ничем особенным не приметное, крепкие скулы, из нагрудного кармана выглядывает авторучка.

А на пальчике Ольги Юрьевны поблескивал светлый камешек.

Суржиков (не по своим воспоминаниям, понятно) уверял нас, что в год своего возвращения из Китая (в сорок пятом) Дед приходил в писательскую организацию обязательно в шикарном черном костюме с шелковыми отворотами. Не понимал чего-то. Или не было другого. Совсем не наш, не русский костюм. У нас люди обходятся грубыми свитерами, штанами заплатанными, а он — в пиджаке с шелковыми отворотами...

Бритоголового Хунхуза Дед явно выделял.

И так же явно он благоволил к Ольге Юрьевне.

Суровая юбка, приталенный пиджачок, орденские планки.

«У Ольги Юрьевны домик за Осиновой речкой... — незаметно шептал мне Суржиков. — Она выращивает тюльпаны... Луковицы ей привозят из-за кордона, договаривается с друзьями на флоте...»

По-походному выглядел только нанаец Исула Хор.

Круглолиц, молчалив, никакого намека на бороденку.

«У нас так заведено, — нашептывал мне Суржиков. — Если нашел в огороде кость, волокни в музей, если встретил на улице грамотного нанайца, веди прямо в Союз писателей».

Но Исула был не просто грамотный нанаец.

Он был настоящий охотник. И он был настоящий поэт.

Щурился на нас, на семинаристов, как на наглых болтливых белок, приглядывался, кого первым шлепнуть. Такой не промахнется. И Пудель, и Чехов, и даже Хунхуз выглядели рядом с ним типичными горожанами.

Волкова пришла. Зубы — светлого металла, кудряшкам под цвет.

У окна — настороженный Хахлов Николай Николаевич, ну прям монстр прокуренный. Что ни скажет, все слова, правда, какие-то надкушанные. Фра гра дра. Возраст. Ничего не попишешь. Последний выход на молодежные семинары. Вот Хахлов и выглядел настороженно, огрызался по пустякам. В стихах Волковой — полянки, ягодные места, птички, всякая философия, а Николай Николаевич всего этого не терпел, как вообще не терпел «и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла». Волкова, наверное, сама ужасалась, с кем она в поэзии конкурирует.

Скромно устроилась на потертом клеенчатом диване Нина Рожкова — бледная, плоская, в цыганском цветастом платье.

«Она, наверно, Шевченко любит».

«Почему?» — удивился Суржиков.

«Потоптал мороз цветочек — и погибла роза...»

«Помню».

Суржиков довольно фыркнул.

Стах ближе придвинулся, Леня Виноградский блеснул круглыми стеклами.

Но самым неукротимым был все-таки Коля Ниточкин. Время от времени его прорывало. Это правду говорят, что Дед привез в Москву какого-то потерянного в Шамбале профессора-партийца, или это неправда? Принимается любой ответ.

А камешек на колечке Ольги Юрьевны драгоценный?

А Игорь Кочергин почему все время вспоминает про кошку?

А зачем Деду трость такая тяжелая?

А почему Хунхуз уклоняется от разговоров о великих тайнах космоса, об Атлантиде, о снежном человеке? Это же такие наболевшие для каждого исследователя вопросы.

А Чехов Андрей Платонович — он правда родственник классику?

А еще в городе говорят, мучился Ниточкин, он сам слышал, может, на рынке, что одного нанайского поэта (его стихи переводила Ольга Юрьевна) загрыз в тайге медведь. Вот как могло такое случиться? Где были соплеменники, читатели, партийная власть, милиция, наконец? Вообще, известны еще такие случаи, чтобы какой-нибудь известный писатель пал от лап хищника?

«Нет, не прощу я Евтушенке это, как Лермонтов ему бы не простил за то, что в девятнадцать лет поэтом он, гад, в Союз писателей вступил...»

Это Леня Виноградский прорезался.

Шорох переключаемых бумаг. Внятный запах табака.

Черный Пудель, Дмитрий Николаевич, что-то нашептывал на ухо благосклонно внимающему Деду. Ольга Юрьевна негромко обменивалась мнениями с Исулой Хором, на тонком пальчике поблескивал светлый камешек. Хра фра дра — разогревался Хахлов, все же последний заход на молодежные семинары. Волосы Ольги Юрьевны собраны узлом на затылке, взгляд строгий. Герои ее очерков (я уже знал) всегда занимаются только серьезными делами: выслеживают в тайге строптивых медведей, таскают тачки на молибденовых рудниках.

«Начнем с вас», — указала Ольга Юрьевна на Пшонкина-Родина, и в писательской сразу воцарилась тревожная тишина.

Умел пугать людей Пшонкин-Родин.

Сказки Пшонкина-Родина — это вам не «Песнь о Роланде».

Сказки Пшонкина-Родина — это старинная дикость. Это древние века, далекие эпохи. Герои его сказок кормились только крупными лосями, их голыми руками не возьмешь, потому, наверное, и пригласили на первое обсуждение нанайца Исулу Хора как специалиста.

Короче, один охотник лося убил.

Вернулся на стойбище, жестами объяснил, где лежит добыча.

Убитого лося уважительно называл: чомон-гул, «большое мясо».

Это вам не хра фра дра. Тащите добычу на стойбище. Младшая дочь охотника тоже просилась пойти в тайгу. «С вами пойду. Помогать хочу. Хочу видеть».

Ей отказали. Но пока охотники собирались, она ушла. «О, Чомон-гул!» Нежная, как лапка ягеля.

А достигнув нужного места, порхлый снег смахнула рукой.

«О, Чомон-гул! О!»

Мохнатое лицо лося открыв, долго и жалостливо в черноту глаз смотрела.

В мертвую черноту глаз лося смотрела.

«О, Чомон-гул! О!»

Жалостливо сцепляла на груди пальцы.

Слеза сама выкатилась из глаз. «О, Чомон-гул! О!»

Когда отец стрелу из лука в лося послал, ему, наверное, худо сделалось.

Многое поняла. Без мяса домой вернулась. Сказала: «Не будем больше убивать зверя». Отцу, матери, сестрам, братьям, всем сказала: «Не будем больше зверя есть». И повторила, обойдя всех: «Никогда зверя больше не будем есть».

Слушая заикающегося, но уверенного в своих словах Пшонкина-Родина, Нина Рожкова (пока негромко) заплакала. Вдохновенный ее слезами Серега беспощадно продолжил.

Так жить стали.

Так голодать стали.

Так грызли корни, сосали мох.

Потом шамана позвали. Спросили: сколько терпеть такое?

Шаман взял бубен. Шаман камлал. Шаман ясно всем объяснил.

«Упомянутая девушка в черноту мертвых глаз лося долго смотрела. Шептала: о, Чомон-гул! О! Не спросив никого, жалостливо в черноту глаз смотрела. О, Чомон-гул! О! Упомянутой девушки слова духи лесные слышали. Сильно осердились. Так нельзя. Каждый в мире ест каждого, так наверху придумано. Слова упомянутой девушки сильно нарушили равновесие. Пока упомянутая девушка с нами, все будем от вечного голода умирать».

Совсем испугались.

«С этим что сделаем?»

Шаман ответил: «Убейте девушку».

Спросили: «Лучше ли станет?»

Шаман снова прыгал. Шаман снова бил в бубен.

Потом сказал: «Если все погибнем, лучше не станет».

Окружили девушку, дочь охотника. (Нина Рожкова уже ни от кого не прятала мокрых глаз.) Шумно отняли жизнь у девушки. После этого сказали: «Теперь пусть охотники за мясом пойдут».

Трое пошли. Поддерживая друг друга, пошли. И день не прошел, а уже убили и принесли лося. Костры развели. Вкусно пахло.

Плясали у костров, набирались сил.

Так снова убивать стали.

На этом Серега наконец остановился.

Дед одобрительно молчал. Нина рыдала.

Пудель и Хунхуз демонстративно разглядывали безмолвный гипсовый бюст сталинского лауреата. Ольга Юрьевна гордо голову вскиды-

вала, посверкивал на ее пальце камешек. Теперь понимаете, кто написал «Песнь о Роланде»?

Первым выступал Хахлов.

Хра бра фра. Много сердитого сказал.

Даже нанаец Исула Хор возмутился: «Зачем убивают?»

Сергея Пшонкин-Родин на это деловито ответил: «Моя сказка старинная».

Кажется, он правда был убежден в том, что написал совсем старинную сказку.

«Энимби барони унду, — погрозил сильным пальцем нанаец. — Ты своей матери такое скажи». И тут же пояснил, чтобы впредь никому неповадно было: «Нельзя так, как в твоей сказке. Кормиться — это не убивать. Это тебе знать надо. Для охоты и убивания разные слова есть». Распалившись, тыкал сильным охотничьим пальцем в сторону Пшонкина-Родина: «Нёани энгурбэ моримба сивандини. Ты волка лошадью кормишь!» Считал, наверное, что такая поговорка все объясняет. «Зачем людям убивать? — никак не мог остановиться. — Людям просто надо охотиться. Людям просто надо кормить друг друга. Вот и всё. Пойнгалбалба, — торжествуя объяснил. — Окутываясь дымом. Ты сколько съешь, столько и убей, больше не надо. Сэмул-мэмул, — нанаец даже пошамкал очень картинно, очень по-стариковски, очень как бы пустым ртом. И закончил: — Слов у тебя сильно много».

И Хахлов сердито подтвердил: хра бра фра.

Всё же рекомендовали сказку в краевой журнал.

Расстроенный Исула Хор тут же отправился (на пять минут) делать пойнгалбалба (окутываясь дымом), а мы перешли к стихам Волковой.

На этот раз первым выступил Серега Пшонкин-Родин.

Ободренный успехом (было видно, как высоко взлетел), к стихам Люды отнесся строго. «Много нужно работать. Архаичные твои стихи». И пояснил пораженной Волковой: «Ты же не в лесу живешь. Ты в городе живешь. Потому такое и придумываешь». Даже погрозил Люде пальцем, совсем как настоящий старинный сказочник. «Ты, — даже так укорил, — живые цветы видишь больше на своем подоконнике — в горшке».

Словосочетание «в горшке» неприятно задело Волкову.

Но Пшонкин-Родин продолжал токовать, ничего не видел.

Ну и писала бы про цветы в своих горшках, токовал он. Зачем нам про это знать? Цветочки, бабочки, червячки? Всем этим сыт не будешь. У меня, признал не без важности, крупных лосей убивают. У меня очень крупных убивают. С уважением говорят: о, Чомон-гул! О! Никак не иначе, никак. У меня старинные люди старинными крупными лосями кормятся, а ты бабочек-червячков, что ли, кушаешь? Сама подумай. Наестся охотник твоими бабочками-червячками?

И совсем уже откровенно указал на раскрывающуюся перед Волковой нравственную пропасть: «Архаичные, Люда, твои стихи! Такие прямо хоть через ять печатай».

Волкова щелкнула металлическими зубами.

Бледная, взглянула на Серегу, взгляд отяжелел, как ведро ртути.

Да, сказала негромко, все придавливая и придавливая Серегу тяжким этим своим ртутным взглядом. Да, спору нет, у нее всё так — зеленые полянки, масса цветов, все живое, все дышит, потому и червячки есть. Как без них? У нее, напомнила, много неба, ягодных кустов, никто на ее полянках не проливает невинной крови, не колет копьём крупных, но беззащитных лосей. Хватит убивать! Сколько можно? Ты, Серега, вон Нину до слез довел! И вообще, сам-то знаешь, в каких случаях использовали букву ять?

Пшонкин-Родин сразу запаниковал. А Волкова хищно облизнулась, даже похорошела. И все, конечно, уставились на растерявшегося Серегу, ждали ответа, но за Серегу ответил почему-то Дед. Стихами ответил, выделяя голосом отдельные слова.

Спросили *они*: «Как в летучих челнах
 Нам белою чайкой скользить на волнах,
 Чтоб нас сторожа не догнали?»

Умело выдержал паузу.

«Гребите!» — онѣ отвечали.

Пшонкин-Родин, слушая Деда, бледнел и краснел. Понял, что зарвался. Понял, что в своем торжестве зашел далеко. На глазах известных писателей, на глазах гостя из Москвы, на глазах всех семинаристов он, Серега, только что одобренный всем коллективом, терял лицо.

Но Дед позора не допустил.

Спросили *они*: «Как забыть навсегда,
 Что в мире юдольном есть бедность, беда,
 Что есть в нем гроза и печали?»

Снова выдержал паузу.

«Засните!» — онѣ отвечали.

Только тут до сказочника начало доходить.

Спросили *они*: «Как красавиц привлечь
 Без чары: чтоб сами на страстную речь
 Они нам в объятия пали?»

«Любите!» — онѣ отвечали.

Хра бра фра — восхитился Хахлов.

А Волкова торжествующе заключила: «Мей! Классик».

Теперь получалось так, что все лучшее на семинаре держится на ней. Но Дед и этого не допустил. Не мог допустить. Он снова вмешался. «Если в корень смотреть, то все же это стихи не нашего русского поэта Льва Мея, барышня, а стихи француза Виктора Гюго».

И чтобы не сомневались, напомнил:

Comment, disaient-ils,
Avec nos nacelles,
Fuir les alguazils?
Ramez, disaient-elles...

Посмотрел на барышню Волкову. «Продолжите?»

Барышня Волкова густо покраснела, видимо, не знала французского в совершенстве. Тогда Дед продолжил:

Comment, disaient-ils,
Oublier querelles...

И все такое прочее.

И я понял вдруг, почему Деда так прозвали.

Дело тут не в возрасте. Возраст тут вообще ни при чем.

Просто Дед был — из другой жизни. Совсем из другой. Не из нашей и не из старинной, а просто из другой. Возвышался над нами, как гора, избыточный, огромный, как темный лесной чомон-гул, никем пока не убитый. Сэмул-мэмул, твою мать. Видел что-то для нас невидимое.

«Да, верно. Перевод русского поэта Льва Мея, — вмешался в разговор московский гость. — Конечно, перевод. Но заметьте, звучит значительно оригинальнее. Не находите?»

Чехов строго взглянул на Пшонкина-Родина, и тот (как один признанный писатель другому признанному писателю) сразу начал согласно кивать, да, да, это так, он находит! А московский гость продолжил.

«Русская поэзия — сильная поэзия. Для нее нет преград. Она переосмысливает, она перемалывает все. Французская, бог с ней, она какая была, такой и останется — в корне буржуазная. А русская — это жернова, это тяжелые жернова. Да, да, именно так, тяжелые. А то суют руки, куда не надо... — почему-то посмотрел Чехов на покрасневшего Леню Виноградского. — Русская поэзия — это наши мощные революционные жернова. Даже старые поэты подтверждают это. Тот же Лев Мей. Понятно, он для нас поэт уже третьего, даже, может, четвертого ряда, но ведь как звучит! — Чехов убежденно похлопал ладонью по столу. — Не то что Виктор Гюго... А?.. Comment, disaient-ils, oublier querelles... Вот вы часто перечитываете Виктора Гюго? — вдруг спросил Чехов Хахлова. — Да, именно вы! Вот видите... Так я и думал...»

Спрашивать, часто ли Хахлов, монстр прокуренный, перечитывает русского поэта Льва Мея, Чехов не стал.

Сказал: «Я не сравниваю. У французского поэта свой голос, свои заслуги. Но вы почаще прислушивайтесь к собственному языку! — на этот раз Андрей Платонович почему-то посмотрел на насторожившегося нанайца. — Внимательнее изучайте свой родной язык! Всем понятно, что все эти яти и херы давно отработаны, но ведь они все равно наши!»

На Деда столичный писатель ни разу не посмотрел, хотя чувствовалось, что упомянутые им яти и херы приплетены не просто так. Чувствовалось, что Дед тоже (как и московский гость) догадывается о глубинных корнях родного языка, избыточный, думает, петрушит что-то свое, слышит, наверное, как упомянутые глубинные корни раздвигают слои земные.

Короче, я окончательно понял, что Дед — *другой*.

Такой поймет мою «Педагогику».

«У вас, Людмила, — продолжил Андрей Платонович Чехов. (Дед бы, конечно, сказал: *барышня*.) — У вас, Людмила, как бы даже не стихи, а, скажем так, опись всего хорошего на свете. Не обижайтесь. Добротная, кстати, опись. И хорошее у вас случается, и плохое может сбыться. Облака, ручейки, травы. — (“Амбарная книга”, — шепнул мне Суржиков.) — Плотная, позитивная, но опись. Потому и приходят вопросы. Важные вопросы. Не просто так. Где, к примеру, связь с прошлым? Где взгляд в будущее? — Андрей Платонович пытливо, как настоящий учитель, всматривался в нас. — Вы должны помнить. Стихами поэт разговаривает с потомками. Предки — это да, это само собой, дело прошлое, мы своих предков уважаем, неважно, каких они там понаделали ошибок... — Столичный гость ни разу не посмотрел на Деда, возвышавшегося над нами, как одинокая вершина над равнинным болотом. — Поэт всегда обращается к потомкам. Исключительно к потомкам. — Почему-то теперь Андрей Платонович посмотрел на Суржикова. Благожелательно посмотрел. — Потомки наши в своем неведомом будущем... Нет, не в неведомом, а в чудесном... — поправил себя Чехов. — Потомки наши... в своем неведомом и чудесном будущем... в веках... среди дымчатого стекла... Убивать, конечно, не будут...»

И шумно высморкался в клетчатый носовой платок.

Короче, сорвал аплодисменты, вызвал большой интерес к себе.

А после короткого перерыва (пойнгалбалба, окутываясь дымом) пришел черед Лешы Невьянова. Все знали, что он напрямую подражает Деду, то есть пишет не романы, а большие исторические повествования, но, честно говоря, не таким уж Леша оказался неудачником, как сам утверждал. Может, и «Анну Каренину» он перечитывал на четыре или на пять раз только затем, чтобы лучше понимать женщин. Подумаешь, провел какое-то время в нервном отделении. Друзья ведь отмазали Лешу от групповых занятий (а они планировались) по раскраске кубиков и составлению пирамидок.

Вот и написал Леша о Федоре Подшивалове.

Но начал, конечно, с того, что перед самой поездкой в Хабаровск потерял деньги. Сколько было (сумму не назвал), столько и потерял. Но

это ничего. Он хорошо зарабатывает. Он хороший слесарь. Можете позвонить в депо, вам подтвердят. Он, правда, «Анну Каренину» несколько раз перечитал. В принципе, это настоящий роман, хотя кое-что он бы в романе исправил. Сам-то я, признался Леша, начинал со стихов, писал много и интересно, историей поэзии увлекался, никаких белых пятен нет для него в поэзии, потому теперь и тянет к историческим повествованиям.

На этом его и поймала Волкова.

«Лет двадцать пять назад спала родная сцена, и сон ее был тяжек и глубок, но вы сказали ей, что “Бедность не порок”, и с ней произошла благая перемена. Бесценных перлов ряд театру подаря, за ним “Доходное” вы укрепили “место”, и наша сцена, вам благодаря, теперь не “Бедная невеста”. Заслуги ваши громко вознеслись, а кто не ценит их иль понимает ложно, тому сказать с успехом можно: “Не в свои сани не садись”».

«Ну, — спросила, — кто написал такое?»

Леша не смутился. «Зачем мне всё помнить?»

И воззрился на Деда. Верил в Деда. И мы воззрились на Деда.

Дед с удовольствием удобно уложил руки на своей тяжелой палке.

«Хвалю, барышня. Цитируете редкую публикацию. “Северный вестник”, если не ошибаюсь. — Прикинул что-то про себя. — Нет, не ошибаюсь. Одна тысяча восемьсот девяносто четвертый год. Санкт-Петербург. Апухтин. В память о драматурге Островском».

«А Федор Подшивалов? О ком это ты написал?»

«Неужели по имени непонятно? — удивился Невьянов на такой вопрос Коли Ниточкина. — Федор Подшивалов — это большая величина. Это наш исконно крепостной мыслитель!»

«Хра фра бра. Где такой родился?»

«В Смоленской губернии».

«А точнее?»

Да в Сычевском, в Сычевском уезде родился наш исконный крепостной мыслитель, неожиданно рассердился Леша. Там, в Сычевском уезде и родился, там выучили его на повара-кондитера. Оттуда при барине князе Лобанове-Ростовском Федор не раз выезжал во Францию, в Швейцарию, вот как бывает с русскими людьми, бывал на русско-турецком фронте. Совсем крепостной человек, а скоро заговорил по-французски и по-немецки. Читал законы и обычаи всех стран, но своей — особенно. И свой главный философский труд под названием «Новый свет и законы его» крепостной философ Федор Подшивалов (сразу видно, что не дурак) отослал (сам отослал) в Третье отделение канцелярии императора Николая I — на имя графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. «Прошу покорнейше оценить мой труд». Очень надеялся, что ответят быстро, и граф, надо ему отдать должное, с ответом не стал тянуть, отправили философа в Соловецкий монастырь, лучшего места для вдумчивых рассуждений и не найдешь. А то придумали! Всеобщая свобода. Всеобщее равенство. Всеобщее братство. Так, знаете ли, можно договориться и до Октябрьской революции.

А потом, одумавшись, во всем разобравшись, отправили крепостного мыслителя еще дальше — в Сибирь.

Там он и пропал где-то. Может, до советской власти дожил, человеком стал.

«Хра фра бра. Как так, дожил? От Николая-то Первого до Второго?»

Пришлось опять вступить в разговор Чехову. «Литературе нужна правда, — доверительно покачал он головой. — Только правда. Ничего другого. А вы, Невьянов, на мой взгляд, пока еще неуверенно работаете с архивными материалами».

«Так я же говорю, перед самым приездом потерял деньги!»

Так и закончился наш первый рабочий день.

Зато в баре гостиницы, куда переместились некоторые семинаристы, я наконец услышал про Деда кое-что стоящее. И не от европейской штучки Суржикова, а от бритого Хунхуза, который почему-то разделил с нами компанию.

Оказывается, летом в Хабаровске побывали два шотландских поэта.

Только не Роберт Бернс (вы не угадали) и не Вальтер Скотт (тоже не угадали), а нормальные современные поэты. Один по имени Биш Дункан — мордастый, рыжий, будто только что вылез из приключенческих романов Жюль Верна, а второй по имени Бойд — тоже крепкий, тоже будто вылез откуда-то. Оба прогрессивные. Оба — работники профсоюзной сферы, крепкие борцы за права человека. Известно, что правами человека занимался и американский поэт Роберт Фрост («Сосед хорош, когда забор хороший»), но его в Хабаровск не приглашали.

«Интересно, у американских поэтов есть профсоюз?»

Про это Хунхуз ничего не знал, а вот Биш Дункан и Бойд точно занимались профсоюзными делами. Настоящие скотландцы, поиграл Хунхуз некоторыми языковыми (патриотическими) тонкостями. Мордастый и рыжий Биш Дункан ходил по Хабаровску исключительно в темных очках (наверное, советское солнце его палило), а хорошо выбритый крепкий Бойд на зрение не жаловался, но свой длинный скотландский нос постоянно совал куда ни попало.

Гулять по городу должен был еще один иностранец, только свой.

«Болгарец! Братушка!» — опять поиграл Хунхуз языковыми тонкостями.

Этого болгарца, нашего братушку, светло названного родителями Божидамом (фамилия — Божилов), только что изгнали как отчаянного и неисправимого ревизиониста из китайской столицы в Хабаровск, поскольку на большее расстояние маоисты, видимо, горючки не набрали. И вот братушка наш плюнул на прогулку. Тут такие переживания, хватит с него, он просто посидит в ресторане. Город Хабаровск он никогда не видел, но город ему нравится. И скотландцам город тоже нравился. Они как бы даже не замечали того, что Дмитрий Николаевич Пудель, работник крайкома партии, отстаёт от названной компании шага на два, потому что мужики в юбках его смущали.

Солнечный день. Старуха с бульдожками. Служащие с пухлыми портфелями. Прохожие с авоськами. Под ногами зеленые маньчжурские орехи. От души пламенеет барбарис, сияют даурские розы — красным, желтым, зеленым, каштановым. Чудесной белизной отдает лист бересклета. Скотландцы в восторге. Неужели все это выращивают гомо советикусы?

Сопка Двух братьев, памятник Муравьеву-Амурскому.

Даже Дмитрий Николаевич расслабился. «Вот сейчас поднимемся с Бороды на Лысину... Простите, — спохватился, — с Маркса на улицу Ленина... Две дыры, три горы, а какая красотища...»

Бойд поинтересовался: «А тигры у вас есть?»

«Само собой. Нынче они к нам бегут даже из Китая».

«А мамонты?» — осторожно поинтересовался Бойд. — У нас в свободной прессе писали про советских мамонтов».

Тут Пудель дал отмашку:

«Нет, это не у нас, это в Сибири».

«А в Сибири мамонты все-таки водятся?»

На этот раз отмашку дал Дед: «Водились!»

«А что же теперь?»

«Теперь не водятся».

Бойд напрягся: «Голод? Вымерли?»

Дед с ответом не замедлил: «Союзнички подвели».

«То есть как подвели? Когда?»

«В девятнадцатом году».

Скотландцы переглянулись.

«Это выходит, они погубили мамонтов?»

«Нет, не они, — несколько смягчился Дед. — Погубили мамонтов красные партизаны. Но под давлением. Белые в девятнадцатом бежали на восток, им было не до зверья, а вот союзнички всегда вели себя одинаково. Во всем гадили. Активно оттесняли партизанов в леса».

«И партизаны съели своих мамонтов?»

«Само собой», — подтвердил Дед.

На нахмурившегося Дмитрия Николаевича (Пуделя) он внимания не обращал, дескать, приставлен к творческим людям, терпи. А вот скотландцам суть дела объяснил со всем тщанием. Красные партизаны, так объяснил, к железной дороге всегда подходили с опаской, боялись белых, боялись союзников, хотя эти-то вели себя тихо, прямо как покойники в отпуске. Тайга хвойная, ягод нет, грибов нет, попадают только китайцы. Китайцы, они везде есть, знающе объяснил Дед. Нормальные союзники вызвали бы своих ученых (как это делал в Египте Наполеон), разобрались бы, чем помочь красным партизанам, чем — мамонтам, но союзники, покачал головой, они только за чужим добром гонялись.

«А партизаны были членами профсоюза?»

«Этим не интересовался». В те дни, твою мать, в голову такое не приходило. Мороз, красные ужасные зори, тоска паровозных гудков, по обочинам трупы, кто думал о профсоюзах?

Дед уверенно вел скотландцев по солнечному Хабаровску, а сам даже под таким чудесным летним солнцем пронзительно ощущал холодок прошлого. Стоял перед глазами какой-то полустанок под сибирской станцией Ояш. Двухосный вагон, изморозь на стенах. В тифе, в бреде — Арсений Несмелов.

«Воет одинокая волчиха на мерцанье нашего костра».

Какой костер? Одни тифозные под заиндедевскими шинелями.

«Серая, не сетуй, замолчи-ка, мы пробудем только до утра, — в бреде с открытыми глазами жаловался Арсений Несмелов. — Мы бежим, отбитые от стаи, горечь пьем из полного ковша, и душа у нас совсем пустая, злая, беспощадная душа. Выходит месяц колдовской иконой, красный факел тлеющей тайги. Вне пощады мы и вне закона, злую силу дарят нам враги. — Слова накладывались друг на друга. — Ненавидеть нам не разучиться, не остыть от злобы огневой. Воет одинокая волчица, слушает волчицу часовой. Тошно сердцу от звериных жалоб, неизбытен горечи родник. Не волчиха — родина, пожалуй, плачет о детенышах своих».

А мамонтов разделявали у партизанских костров.

Костры на опушке. Вдали, но на глазах, пышущие паром составы, бронепоезд водит черными жерлами орудий. «Как громил он дома предместий с бронепоездных батарей». Местные жители со всею осторожностью подбирают брошенное беженцами борошнишко. Пальнули бы в белого или в союзника, только страшно. Просто так не пройдет. Это в тайге все просто. Там убил человека, ничего особенного, валяется себе под кустиком, не в избе на голых половицах или на улице. Тайга, она все покроет. А зима, она все запорошит. Жить хочется. Вот и тянутся на восток бесконечные растрепанные составы. В окнах спальных вагонов задернуты шторы. Но вдруг мелькнет волшебный отблеск печурки — в тамбуре. Или пьяный поручик дико выкрикнет что-то в несущийся над путями влажный аспиринный снег.

Зато как хорош солнечный день сегодня!

«У нас в свободной прессе пишут, — не отставал от Деда мордастый рыжий скотландец, пряча глаза за черными стеклами очков, — у нас в свободной прессе пишут, что в России много нищих. Многие тысячи, никак не меньше. А они, нам интересно, они, эти ваши нищие, члены профсоюза? У нас в свободной прессе пишут, что нищие у вас просто везде, куда ни ступи. Шагнешь — и вступишь в русского нищего. А где они? Почему нищих не видим?»

Дед сердито стучал палкой по асфальту.

Не все мечты сбываются, твою мать.

Милая Химера

Исторические романы.

Нет, уточнил про себя Дед.

Повествования. Не романы. Так верней.

Исторические романы пишут бывшие штабс-капитаны.

«Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях». Это о генерале Краснове сказано. Это сказано о штабс-капитане Янчевецком. Чертополох и финикийские корабли, фронтовая фантастика и выход кочевников к последнему морю. В восемнадцатом году штабс-капитан Василий Янчевецкий служил в армейской походной типографии, в двадцатом — активно печатался в «Вечерке» (Владивосток). Дед сам подписывал его рассказы в печать. Никому (тем более Деду) не приходило в голову, что «Вечерка» пестует будущего сталинского лауреата.

Во Владивостоке Дед оказался в апреле двадцатого.

В мае — поездка в Иокогаму, лето и осень — в Китае, в Харбине.

В самое короткое время создал Дальневосточное информационное телеграфное агентство. «Горы былого! Тропа в тропу. С болью надсады дорогой скользкой, чтоб, повторяя, проверить путь от коронации до Тобольска». Когда понадобилась газета, способная отвечать на все вопросы (на самые насущные и на самые нелепые), он и такую создал. В редакции (на углу Китайской и Пекинской) день и ночь толпились, курили, спорили дельцы, поэты, репортеры, военные.

В первый же день было продано более двадцати тысяч экземпляров.

Новости, сводки, реклама. Арсений Несмелов все правдиво фиксировал.

«Я пишу рассказы и стихи в газете, вы кроите платья в модной мастерской. Прихожу домой я пьяный на рассвете с медленной и серой утренней тоской...»

В конторе «Денни Мотт и Диксон» Дед разложил свежие номера своей газеты перед членами дальневосточного правительства.

Смотрели внимательно.

«Шампанского!»

После такого успеха нашлись деньги и на «Известия Приамурского правительства», и на более широкий вариант — газету «Русский край».

Теперь Дед любовался заливом с балкона гостиницы «Версаль».

Жил шумно и громко. Связи держал с людьми очень разными. Это был его стиль, его характер. Чужак (фамилия говорящая, и сотрудничает с противоречивым «Творчеством») — в сущности, убежденный большевик, Сергей Третьяков (журнал «Бирюч») — хоть сейчас на виселицу, Николай Асеев («Дальневосточное обозрение») поет хвалу будущему, играет все с тем же красным пугающим цветом. Правда, Арсений Несмелов и Сергей Алымов колеблются, но талантливый мазила Гавриил Комаров работает и на левых, и на правых. Прицел у них сбит сознательно.

Слухи и стихи.

Работа, стихи, снова слухи.

Из уха в ухо, шепотом, передавались имена женщин, якобы обманувшихся Дедом, имена дельцов, якобы им обманутых, имена поэтов, прозаиков, просто писак, спасенных им или им утопленных.

Верховской многому научил Деда.

Тонкость шеи, отсвет икон? Довольно!

Вино, страсть, прекрасная Дама? Оставьте!

«В век бетона странен рыцарь лиры, словно призрак, вставший наяву...»

Разговоры, споры, драки. Бессонные ночи. Дед неумоимо писал о страшном голоде в Северной стране (по свидетельствам беженцев). Не мог переключиться на сиюминутное, на то, что пылало рядом. Писал о коммунистической морали. О гибели царской семьи. О разграблении священных могил в Петрограде. О продаже бесценных творений искусства за границу.

Какая мораль, если убивают судьи?

«Женщины живут, как прежде, телом, комнатным натопленным теплом, шумным шелком или мехом белым, ловкой ложью и уютным злом. Мы, поэты, думаем о Боге и не знаем, где его дворцы. И давно забытые дороги снова — вышарканные торцы...»

Хватит! Откройте окна! Вот грохочет по рельсам железный век, хребет его — здоровый разум. Желаете и дальше цепляться за прошлое? Тогда топитесь. Куда проще? «В пруду довольно места». Но живой человек — должен жить. Люди как никогда нуждаются в понимании. Народы всегда слагаются и движутся единой внутренней силой — повелевающей, господствующей.

Героические личности (а история — это прежде всего жития героев) всегда должны соответствовать идеалам, при этом самым высоким.

А Пушкарёв? Дед задумался. Этот молодой Лев из Тайги? Он родился уже в советской России, для него даже Александр Васильевич Колчак — история, поэт Мей — окаменелость. С малых лет считает, наверное, что все в этой жизни давным-давно исследовано, уточнено, разложено по полочкам. Кому нужны все эти затхлые ловушки архивов? Зачем копать в недостоверном прошлом? Этот Лев Пушкарёв, который из Тайги, наверное, и не слышал о том, что в некоторых азиатских языках существует такое особое грамматическое время — недостоверное прошлое. То есть вместе с нашим будущим, настоящим и прошлым существует еще и такое прошлое — недостоверное.

Впрочем, чему удивляться?

В Северной стране такое не обсуждается.

В Северной стране всё ещё любят традиционные исторические романы, написанные бывшими (значит, тоже недостоверными) генералами и штабс-капитанами, вроде генерала Краснова или штабс-капитана Янчевецкого. Россия свирепо сожгла себя на костре революции, она боролась сама с собою, истощила все силы, зачем же, твою мать, рыться в перегоревшем пепле? Легкие сожжешь.

Сердито постучал палкой в пол.

Железнодорожная станция Тайга, островной Южно-Сахалинск.

Понятно, этот Лев Пушкарёв не видел (не мог видеть) того, что видели мы, не жил тем, чем долгие годы жили мы. Он родился внутри событий, уже отнесенных к событиям грандиозным, историческим (только

представьте себе, историческим!), потому и не понимает того, что есть истинная история. Убийства, перевороты, предательства — это романы Краснова и Янчевецкого. Они — недостоверное прошлое. А писать нужно о достоверном. То есть о любви.

Арсений Несмелов понимал это.

Зоя, Хайма, Лошадь Вредная, понимала.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.

И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Разве непонятно?

«Ты — мое событие».

Зоя, Хайма, Лошадь Вредная, чудесная.

Женщины и мужчины должны рукоплескать друг другу.

Ничто не живет вне божественного. Этот Лев из Тайги умеет писать, знает много зовущих слов, но авантюризма не хватает, смелости, любви истинной, а потому он и дальше, наверное, будет терять время, растрчивать годы, убежденный в том, что настоящая история началась только в начале века.

Видите ли, даже Мей для него уже окаменелость.

«Мы — вежливы. Вы попросили спичку и протянули черный портсигар, и вот огонь — условие приличья — из зажигалки надо высекать...»

Это Арсений о нас написал.

О нас с ним, встретившихся в Харбине.

«Дымок повис сиреневою ветвью, беседуем, сближая мирно лбы, но встреча та — скости десятилетье! — огня иного требовала бы. Схватились бы, коль пеши, за наганы, срубились бы верхами, на скаку...»

В самом деле, живет живое без страсти?

«Он позвонил. Китайцу. “Мне нарзану!” Прищурился. “И рюмку коньяку”».

«Пусть мы враги, — Арсений видел все, пожалуй, даже слишком пронзительно, — друг другу мы не чужды, как чужд обоим этот сонный быт. И непонятно, право, почему ж ты несешь ярмо совсем иной судьбы?..»

«Мы вспоминаем прошлое беззлобно. Как музыку. Запело и ожгло. Мы не равны, но все же мы подобны, как треугольники при равенстве

углов... Обоих нас качала непогода. Обоих нас, в ночи, будил рожок. Мы — дети восемнадцатого года. Мы — прошлое, дружок!..»

«Что сетовать? Всему приходят сроки, исчезнуть, кануть каждый обряжен. Ты в чистку попадешь в Владивостоке, меня беспитичье съест за рубежом. Склонил ресницы, как склоняют знамя, в былых боях изодранный лоскут. Мне, право, жаль, что вы еще не с нами...»

Откуда он это знал? Как чувствовал?

«Не с нами...» — откуда было дано ему знать такое?

Раздраженно, как посохом, постучал своей палкой в пол.

Еже писах — писах. Сколько можно мучиться недостоверным прошлым?

Вон она за окном — долгая советская ночь. Вон он за окном — сонный советский Хабаровск. Лежит в ночи огненная Северная страна — как дредноут, победителем вышедший из революционной Цусимы. На стене — репродуктор, на столе — рукописи, чай в стакане, остывший. Жизнь продолжается. Жизнь Пушкарёвых, Ниточкиных, Пшонкиных-Родиных, барышень плаксивых и барышень зубастых...

Советские фавны, советские нимфы.

«Мы — дети восемнадцатого года». Арсений прав.

Мы (он, я, Верховской, другие) — дети восемнадцатого года.

А вот они — Пушкарёвы, Суржиковы, Кочергины, Виноградские, барышни Волковы и Рожковы, все-все прочие благовецкие, сахалинские, уссурийские, тайгинские, они, конечно, дети семнадцатого. Потому и определяют сегодняшний день. Потому и определяют прошлое.

Лет пятнадцать назад Деда представили знаменитой советской старухе.

Ольга Борисовна Лепешинская. Биолог. Победительница. Сама придумала и выбрала время и пространство: квартиру над новой Москвой, уютный кабинет-лабораторию, многие книги, микроскопы, свое блистающее пенсне, свою короткую стрижку. Впрыгнула в большевизм, как в теплую, удобную конуру, в какой только и можно осознать: все живое — из грязи. Всё — из обыкновенной, жирно поблескивающей, упруго продавливающейся под ногами грязи. Всё из этой грязи — и мраморная Венера Милосская, и кровь с молоком колхозница из-под Костромы, и монументальный скульптор Шадр, работающий над портретом Верховного, и мускулистый строитель Днепрогэса. «Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы». Все живое — из грязи. Поистине, все в этом мире произошло из грязи, в нее и вернется.

Холодное зарево над Омском. Угрюмые черные бронепоезда. Расстрельная заснеженная река Ушаковка. Выглаженный неистовым ветром байкальский прозрачный (призрачный) лед, вмерзшие в лед лошади, брошенные цинки патронов, вчера еще на вес золота. Молитесь, чтоб бегство ваше не случилось зимой, предупреждал Спаситель.

Но так оно обычно и случается.

Поэтому права, трижды права была Ольга Борисовна.

Она уверенно водила по бумаге острым, заточенным вручную карандашом, уверенно грозила пальцем стареющему, но все еще цепляющемуся за жизнь старому миру. А как иначе? Сталинский лауреат. «Вы монаху Менделю хотите верить или мне, члену партии с одна тысяча восемьсот девяносто восьмого года?»

Всегда говорила что думала.

Деду сказала: «Я слышала, вы — белый».

Он ответил: «Все в мире перерождается».

Ольге Борисовне ответ понравился. Она сама утверждала, что нет в подлунном мире ничего вечного. Одна только грязь вечна. Живое медленно переходит в неживое, из неживого возрождается живое. Деду после того долгого разговора с Ольгой Борисовной приснился ночью орден Ленина, а к нему — золотые шпоры.

«Мы — дети восемнадцатого года».

Январь восемнадцатого вдруг нахлынул.

Слякотный Петроград, серый, вяло летящий снег, будто само странство засижено мухами. В сером снегу, в сером влажном ветре, в ненависти мутной зарождалась новая жизнь.

«А люди шепчут неустанно о ней бесстыдные слова».

Разумеется, сказано было вовсе не о Лепешинской. В восемнадцатом году о ней мало кто слышал, хотя она уже активно строила будущее.

Ветер, снежная муть. Александр Александрович (так никогда и не повешенный адмиралом Колчаком) шел рядом, прикрывал глаза влажной рукой. Тяжелый подбородок, длинное лошадиное лицо. Так же прятал он глаза под ладонью на Невском, когда народные милиционеры хватили в толпе переодетых (так считалось) полицейских. Какой-то хорошо одетый человек, явный барин, возмутился увиденным, его столкнули в растоптанную сотнями ног лужу.

«Ты-то чего приперся?»

Вскрикнул в ужасе: «А вы?»

Объяснили: «Мы сами хотим стать баринами!»

Вот и весь ответ.

Ветер, ветер на всем белом свете.

Ветер, снег влажный. О чем просить, если все уже случилось?

Время от времени Александр Александрович повторял: «Уезжайте».

Никакого пространства не существовало между мостами, серыми заснеженными берегами, ничего больше не было в бесконечной метельной ночи. Тяжело клонясь вперед, Александр Александрович ступал в мутные снежные завихрения, будто выполнял какую-то угрюмую повинность. При этом он все еще как бы вел за собой молодого Деда (понятно, молодого *тогда*) со всем его еще достоверным прошлым. С курсами по логике, психологии, по греческому и латинскому языкам, по русской истории, по истории Востока, по греческой и римской истории, по истории славянских народов, Византии, церкви, философии, русской литературы и западно-европейской литературы, с несколькими иностранными языками, со стажировками в Гейдельберге (профессор Виндельбанд) и

Фрейбурге (профессора Риккерт и Ласк). Большая война, отбытие воинской повинности в Полоцком пехотном полку в Тамбове, революционный Петроград и даже кандидатское сочинение «Введение в философию Соломона Маймона и Фихте», все еще было с Дедом.

«Уезжайте...»

А куда уезжать?

Весь проклятый октябрь Дед провалялся в бреду, в горячке болезни.

Может, это и к лучшему, как знать? Инфлюэнца отпустила, посчастливилось, а от пули случайной мог не уйти.

Но почему все рухнуло так внезапно?

Ведь совсем недавно, чуть ли не вчера, хозяйка квартиры, белокурая эстонка Лиза Федоровна, приносила Деду чудесный чай. Она деликатно стучала костяшками пальчиков в дверь, Дед деликатно прятал под газетой «Речь» номер залистанного «Журнала для всех», чуть ли не целиком посвященный разврату. Белокурая эстонка входила в комнату, ужасалась, прикладывала руки к груди: ах, на улицах беспокойно, ах, там поминают поджигателей, дым. Когда Дед (слабый после болезни) вышел в город, на плоских проспектах и площадях действительно клубился горячий дым, несло влажным туманом с реки, неожиданный выстрел сметал толпу с Невского, но уже через пять-шесть минут проспект вновь оживал. А давно ли в бесшумном черном автомобиле, строго прикладывая руку к лакированному козырьку, следовал по Невскому сам государь? Куда все исчезло? Почему с балкона кричит в густую толпу грубый человек с прической кучера, почему его с таким вниманием и ужасом слушают дамы в шляпках?

«Уезжайте в Пермь».

Ах да! — понял все-таки.

В Перми отделение университета.

Александра Александровича заметно пошатывало. Кривилось страшное, будто дымное, заснеженное лицо. «Люди редко бывают людьми. Люди, они чаще как обезьяны — коротконогие, злые».

Дед согласно кивал.

Вон как сечет снегом коротконогих и злых.

Вон как мощно жизнь требует главного строительного материала — грязи.

А разве лучше будет в Перми? Разве там не надо ходить за мерзлой капустой в какой-нибудь местный кооператив, колоть на пороге обледенелые чурки?

«И за гранью сновиденья воскресает все на миг: жизни прожитой мученья и мечты далекой лик».

Здесь, в Петрограде, хотя бы знакомое окружение.

Здесь у Каляева, известного бомбиста, широкие плечи.

«Я не знаю, что бы я делал, если бы родился французом, англичанином, немцем. Вероятно, вообще бы не занимался политикой».

Здесь у Каляева, бомбиста, грубые руки, взгляд. Здесь он убил великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора.

Пузыри земли, жизнетворная грязь. Каляевы теперь ездят по Петрограду в громыхающих, как пыльная буря, грузовиках. Черные винтовки, красные повязки, флаги, расшитые битым золотом.

«Труд! Равенство! Свобода!»

Влажный снег, промозглые пивные.

В пивных — лошадиное лицо в веночке влажных волос.

«О, если бы немцы взяли Россию!»

«Вы правда этого хотите?»

В ответ Александр Александрович бормотал что-то про немку-гувернантку.

Была, невинтно бормотал, в услужении у каких-то его друзей немка-гувернантка. С началом Большой войны собралась уехать. Конечно, к ней привыкли (десять лет безупречной службы), как управляться без умелых рук? Хозяйка горестно плакала. Немка ласково гладила ее холеную теплую руку. «Не плакать, госпожа. Не плакать. Я скоро вернуться. Я скоро вернуться сюда со своими пруссаками!»

Мутная пивная пена, размытые голоса.

«Прежней России уже не будет».

«Построим новую».

«Для чего?» — Александр Александрович поднял измученные глаза. — Чтобы писать новые книги? Ну, напишете, ну, объясните какую-то новую красоту. А потом придут всё те же самые мужики и эти книги ваши пожгут, и этим вашим чудесным статуям поотбивают носы, руки».

«Вы за старую Россию?»

«Я даже не за старую Европу».

«Пусть случится то, что должно случиться».

Наверное, имел в виду все ту же татарщину, тьму, смутный снег, дикость.

«Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы!» На Финляндском вокзале хитрая, вся какая-то извилистая цыганка разрешила Александру Александровичу поцеловать свои грязные (всё из грязи) пальцы в золотых (по цвету) кольцах. Есть ли сейчас на свете хоть что-то не захваченное чужими пальцами? Это позже Ольга Борисовна обожествит грязь.

Повторил: «Уезжайте».

Добавил: «Даже вы отравлены нами».

Ах, прошлое... Ах, время недостоверное...

Дед стоял у ночного окна. Вот она — Северная страна.

Никуда не пропала. Добился. Вот — Амур, город Хабаровск. Александра Александровича давно нет на свете, Арсения нет, даже милейшей Ольги Борисовны нет, а он есть. И мир все просторнее. Или — пустыней. Году в сорок шестом уверенный полковник МГБ Анатолий Барянов спросил Деда бесцеремонно: «Ну, вернулись домой. Не страшно? Все вокруг изменилось, люди другие. А вдруг... — Усмехнулся чему-то своему, скрытому. — Вдруг на улице... Конечно, случайно... Вдруг в незнакомой толпе глаза, узнавшие вас...»

«Не так много осталось тех, кто захотели бы узнать меня».

Поймав вопросительный взгляд, усмехнулся: «Вы сами об этом позаботились».

Полковник Барянов правильно понял. Кой черт узнавать кому-то человека, исчезнувшего из жизни четверть века назад? И сам этот человек, эмигрант бывший, он кого может встретить на улице? Земляка-костромича? Наверяд ли. Товарища из студенческой поры? Ох, не знаю, не знаю. Студенты начала века не блистали успехами в науке выживания. Сестру? Брата? Племянника? Никого нет. Впрочем, где-то в Киеве действительно проживает сестра. Дед даже пытался связаться с нею, а зачем, что толку? Ответила: «Брата у меня нет».

«Охапку дров свалив у камелька, вари пшено, и час тебе довлечет...»

Кого на нынешних улицах встретишь? Поэт, однофамилец, хваливший когда-то его стихи, умер в Риме католиком. Монашенка Магдалина (Анюта Нагорова, первая жена, человек слабый) похоронена в Костроме. И того нет, и этого нет. Даже Зоя, Хайма, Вредная Лошадь, осталась в далеком недостоверном прошлом. И в нем, в прошлом, осталась Гришкина мама — жена Вера, дочь генерал-майора Ивашкевича. Сама оставила Харбин, выпросила (как в долг) родину. Теперь где-то в Хакасии. Там общего с Харбином только пыльные бури.

Дед интересовался будущим.

В Москве, в буфете редакции «Литературной газеты» как-то спросил милую, нравившуюся ему критика Кедрину: «Когда же, Зоя Сергеевна, снова появятся в нашей литературе Белинские и Добролюбовы?»

Кедрина вспыхнула: «Это зачем? У нас ЦК есть».

Или Смирнова.

Кольнуло в сердце.

Встретились на обсуждении какого-то сценария.

Деду всё внове. Ей внове — человек, всплывший *оттуда*.

Слышала о Дезде, конечно. Ничего особенно хорошего... Так...

Живет далеко, даже очень далеко. Только кого удивишь этим? Наверное, выслали, сами на Дальний Восток едут редко. А если сам поехал...

Ну и что? Далеко от Москвы, зато планы огромные.

Эти огромные планы особенно тронули Марию Николаевну.

Она-то, сценаристка Смирнова, вся была из настоящего. Она-то себя чувствовала уверенно. У нее Сталинская премия. Работа. Серьезный муж.

Волнуясь, читала письма Деда из Хабаровска.

«Под мое окно (обращено на юг) каждую ночь является торжественный пастух Орион, вооруженный мечом и подпоясанный тремя великолепными звездами, а ниже на веревке у него — Большой Пес с Сириусом. — С Марией Николаевной не боялся патетики. Чувствовал себя вправе выражать в родном языке мысли свободно. — Я просыпаюсь ночью, не сплю потом часа по два, все перебираю в памяти события моей длинной и довольно бестолковой жизни и смотрю, долго смотрю на все это небесное великолепие. И с улыбкой думаю, может, сейчас какое-то

другое существо, милое, невероятное, смотрит в бинокль на Андромеду... Бог мой, как это далеко... И какой бинокль может приблизить звезды так, чтобы с ними можно было болтать?»

Мария Николаевна — это много раз пешком с Поварской до Арбата.

Это московское чудесное небо над головой, как камень амиант — бледный, зеленый. Это номер в гостинице с каким-то своим (московским, конечно, а не хабаровским) Дмитрием Николаевичем. (Все они, где бы ни служили, — Дмитрием Николаевичи.) Это праздничные огни за окном. И ежевечерний, совсем не смертельный выбор: позвонить Смирновой или выпить водки?

Конечно, чаще — звонил.

И мир сказочно менялся.

Портал танцевальной академии... Праздничная сумеречность... Легкие быстрые тени, неожиданные вспышки... Угомонись, сердце... Не дети же... И две счастливых смеющихся звезды из-под волчонковой шапки...

Прочла в редакции его рукопись.

«Мы Китая не знаем». В глазах восхищение.

Пыталась расспрашивать Деда, но скоро отстала.

«Право, вы — как метель. Так и метете с разных сторон».

Метель с разных сторон закончилась (как и следовало ожидать) письмом Деду от мужа Марии Николаевны. «Забудьте наш адрес, номер телефона и что вы были знакомы с нами». Пудель о приключениях Деда узнавал, видимо, от своего коллеги — какого-нибудь очередного московского Дмитрия Николаевича...

И была встреча с Тимирёвой Анной Васильевной.

Сестры прозвали ее Колчаковной еще в далеком Омске.

В большой коммунальной квартире на Плющихе Анна Васильевна занимала одну комнату — длинную, тесноватую. Домашняя вязаная кофта, темная тяжелая юбка до щиколоток — все строгое, аккуратное, совсем простенькие тапочки на ногах, будто сама их построила. Дед с первой минуты искал на лице Колчаковны понимающую улыбку (как когда-то в белом Омске), но видел только частые закругленные морщинки, как следы большого волнения на песчаном берегу.

Начинали разговор и вдруг умолкали.

Это в Омске (о, как давно!) за уютными столиками ресторанов «Аполло», «Люкса», «Буффало» или «Казбека» можно было обсуждать все, что приходило в молодую голову. Дед в Ставке Верховного появлялся часто, работа в Русском бюро печати обязывала. Переводчицу Тимирёву (отдел печати при Управлении делами Верховного правителя) прекрасно знал, но само собой — никаких глазок, никакого кокетства, хотя Анна Васильевна любила игру, смех, интересные беседы под шампанское. Знал об аккуратности Анны Васильевны, о том, что переводчица Тимирёва — близкий друг адмирала, при этом находит время на пошив белья для русских воинов в специальных мастерских, на раздачу бесплатных обе-

дов — раненым. Конечно (и это знал), шептались о муже Анны Васильевны — контр-адмирале Тимирёве, но тогда муж ее служил далеко...

Ах, Омск, столица, степь, деревянные дома.

Ах, бело-желтый каменный «дворец» — особняк купца Батюшкова.

Когда Александра Васильевича Колчака приглашали дружески на обед в британскую военную миссию, само собой предполагалось присутствие госпожи Тимирёвой.

Все знали: живут.

Все знали: живут отдельно.

В первое время при поездках на фронт охрану Верховного составляли пятьдесят самокатчиков 1-го батальона 9-го Гемпширского полка, но ревнивый французский генерал Жанен заявил, что исключительно британский эскорт подрывает престиж его страны, и настоял на присутствии в охране адмирала французов.

Адмирал согласился. Все равно поездки на фронт заканчивались банкетами.

Много страсти, много речей. «Долой большевиков! Остановим красного зверя!»

Никто в эти речи уже не вдумывался. Свои помалкивали, чехи косились, французы подшучивали, англичане безмолвствовали. К сдержанности Верховного, как и к его бурным вспышкам, относились с пониманием. Сдержанность была связана с половецкими корнями адмирала, с его густой степной кровью. Но постоянное нервное напряжение (так же, как скрываемая страсть к кокаину) требовало разрядки. Когда омский художник Мамонов написал портрет Верховного правителя в наполеоновской треуголке и с безумными наркотическими глазами, Александр Васильевич в бешенстве сам кортиком (двумя ударами вниз — по диагонали) располосовал выставленный портрет. Очень уж большевицкий. Не может быть у потомка половецких таких глаз.

На Плющихе Анна Васильевна смотрелась смиренно.

Конечно, она знает, она даже прекрасно понимает, что в жизни всякое случается, исчезают, вновь появляются люди, вот еще один всплыл, высветился, возник из прошлого, при этом (удивительно) не лагерного.

С чего начать, о чем спросить, чтобы не навредить себе и этому человеку?

Анна Васильевна помнила Деда в форме. Помнила его и в штатском. В прекрасном, по фигуре пошитом костюме. Сама в том далеком, действительно уже недостоверном (по многим причинам) омском прошлом при первом знакомстве показала Деду любимое кольцо (подарок Верховного) — с александритом.

Конечно, оценил, и она от удовольствия покраснела.

Призналась: «Я люблю рисовать». Попросила: «Дайте блокнот».

Будто доказывая что-то, набросала силуэт Деда — легкие, почти летящие линии.

«Как виньетки Володи Эттеля», — уважительно заметил Дед, но такое сравнение Анне Васильевне откровенно не понравилось. «Этот ваш Эттель — просто переваренная спаржа».

Не стал спрашивать, почему.

Анна Васильевна не стеснялась в характеристиках.

«Знаете, — это о премьере, — Виктор Николаевич — просто тюфяк».

«Знаете, — это о генерале Сахарове, — Константину Вячеславовичу явно не хватает воспитания».

А вот об адмирале, об Александре Васильевиче говорила редко, считала, жизнь такого человека — не тема для болтовни. Саму себя при этом подносила (друзьям) как главное обретение адмирала, потом уж — Россия.

Ну и ладно, пусть будет так.

Все равно болтали по ресторанам.

Любовались заезжим гостем поэтом-футуристом Бурлюком.

«Весенним соком упоенный, прозрачной встреченный фатой, я ныне осязаю звоны, спеленутые высотой...»

Здоров как бык. Одинокий горящий глаз.

При животе — моноклю. Много крику и жару.

«Сюфокэ» (задыхаемся от перегара). Но душевно здоровым людям с поэтами всегда трудно.

В омские дни Анна Васильевна любила темные волосы.

Снимала удобную комнату в частном домике на Надеждинской.

Писала уверенные стихи, играла на пианино, с таким же увлечением отдавалась живописи. В театре слушала «Анну Каренину», «Царя Федора Иоанновича». Ревниво (в саду «Аквариума») присматривалась к пышной красавице Марии Александровне Каринской (знала, та нравится Верховному) — романсы и цыганские песни. Конечно, кино. Конечно, Вера Холодная и красавица Барабанова. «Кровавый вихрь, или Безумие ревности». «Последнее танго». В уютном ресторане «Летучая мышь», расположенном на первом этаже Военного собрания, слушала местных литераторов. Верховный к этому увлечению относился сдержанней. Подозревал в чем-то. «Блок и Горький, наверное, интересные писатели, но по взятии Петербурга повесим обоих».

Милая Химера — так прозвала адмирала Колчака Анна Васильевна.

Почему химера? Из-за его резких скул? Впрочем, какая разница. Увлекаясь, жаловалась на неверных адмиралу людей. Дед, конечно, кивал: ваша правда, Анна Васильевна, неверные — они опасны. Только вот не надо (щурился понимающе) о поручике Щелкуне.

У Деда были свои источники информации.

Тот же поручик Щелкун. Что особенного? Ну, красная фуражка, золотые погоны. Поручик — он и есть поручик. Правда, шептались о некоторых его личных специфических подвигах. В конце концов, как жить, не имея волнующих воспоминаний?

Да, за окнами — Омск. Впереди — поход на Москву.

Никто не думал тогда, в голову не могло прийти, что одних ждет не Москва, а огромная Поднебесная, а других — заснеженная река Ушаковка.

У Анны Васильевны вообще все вышло иначе.

Тридцать лет тюрем, этапов, лагерей.

Советских тюрем и лагерей.

Уточнение существенное.

Сам Дед в своей жизни знал всего лишь одну тюрьму — пекинскую, которая стояла на пустыре за воротами Сюанью. Конечно, не сам туда попал, навещал бывшего сослуживца — Николая Николаевича Сироту, полковника, впавшего в отчаяние.

Как с фамилией Сирота не угодить в застенок?

Утешал полковника: все же пекинская тюрьма не худшее место.

Во-первых, на пустыре, в случае пожара огонь не перекинется. Во-вторых, кормят пусть бедно, зато аккуратно, два раза в день. В-третьих, никто тебя в камере не ограбит, и сам ты не совершишь повторного преступления.

А вот Анна Васильевна явилась в тюрьму сама.

В Иркутске. После ареста адмирала. Поразила чекистов.

Решительно предлагали ей уйти. Чуть ли не гнали. Не ушла.

Продержав в камере (для острастки) почти до октября, все же выгнали за ворота. Не проси лишнего. Нужное — само достанет. Вот в мае двадцать первого и последовал настоящий арест.

«Знаете, с тех пор — непреходящая экзема».

Стыдливо, как кошка-альбинос, прятала пятнистые руки.

Хорошо, что Милая Химера не видел, уже не мог увидеть ее пятнистых рук. Хорошо, что Милая Химера уже давно ничего не видит. Унесло его тело ледяное течение сибирской реки.

«Знаете, он мечтал о Северном полюсе».

Но странствия Милой Химеры расстрелом на Ушаковке закончились.

А вот у Колчаковны все только началось.

Сперва — Бутырка. «Знаете, я там книжки читала».

Бывали, оказывается, и такие вегетарианские времена.

В скудной тюремной библиотеке наткнулась однажды на книжку Деда.

Он не стал спрашивать, на какую. Наверное, на «Думы о русском опыте». Эти его думы в свое время разлетелись по всему миру, вот попали даже в Бутырку. А всего-то — книга призраков, книга теней, среди которых, впрочем, отчетливо была выписана окровавленная тень боярина Александра.

Так Колчаковна и произнесла: боярина.

Ну а потом высылка из Москвы. Некоторое время жила в Тарусе.

Там зеленая листва, тропинки. Там такое все зеленое, что приходило на ум: кажется, конец света пережили.

Но рано, рано было так думать.

В четвертый раз взяли Колчаковну в апреле тридцать пятого.

Пункт 10 статьи 58 УК РСФСР. Это, кстати, ничего. Это почти подарок. «Всего-то пять лет лагерей». Там — шурики, социально близкие, там конвой, лают собаки. Понятно, были и контрики: пятьдесят восьмая,

в основном, пункт первый — измена Родине, и болтуны — пункт десятый. Еще по двенадцатому были — жены врагов народа, эти: знали, дуры, да не сказали. Начальство к таким обращалось весело. «Ну, что, сучки, интеллигентки, будем работать?»

Забайкалье. Потом — Вышний Волочек, Верей, Малоярославец.

Милая Химера сильно удивился бы столь изысканной географии.

А всё будто готовили. Выпустят, посадят. В тридцать восьмом — присудили сразу все восемь лет.

У Колчаковны глаза смиренны. Она давно потеряла интерес к таким беседам. Дело не в том, поверит ли ей сейчас пришелец из далекого (уже недостоверного) прошлого, а в том, что не надо ему ни осуждать ее, ни сочувствовать. Это всеми (и ею) давно пережито. Этого почти что и не было. Да ей и везло. В одном из лагерей, например, оказалась в бараке с давней своей подружкой — Машей Капнист, из прежней чудесной жизни.

«Знаете, она из семьи графа Капниста-старшего».

Про огрубевший прокуренный голос чудесной давней подружки умолчала.

Выйдя на волю, поселилась в Завидове, поскольку Москву для нее закрыли. Но разницы большой нет — Завидово или Москва; в сорок девятом — снова лагерь. Правда, пошла повторницей, голову не морочили новыми обвинениями.

«Знаете, у нас большая страна...»

С Лепешинской бы ей поговорить, думал Дед.

Ольга Борисовна — романтик, тоже видала разные тюрьмы.

Возможно, отсюда (из тюрем царских) и стиль открытий Ольги Борисовны. В добротной тюрьме всегда найдется время подумать. Полковник Сирота (в Пекине) такого понять не мог, потому и страдал много. А вот Ольга Борисовна и срок оттянула, и власть взяла. Да еще убедительно доказала, что кукушки самозарождаются в чужих гнездах не просто так, а под воздействием далекого лесного кукования.

«Знаете, мы все-таки проиграли».

«Как это — проиграли?» — удивился Дед.

А кто же тогда выиграл? Красные, что ли?

Ну да, в лагерях Северной страны везде — бывшие белые офицеры, но красных там даже больше. Ну да, во всех лагерях — торговцы и спекулянты, бандиты и отребье, но в тех же бараках валяются на нарах и те, кто их так ловко ловил. Да, в лагерях — бывшие купцы, кулаки, семеновцы, каппелевцы, пепеляевцы, деникинцы и прочая, прочая, но в тех же бараках — и лютые большевики, и хитрые партизаны, что-то у них там между собой не сладилось, поспрыгивали с ума, слетели с катушек. По всей Северной стране в лагерях — единоличники, троцкисты, японские и польские шпионы, бухаринские шпионы, неудавшиеся наполеоны, но там же и те, кто выявлял всех этих врагов народа. Там священнослужители и сатанисты, там евреи и участники еврейских погромов, анархисты и казаки, твою мать, монашки и мужеложцы, жены и дети врангелевских и деникинских офицеров, там эсеры, кустари, дворники, доносившие на

жильцов, жильцы, подставлявшие дворников. Там бывшие вороватые захвосты, но там же и упертые члены партии с девятьсот пятого года, как бы новые хозяева страны. Некоторые из них (по ими же сочиненному закону «семь восьмых» — указ о трех колосках) тянут по пять-десять лет за мешочек собранного в поле зерна, за вылов из Финского залива никому не нужных бревен, разбросанных вдоль берега штормом, за подобранные у железнодорожной насыпи крошащиеся куски каменного угля. Там вкалывает на лесопилке бывший белый поручик Князцев. Партизаны раздели на морозе его жену и весело отослали, как мраморную статую, в открытой кошевке к мужу. Езжай, Дуня! Понятно, на груди — записка, обращение к мужу: «Витя, не стреляй». К несчастью, Витя (поручик Князцев) не внял, договорился с веселыми братше с чешского броневоего поезда и снес с лица земли большое село. Старух подбрасывало вместе с избами.

Вот эдакая история.

«Знаете, Милую Химеру предали».

Дед кивал. Молча слушал, молча кивал.

Предали? Дед думал. Дед вспоминал. Вдруг явственно видел, как в пронизывающем тумане, замутненные кокаином глаза адмирала, именем которого много лет вдоль всей железной дороги от Омска до Владивостока цепных псов кликали Колчаками. Видел трупы, там и тут вмерзшие в снег, а над ними тяжелые броневые поезда и догорающие в ледяных тупиках отцепленные от составов вагоны-теплушки с тифозными больными.

«Знаете, Милую Химеру предали».

Так она думала. Так считала. Вот ведь давно уже нету больше Александра Васильевича, а Дед, бывший вице-директор Русского бюро печати, ярый пропагандист, полковник, несомненно, враг нынешней власти, сидит перед нею, перед Колчаковной, перед Анной Васильевной Тимирёвой — плотный, кустистые брови, палка в руке, набалдашник из слоновой кости в резных иероглифах. Одет добротнo, глаза от стыда не выплели, алкоголь их не замутнил, пуля не тронула, видно, что и в советской Москве найдется куда пойти.

Смотрела и не понимала: как так?

Милой Химеры нет, генералов, оспаривавших будущее, нет, давно затерялся в пространствах веселый поручик Щелкун, а бывший пропагандист, бывший полковник в добротном костюме, с резной палкой, с авторучкой в кармашке, почему не замерз на смертельном льду Байкала, не расстрелян в поле под Красноярском, не истлел на харбинском кладбище? Как это так? За любой из его плакатов большевики должны были сгноить его в лагерях.

«Из всего обещанного вам большевики дали:

мир — такую войну, какая никому не снилась,

хлеб — картофельную шелуху, мякину, конину, говядину с сапом,

волю — тюрьму да виселицу, расстрелы без суда и повсеместный грабеж,

землю — по три аршина на человека в вечное владение, ложись в нее и владей,

фабрики и заводы — безработицу, голод, холод, комиссарский кулак под нос да пару мадьяр или китайцев по бокам».

Разве не ярились большевики, читая такое?

Так почему он в Москве? И почему глаза светятся?

«Знаете, — сказала негромко, — у меня хорошая память».

В сорок девятом умудрилась запомнить целый лист из своего дела, небрежно (случайно) раскрытого на столе следователем. Щурилась, моргала, показывала, как плохо видит. Следователь, может, и не верил, да ведь, с другой стороны, на кой хрен скрывать что-то от этой, считай, уже неживой бабы? Ну, подстилка адмиральская. Со дней Екклесиаста известно: во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй.

«На правой ноге шрам от операции».

Все слова Колчаковна запомнила буква в букву.

Личные дела эков хранятся в специальных фондах.

«Хранить вечно». Иначе как? Иначе прошлое вообще размажется, не скрепленное ничем, даже бумагами, уйдет в небо легким дымком. Нет, нет. Пусть хранятся эти мутные (как на могилах) фотографии, пусть дойдут до потомков эти пожелтевшие листы допросов с вложенными между ними ломающимися от сухости справками.

Запомнила навсегда.

Каждое слово, каждую букву.

«На основании изложенного обвиняется такая-то (перечислены были все ее прошлые фамилии), в 1918—1920 г. жена адмирала Колчака...»

Никому, даже лучшей, даже давней, единственной своей чудесной и нежной подруге Маше, той, что из семьи графа Капниста-старшего, яркой артистке, умнице, все понимающей, все чувствующей, не сказала о том, что казенная запись на допросном листе взволновала ее.

«Жена адмирала Колчака...»

Дословно запомнила словесный портрет.

«Фигура: полная.

Плечи: опущены.

Шея: короткая.

Цвет волос: темно-русые с проседью.

Лицо: овальное.

Лоб: высокий.

Брови: дугообразные.

Губы: тонкие.

Подбородок: прямой.

Особые приметы: на правой ноге шрам от операции.

Прочие особенности и привычки (картавит, грызет ногти, жестикулирует, сплевывает): нет».

Удивительно: про экзему — ни слова.

И еще удивилась: это у меня-то шея короткая?

И думала, думала. Время в лагерях было. Постоянно думала.

Вот на плакатах Деда (Русское бюро печати) все просто объяснялось.

Красные идут в Омск не для того, чтобы освободить вас, обывателей (обыватели всегда свободны), от жестокого насилия белых. Красные идут в Сибирь за вашим хлебом, господа наивные обыватели. Они за вашим хлебом идут! Захватив Омск, главную столицу России, большевики откроют путь в остальную огромную, до смерти голодную Россию, и туда, как бурей, всосет весь ваш хлеб, все ваше масло, молоко, а вам, господа обыватели, взамен выдадут одноразовые продовольственные карточки.

«В СИБИРЬ, ЗА ХЛЕБОМ!»

Сработал такой плакат мгновенно.

Из банков начали забирать вклады. Люди бросились к поездам.

По всему Омску грузовые автомобили, розвальни, сани, доверху заваленные вещами. К вокзалу не протолкнуться. Драки, вопли, ругань, выстрелы. Бодрее всех держались иностранцы, приехавшие в Омск изучать ужасную русскую революцию. Злые солдаты в форменных фуражках, матюгаясь, пилили на морозе дрова. Грузите, грузите уголь на паровозы. В звездной ночи, будто облитые мистическим сиянием, двигались по дорогам (на восток) многие человеческие фигуры.

От кого бежите? От немцев? Французов?

Никто не понимал. Знали одно: большевики близко.

Верховный недоумевал, сжимая виски ладонями: вот ежели сейчас заключить мир (и такое напрашивалось), то что же мне — служить у большевиков? Колчаковна объяснить не умела, сама нуждалась в поддержке, да и не стал бы слушать. Все мужчины для Анны Васильевны закончились на Александре Васильевиче. Да и как иначе? Ведь ей, не беглянке в Париж — Софье, официальной жене, Верховный дарил цветы. Фиалки, ландыши, розы, нарциссы, да хоть ромашки, хоть ирисы. Все были хороши. Как александрит в золотом колечке.

Дед кивал. Пусть выговорится.

Он знал больше, чем подруга адмирала.

Ну да, розы и фиалки — Анне Васильевне, а письма — жене.

«Мне странно читать в твоих письмах, что ты спрашиваешь меня о представительстве и о каком-то положении своем как жены Верховного правителя, — писал Александр Васильевич в Париж своей жене Софье. — Ты пишешь мне о том, что я недостаточно внимателен и заботлив к тебе. Я же считаю, что я сделал все, что я должен был сделать. Все, что могу сейчас желать в отношении тебя и сына, чтобы вы были в безопасности и могли бы прожить спокойно вне России настоящий период кровавой борьбы до ее возрождения. Прошу не забывать моего положения и не позволять себе писать письма, которые я не могу дочитать до конца, так как уничтожаю всякое такое письмо после первой же фразы, нарушающей приличие. Если ты позволяешь слушать там (в Париже) всякие сплетни про меня, то я не позволяю тебе их сообщать мне. Это предупреждение, надеюсь, будет последним».

Дед слушал.

Пусть выговорится.

В гостинице у него была припрятана бутылка «Московской особой».

Пригодится. Саднило сердце. Только у женщины любовь может тянуться так долго. Вот уже и некого любить, все выгорело, а любовь все равно жива, ранит. И чем мучительнее, тем дольше тянется.

«Средь шумного бала...»

После танцулек такие стихи не напишешь.

Слушал Колчаковну, а сам уже прикидывал: с Плющихи пойду к Горбатову. Напиться нужно. У Бориса Леонтьевича — всегда хороший коньяк, правда, жена на высылке. Или к Щипачёву пойду, если уж совсем прижмет. У Степана Петровича и хороший коньяк дома, и хорошая жена дома — Фаня, приемная внучка Ильи Григорьевича Эренбурга. И стихи у Степана Петровича простые. «Леса и леса. За Уралом, где зимы намного длинней, деревня в лесах затерялась, лишь звезды да вьюги над ней...»

Слушал. Кивал медлительно.

В перерывах между отсидками Колчаковна умудрилась выйти замуж за обычного инженера-путейца. Был добр. Показалось вдруг, все затихло. Показалось вдруг, что про нее забыли. Но опять — арест... Потом опять — поднадзорное проживание... Время пришло настоящих строгостей.

На волю вышла после войны.

«Отсиделась».

Считай, что и так.

Муж умер. Москва закрыта.

В городе Щербакове работала дошкольной воспитательницей (после войны рабочих рук везде не хватало), конторской чертежницей, ретушером, вышивала кофточка, скатерти, расписывала игрушки, в местном театре сочиняла декорации. В театре, кстати, нравилось.

«Как дети, все у них невпопад».

Вот они-то, актеры, у которых все невпопад, Колчаковну и заложили.

В итоге отсидела десять месяцев в Ярославской тюрьме, затем этап в Енисейск.

Ах, Милая Химера, Александр Васильевич! Вот все-то меня к большим рекам тянет. Вот все-то покоя нет.

«Полвека не могу принять, ничем нельзя помочь...»

Вот какая большая у нас страна, вот как много больших рек.

«Но если я еще жива, наперекор судьбе, то только как любовь твоя и память о тебе...»

Слушал.

Помнил слова Верховского.

«Не верь тем, кто потерял много».

Не случайно Валериан походил на евангелиста Луку.

«Не верь тем, кто вообще ничего не потерял».

Понимал, что Колчаковна не жалуется.

«Знаете, Александр Васильевич жаловался, что подводные лодки и аэропланы сильно начали портить всю поэзию войны. — Невольно улыбнулась тому, как странно прозвучали эти произнесенные ею слова. — Что там, в облаках, что под водой? Стрелять приходится во что-то невидимое. Вот и взрывается что-то в столбах дыма и воды, а что, не видишь...»

Добавила непонятно: «Подливы много...»

Дел понял: перешла на жаргон. «Врут много...»

«Помните, как Арсений писал об Александре Васильевиче?»

Он помнил. Он знал. Несмелов навсегда останется их главным летописцем.

«День расцветал и был хрустальным, в снегу скрипел протяжно шаг. Висел над зданием вокзальным беспомощно нерусский флаг. И помню звенья эшелона, затихшего, как неживой. Стоял у синего вагона румяный чешский часовой. И было точно погребальным охраны хмурое кольцо, но вдруг, на миг, в стекле зеркальном мелькнуло строгое лицо. Уста, уже без капли крови, сурово сжатые уста! Глаза, надломленные брови, и между них — его черта, — та складка боли, напряженья, в которой роковое есть. Рука сама пришла в движение, и, проходя, я отдал честь. И этот жест в морозе лютом, в той перламутровой тиши, — моим последним был салютом, салютом сердца и души! И он ответил мне наклоном своей прекрасной головы. И паровоз далеким стоном кого-то звал из синевы. И было горько мне. И ковка перед вагоном скрипнул снег: то с наклоненною винтовкой ко мне шагнул румяный чех. И тормоза прогрохотали, язг приближался, пролетел. Умчали чехи адмирала в Иркутск — на пытку и расстрел!»

Жена адмирала Колчака.

Конечно, это льстило Анне Васильевне.

Она ведь не видела листов допроса, которому в Иркутске был подвергнут Верховный.

«Член комиссии: Здесь добровольно арестовалась госпожа Тимирёва. Какое она имеет отношение к вам?»

Колчак: Она моя давнишняя хорошая знакомая; она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам — больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней и затем, когда я должен был уехать по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезде. В этом поезде она доехала сюда (до Иркутска) до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мной.

Член комиссии: Она является вашей гражданской женой?»

Колчак: Нет».

Медленный тихий снег.

Низкое смутное белесое небо.

Железная дорога занята поездами, вдоль дороги — беженцы.

Беженская тля, презрительно говорил чешский генерал Гайда. Длинный рот набит золотыми зубами. Ироничная улыбка. «В Вятке свои порядки». Пытался понять Россию, но масштабы сбивали с толку. Как

понять? В небо — неестественно прямой столб дыма. В ободранных вагонах — обовшивевшие солдаты, на крышах — дрова. А рядом, в вагонах для союзников, освещены окна, слышатся женские голоса, к чаю подают монпансье и белые булки. Поляки, чехи, французы, англичане, сербы в бесконечной безрадостной стране чувствуют себя хозяевами. Конные разъезды неустанно рыскают вдоль пути. Серые френчи, суконные красные штаны. В вагоне-ресторане тучный министр финансов фон Гейгнер отчитывает нерадивых (на его взгляд) официантов. Чешский генерал Сыровый (черная повязка на левом глазу) требует подать водку. Штабс-капитан Василий Янчевецкий (будущий сталинский лауреат по литературе) спорит с другим будущим советским писателем — молодым пышно-волосым чиновником особых поручений Министерства иностранных дел Валерием Язвицким.

Ничего не происходит. Жизнь происходит.

Ангелы — они как золотые комары. От них отмахиваешься, а они вновь и вновь жалят твою совесть. Подлива все это. Вранье, твою мать. Колчаковна незаметно перешла на барачный жаргон, но руки привычно держала на коленях — смиренно.

Все же ей везло. Например, баланы не привелось катать.

«Баланы — это такие мерзлые бревна с корой».

Дед кивал.

Снежная тьма.

Звезды — будто их мороз накалил.

Фосфорическое свечение отовсюду, сполохи.

И таежное село — безмолвное, потерянное. Название хрен выговоришь.

Света ни в одном окне — затаились. Дед выбрал избу попримечнее. Не то чтобы лучшую, но — ничего. Бросил поводья своей рыжей злой кобылы рядовому Косоурову, толкнул дверь. Пахнуло в лицо дымом, псиной, хотя собаки в избе не оказалось. Увидел девку за грубым деревянным столом, старуху — в стороне, у печи, на лавке. Будто неживая, замерла.

А девка молодая, из-под платка русые волосы, по взгляду чувствуется, готова.

К чему? Да к чему угодно. Ноги прикрыты юбкой — длинной, серой. Не вскочила испуганно. В усталости, в смутности ночной Дед подумал с усмешкой: а ты чего ждал? Да, не вскочила. Да, юбка серая. Не подвязки на ней, не кружева, твою мать. В обычной жизни таким девкам бойкости не занимать, но сейчас молчала, смотрела как из мглы, глаза как провалы, черные бездны со своим страшным миром. Хотел крикнуть Косоурова, но дверь затворилась, да и понял уже: девка и старуха — одни. Колеблющийся свет толстой самодельной свечи неясно падал на пол. Отметил про себя: пол не сильно хорошо выскоблен, будто тут поросенка резали.

Не скидывая шинель, задымил самокруткой, осмотрелся.

Воздух кислый, но чисто. Только следы у порога подозрительные. И старуха подозрительная. В каком-то стеганом татарском халате, а на девке — платок серый на круглых плечах, себя жалеет.

«Где хозяин?»
 «Нету его».
 «Куда ушел?»
 «Повез мешки».
 «Куда, какие мешки?»
 «Откуда мне знать, куда и какие?»
 «А кому надо такое знать?»
 «Тому, кто заставляет».
 «А кто заставляет?»

Пожала плечами. Она, конечно, не знает. Всякие приходят и уходят. Все вокруг как с ума посходили, с ума поспрыгивали, обозы, верховые, пешие. Все идут на восток. Только на восток. Что там, вход в рай? Почему всё прут и прут через нас, день и ночь, ни отдыха, ничего. Все поедено, все выпито.

Старуха в теплом халате так ни разу и не шевельнулась, может, правда ни слова не слышала, вся страшная, согнутая жизнью. Но когда спросил громко:

«С кем воюете-то?»
 Услышал: «А кто придет».
 «Молчи», — вспыхнула девка.
 «Пусть говорит», — разрешил Дед.

Но старуха опять замерла, замолчала.

Дед смотрел на деву-хозяйку. Усталое тело ныло. Тридцать верст среди снегов, твою мать. Хорошо, яйца не поморозили. Подойти и обнять девуку, сдавить, чтобы застонала, чтобы тепло учуяла, поняла: вот такая в человеке сила. Ни морозом, ни верстами не сломишь.

Повторил: «С кем воюете?»

На этот раз девка посмотрела на Деда такими глазами, будто в них ночь клубилась. Или клочья ночи, так страшней. Тянула к себе магнитом. Подумал: подойду. Но в этот момент девка ответила: «С кем воевать такими-то руками?»

И показала молодые, сильные, но уже искривленные работой, распухшие в суставах пальцы. Такие, что, может, и косточки в этих пальцах были перебиты чем-то тяжелым, потом срослись, как могли.

Но сама — крепкая. Как зимняя непогода.

«Кругом всё загадили», — прошамкала старуха.

Глаз старухи Дед не видел. Опустила голову, чувствовал — ненавидит. Сухо и зло. Такая вот таежная пиковая дама. Но девка, та дышала умеренно, блюла себя, потому и подумал уже спокойней: сам ночью прохнусь... Потянулся: такая не оттолкнет, сама в дебрях одна, мужик-то, вишь, мешки повез... Куда? Какие? Кому?.. Тяжело топая сапогами, прошел в угол, откинул занавеску. На этом топчане хозяин, наверное, любит дрыхнуть. Зевает, крестит грешной рот. Сегодня какие-то мешки увез, вчера какого-то поросенка резал. Не шли из головы затертые на полу пятна.

На топчане — потертое сукно болотного цвета.

«С кого шинель сняли?»

«Никто не снимал».

«А откуда она?»

«Сам сбросил, — усмехнулась. — Обменяли шинель на окорок».

Усмешка странная, и повела плечом странно. Дескать, а чего такого?

Ну кто-то пришел, ну сбросил шинель. Зато — окорок. Глядя на такую, что хочешь сбросишь. Подумал (не теряя осторожности): это хорошо, что Косоуров и другие люди расположились в соседних избах.

Не смотрел на девку, но притягивала, как магнит.

Упал на топчан, поестъ — это потом. Проваливался в сон.

Ночью... Встану... Девка в постели... И старуху сон сморит...

Укрылся английской шинелью. Девку обниму, не к старухе же она приткнется. Подумал: чего хочу? Удивился. Новогоднюю елку со свечами хочу, хлопушки. Как в детстве. Чтобы свечечки выгорали полностью. И чтобы цвели апельсины в еловых лапах. А тут темно. Ветер воет в трубе, домово́й печалится, вдруг его избу сожгут, куда ему пойти, где притулиться? Снилось дорога. Снился лай. Снились негромкие голоса — мужской и женский. «Чехособаках в красных штанах...» О чехособаках — это женский голос. Дошло сквозь сон, девка это говорит. Может, муж вернулся? Не мог разлепить веки, но вдруг обожгло: вовремя пробудился, вовремя...

«Чехособаки... Этих не жалко».

«А этих?» — непонятно, о ком.

«Эти плачут по-нашему...»

«А ты не жалеи. Запрещаю жалеть».

Мужской грамотный приглушенный голос.

«Слышала, небось. Под Анжеркой эти, которые плачут по-нашему...»

Там они никого не жалели, кололи даже старух...»

«Знаю...»

«Знаешь, а манишь».

Некоторая неправильность выговора — зуба нет?

Сон как рукой сняло. Рука на револьвере, прислушивался.

«А вы гостей пугните, они разбегутся. А этот — мой. Его не хватятся».

Как понять шепот в ночи? Иногда такой шепот пострашней грома. По шепоту этому осторожному, прерывистому, Дед уже отчетливо понял, что проснулся в самое время. Ну тютелька в тютельку. Девка, оказывается, не простая. Ох, не простая. Руки сильные. Так по шепоту понял, что за неделю эта девка уже троих пропустила через себя. Наверное, и проснуться не успевали. Тут и правда, кто хватится? В село за каждым не вернешься. Может, дезертировали.

«Я-то что? Я только поману, они сами идут...»

И повтори́ла: «Я только поману, они сами идут...»

Горбатое получилось словечко — поману. Медом вымазано, но будто облипло мухами. За неделю — троих. Шептала с веселой злостью: «Кто ж их хватится? Они в одну сторону идут. Назад никто не смотрит.

Их сейчас вокруг, как рыб пришлых в пруду. Кто их считает? Одного пугнули, вся стая взметывается».

Много зла клубится в темной избе под утро.

А жить, как раньше жилось, нельзя, отменено революцией.

И вообще разберись, как теперь жить? Один за революцию, другой против революции, один погромщик, другой с улыбкой сам все забирает, а вот все отдельно — за Россию.

Револьвер под животом согрелся.

Приятно тяжел, но Дед уже понял — не понадобится.

Рядом двадцать три человека по теплым избам. На подходе (с минутой на минуту) — батальон капитана Суркова. Неполный, повыбитый, но батальон. Местные обо всем знают, на риск не пойдут, внимательно к дорогам приглядываются.

Большие батальоны всегда правы.

Но затертые пятна на полу не шли из головы.

«Я только поману, они сами идут...» Вот пусть капитан Сурков этим и займется. Люди пропадают, за этим надо следить.

И услышал рожок во дворе.

Ржали лошади, ругались входящие в село сурковцы.

«Поспешите, господин полковник», — толкнул дверь рядовой Косоуров.

Выходя, оглянулся. Хозяйка уже (как вчера) сидела за столом в той же серой кофте, в том же сером платке.

Привиделось во сне? — ведь шептались.

Или был мужик, да успел уйти, знает дело?

При утреннем свете, отдохнув, перехватив сна, разглядел: девка совсем не страшная, это точно, мало ли что пальцы покалечены, вон и губы, как у Анны (первой жены), строго поджаты, руки на животе. «Я только поману». Из черных девкиных глаз вдруг полыхнуло: *слышал*. Догадалась. *Слышал*. Но в панику не ударилась. Смотрела, как затягивает ремни, эту свою военную сбрую. Смотрела в глаза, взгляд не отводила, не прятала. Вдруг бешенством обожгло: *жалет... упустила... уйдет...* Вздернуть девку прямо на воротах, чтобы впредь никого к себе не поманула! Будет урок охотникам до чужого добра, до английских шинелей, до оружия.

Но молчал. Думал, девка еще родить может...

Ответила взглядом: *могу...*

«Господин полковник!»

И снова дорога. Снова топот копыт.

Вдруг ощутил, как горячо рвется по жилам кровь.

Обожгло радостью: жив! Эти темные пятна у порога, эта замытая кровь.

Не мои. Но ведь кровь! Вернуться, твою мать, завалить девку в тряпье, кусать в губы, тискать, разворачивать, может, правда, родит кого? И если уж родит, то пусть рождает от *своего*.

Стук копыт.

Лошади ржут.

Видел, как в утренней зимней дымке, параллельно дороге, ползет по железнодорожным путям поезд. Теплушки как мертвые. А на дороге — лошади, сани, розвальни, ржание, мат. Появляются в стороне местные. Стоят, не скрываясь, настороженно. В сторону поездов не смотрят, отворачиваются, знают, пулей броневое чудище не остановишь, пусть ползет. Вот пристрелить или зарезать какого отставшего бедолагу, это пожалуйста, это на пользу. Но поезд не трогай. Пусть ползет по чугунке. Пусть даже останавливается среди снежного поля. Видно, заканчивается вода, все толпой бегут к колонкам забытого полустанка. Женщины, мужчины, даже старики и дети, вообще не поймешь кто.

А на обочинах мужики разбирают брошенные вещи.

Крикнут с поезда: «Не ваше же!» Ответят беззлобно: «Сегодня все наше».

Вон один — в бороде, в коротком тулупе — озирается, военное галифе (снял с кого-то), кожаный зад потерт. Усмешка на широкой роже. Такому всё нипочем. Чистый эндемик, усмехнулся Дед. Смотрит на сносимый ветром дым, принюхивается, хочет знать, все ли правильно в природе.

Нет, все неправильно.

Стрельнул бы мужик, только зачем?

Пусть уходят. Никого не надо держать. А то не выдержишь, пальнешь по освещенным окнам, и уже через час выкатится из мгlistой метельной мглы еще более мгlistый броневой поезд. Ворочая дулами, в прах разнесет село.

Сидел, слушал Колчаковну.

Она спросила: «Пишете?»

Ответил: «Пытаюсь».

«О коммунизме?»

«Этого не могу».

«Почему?»

«Не утопист».

«О чем же тогда?»

«О Пушкине».

Она не поверила. Имя Пушкина прозвучало неожиданно дико.

Совершенно не поверила. «Знаете, — сказала, — писать надо о любви».

Но даже сейчас ни одна морщинка на лице Колчаковны не расправилась.

А на Деда дохнуло из прошлого. Снег, мороз, ветер. Из Омска до станции Татарской как-то еще двигались. Но дальше — то воды нет, то угля нет. А еще дальше — то сыпной тиф, то раненые. Ночами в лунном свете выгружали трупы прямо в снег, укладывали рядом с насыпью. Белые замерзлые кисти рук стучали, как фарфоровые, бывало, ломались. Тихая Луна бросала неземной свет на загаженные нечистотами снега, на разбитые, разломанные на топливо строения.

В окне штабного вагона мелькала тень Верховного.

С декабря восемнадцатого вся Сибирская армия подчинялась адмиралу.

Он — победитель. Он — Сибирский Лев. За отнятие Перми у большевиков он награжден французскими и английскими орденами. Когда летом девятнадцатого красные ударили с юга и пришлось отходить, в Омск прикатил взбешенный генерал Гайда. Пена у рта. Адмирала никогда не ценил. «Нельзя отходить! Ошибка!»

«О чем это вы, генерал? О каких ошибках?»

Гайда заткнулся. Слишком быстро вырос, чтобы получить право на крик.

Тифозные теплушки, кошевки с соломой, люди в тулупах, шубах, верховой ход, пеший, пронизывающий ветер, летящий снег. Коричневые сталактиты нечистот под каждой теплушкой. Пьяный машинист рвет регулятор из рук такого же пьяного помощника. Красная, пламенная, как адский отсвет, паровозная топка.

Россия расплзается, как лоскутное одеяло.

Не государство, а бесформенные наделы с атаманами.

Трупы в снегу, огневой закат. Замерзшие, кутанные в тряпье фигуры.

«Ах, русские люди умирают красиво! Ах, как я люблю Родину!» — А вокруг загаженный серый снег, брошенное оружие, мерзлые теплушки, в которых единственное страшное спасение — прижаться как можно крепче к умирающему от тифа, такой исходит от него жар.

Пусть выговорится.

Смотрел на Колчаковну.

А видел мерцающий, призрачный и прозрачный лед.

Вдруг замшевое брюхо павшей лошади высвечивалось — в инее мертвом.

Живых лошадей втроем, вчетвером поднимали на ноги, но копыта разъезжались, лошади снова падали. На страшном прозрачном байкальском льду лежали десятки, может, уже сотни замерзших лошадей. Какая-то (еще живая) вдруг поднимала голову, без ржания обреченно провожала людей взглядом.

Никаких надежд.

Ну пройдем еще пару верст.

Ну поднимем еще пару лошадей.

Знал, знал: это сынов человеческих судьба испытывает.

Пусть видят, пусть убеждаются: все равны, все сами по себе животные, участь у всех одна. Как животные умирают, так и люди. Одно дыхание у всех. И нет у человека никакого преимущества перед скотом. Белые лошади, черные, желтые, в пятнах, мерзлые, кричащие, открытые настежь глаза. Отступление, казавшееся планомерным, продуманным, давно превратилось в исход. Танцующая поземка, уханье из тьмы — сиделся лед. Цинки с патронами, брошенные снаряды, еще вчера каждый снаряд ценился на вес золота. Казалось, все умерли. Казалось, сквозь поземку по заснеженным зеркалам льда бредут мертвецы. Казалось, умерли все

классы, общество умерло, само государство. Огромный больной стонущий организм ворочался в смутной ледяной мгле Байкала, звенел, стонал, пытался выжить.

Зачем тратить жизнь на бесконечное удирание?

Впрочем, Колчаковна байкальского льда не видела.

В салоне адмиральского поезда всегда был свет, горячий кофе, шампанское, а в лагерях (Северная страна) радовались мутной воде. В «индии», в бараке социально близких, скучающие уголовницы сделали Колчаковне наколку на ее тогда еще круглой заднице. Мы — художницы совсем нового мира, мадам Колчак! Это вам вместо креста на Святой Софии, это вам вместо белой России, вместо стихов пьяного Бурлюка.

«Вечер. Тени. Сени. Лени. Мы сидели, вечер пья. В синем взоре — бег оленя. В синем взоре — лет копыя».

Две ласково матерящиеся девки держали Колчаковну на барачной лежанке, застланной грязным тряпьем, а главная мастерица, сама распиванная, как пасхальное яйцо, работала.

«Держите крепче».

Но Колчаковна и не думала сопротивляться.

Зачем? Пусть, наконец, случится то, что должно случиться.

«Поздравляем, мадам Колчак». Татушка на заднице. Навечно. Не вытравишь.

«Знаете, там совсем простые слова. Хотите знать, какие?»

Глядя на Деда, Колчаковна неприятно оскалилась: «Там, знаете ли, совсем простые слова».

Что там выкололи на круглой заднице Анны Васильевны, Дед не хотел знать. Зачем? Для него все слова должны были звучать по-пушкински, потому и вернулся в Северную страну. Всегда помнил сказанное Верховским: «Не верь тем, кто потерял много». Не верь, впрочем, и тем, кто не потерял ничего. Когда работал над историческим повествованием об Императрице («умереть или стать советским писателем») специально искал имена, бросающие свет на тех, кто рядом. У меня — Ледяной поход, а у Императрицы — победы. Вот трусит по дороге ординарец генерала Денисова — донской казак Емельян Пугачев. Чернявый, с бородой, глаза быстрые, зубы в ровном белом оскале. Пусть трусит. «Люди тащат друг друга на виселицы, потому что говорят на разных языках». Это он тогда правильно указал, к месту.

Раздраженно стукнул палкой в пол.

Тысячи и тысячи русских, молодых, обученных, способных на многое, остались на выметенном ветрами льду Байкала, на мерзлых сибирских проселках, вдоль нескончаемой линии великой сибирской магистрали. Гетры, обмотки, короткие английские шинели. Кожа сапог лопается от морозов. За чужую форму (подарок союзников) местные мужики солдат генерала Сахарова принимали за иностранцев.

Не все дошли до Китая.

А я дошел. Я даже вернулся.

У Колчаковны — смиренные морщины, тесная комната.

А у меня теперь даже свой кабинет, за окнами прохожие ругаются по-советски.

Утром чай с Машей, раковинкой моей души. Я вернулся. Маша не в латаной кофте ходит, на полках — умные книги. На рабочем столе — зеленая лампа. Я, как упрямый мотылек, четверть века пробивался к свету — и вернулся, не сгорел, не опалил крылья. Раздетая партизанами жена поручика Князцева каких-то два километра не доехала до мужа, а я до Маши проделал тысячи километров. В недостоверном прошлом остались шанхайские девки с радио, харбинская водка, враги спасения нашего, Золотой Рог, по которому, как водомерки, носились верткие «юли-юли». Остались на роскошной Светланке сумеречные фонари, отлаiali американские матросы в своих дурацких поварских колпаках, отрычал уанстеп, море утихомирилось — зыбучее, вечное.

Милейшая Ольга Борисовна Лепешинская тысячу раз права.

Кукушки, твою мать, самозарождаются в чужих яйцах исключительно под воздействием далекого лесного кукования. Как иначе? Подумайте. «Вы какому-то монаху Менделю хотите верить или мне, члену КПСС с одна тысяча восемьсот девяносто восьмого года?»

Всё из грязи.

Даже искусство.

Любое учение можно развить успешно.

Любое учение можно искалечить так же успешно.

Сотни тысяч людей, миллионы людей можно поднять, натравить друг на друга, разъярить каждого и всех, заставить изрыгать огонь из ртов, размахивать револьверами, выжечь города, края, целые государства. А вот птичье яйцо, самое обыкновенное, твою мать, просто так не создашь. Это выше всех нас, это только Ему подвластно. Ни монах Мендель не создаст обыкновенного простого живого яйца, ни академик Лысенко, ни Ольга Борисовна. А простая курица, даже самая глупая, создаст. Плевать курице на все теории. Ей только петух нужен.

«Писать надо только о любви».

Все в нашем мире недостоверно.

Все, кроме будущего, наверное, мрачно решил Дед.

И почему-то вспомнил слова умного полковника МГБ Анатолия Барянова.

Это ведь полковник Барянов уверенно утверждал, что советскую службу госбезопасности следует рассматривать исключительно как первичный хитиновый покров настоящего (то есть достоверного) будущего, уже энергично нарастающего.

Гуманная педагогика

Уже два года бывший одноклассник зовет меня на Сахалин.

Пишет: любой рыбы навалом, красная икра, кальмары, морские гребешки, крабы, каждое лето — красивые сезонницы из любых городов, пусть без высшего (пока) образования, но не дуры. Задницы

у всех — хоть сваи вколачивай. Железная дорога с узкой колеёй (с японских времен; у японцев взгляд узкий), поезда называются мотрисами, они неторопливы, зато оценишь, что это такое — застрять в поезде на горном перевале и видеть, как зенитчики залпами спускают лавины с самых опасных склонов.

Это не Джека Лондона читать.

Ну а дети островные, уже два года заманивает меня бывший одноклассник, ничем не отличаются от континентальных, такие же хитрые и ловкие. Зарплата выше, отпуск с оплаченным проездом в любую точку Советского Союза (в один конец). У нас жить будешь приличнее, пишет мне бывший одноклассник, чем зав. тайгинским гороно. Скучает. Заманивает. Дескать, с Сахалина до Курил всего ничего лёту, а там (на острове Кунашир) — вулкан Тятя, повиднее Везувия, океан и за нешироким проливом (семь-восемь километров) страна гейш и самураев — Япония.

Какое государство лежит так близко к твоей станции?

Ну и главное. В областном центре, то есть в городе Южно-Сахалинске, открыто свое книжное издательство, создана писательская организация. Чувствуешь перспективу? Литературный альманах выходит, сборники, газеты — даже корейская.

Корейская! Газета!

Я бы поехал.

А Соня?

Каждое лето школьный завхоз Фирстов увозит своих дочерей на отдаленную заимку. Отдых натруженным нервам, отдых дружной семье!

Там, в таежной глуши, в некотором отдалении от разъезда Пихтач — густые кедровые рощи, сухие гари с малинниками, душистой смородиной, там грибы, само собой, и пусть нет никакого моря, зато тишина. А что горбун, это неважно. Никто Платона горбатым не назовет, духу не хватит. Да, он небольшого роста, зато крепок, силен. Своими мощными короткими руками, как клещами, раздавит лернейскую гидру, микенскому льву надерет задницу, вздумай только это лихое древнегреческое зверье наброситься на его дочерей.

Дочерей у Фирстова — одиннадцать.

Шепчутся, что половина из них приемные, но это вряд ли.

В школе к Платону Фирстову относятся с уважением, к советам многоопытного завхоза прибегают и директор школы, и завуч, и просто учителя. Казалось бы, самый обыкновенный человек, а свой род (так сам Платон утверждает) ведет из Древней Греции. Даже в официальных анкетах указывает, что родился в день седьмого таргелиона. В гороно поспеиваются, но уважительно. Ну бог с ним, ну пусть седьмого таргелиона, мы-то с вами знаем, что в ноябре. После войны в мире много чего смешалось. Вот и у нас появился древний грек — молчалив, порядочен, от дела не оторвешь, настрогал дочерей на всю область. Летом непременно увозит свой табор в тайгу, подальше от городских соблазнов. Понятно, и Соньку.

Раньше я на заимке не бывал.

А теперь решился. Съезжу, никого предупреждать не буду.
 Явлюсь, встану на пороге. Вот он я, ваш учитель, — обрадуются.
 Сказано — сделано. До разъезда Пихтач добрался пригородным.
 Оттуда попуткой в бывшую (брошенную) деревеньку. А там вокруг — огромная гарь. Очень давняя. Воздух чистый. Дыши всей грудью, хоть весь день. К тому же я удачно встретил на грунтовой дороге любителя ягод, чуть ли не из Мариинска. На мотоцикле «Урал» с коляской он запросто добросил меня до тихой речки, надежно упрятанной в густом ивняке.

«Дальше сам».

«А может, довезешь?»

«Дураков нет ездить к Фирстовым».

«А чего в этом особенного?»

«Сам увидишь».

Прозвучало тревожно.

«Значит, мне прямо по тропе?»

«Вот-вот. Главное, никуда не сворачивай».

«И как они там обустроились?»

«Сам увидишь».

Любитель ягод заторопился.

Чувствовалось, что он своих детей в такую глушь ни за что не повезет.

Это не для него. Он — из города. Это для завхоза Платона Фирстова лесная глушь — лучший мир. Тишина, грибы, лекарственные травы. Вот он и свил летнее гнездо. Смородина, малина, земляника на солнечных склонах оврагов, кедры как облака...

Только людей мало.

Чего нет, того нет.

Постепенно тропа сужается. Тихие ели (лапы до земли) подступают к тропе. Никто не ходит по ней, не ездит. Под елями всегда сумеречно. Говорят, в этих местах рыси водятся. А рыси не комары, от них веткой не отмахнешься.

Шел. Посмеивался.

Вот Сонечка удивится!

Она у Фирстовых самая простодушная.

Глаза как небо. Кудрявая. Во всем чувствуется ум.

Увидев Соню впервые, я принял ее за овцу, правда, за хорошенькую. А потом за дуру, правда, тоже за хорошенькую. И только позже (но вовремя) понял, как сильно ошибаюсь. Сонечка не только просто хорошенькая, в ней ума сколько нужно. Не пропустила ни одного занятия школьного литературного кружка, явка высокая, некоторые оболтусы на занятия только ради нее ходят.

Хорошо, что Сонечка мне первому показала свои стихи.

«Нам с тобой одна судьбина, нам с тобой одна судьба. Вот она, моя причина (тут указывалось какое-то мальчишечье имя, сразу ставшее

мне неприятным, нашла кому признаваться, дура)... больше чем саму себя».

Я строго запретил Сонечке читать вслух такое.

«Цыц, окаянный!»

Вдруг пес на меня бросился.

Здоровенный, ощеренный, прикованный цепью к конуре.

Это что же такое? Я даже выругался. Пес, оказывается, спокойно тащил конуру за собой, играл мускулами, прямо не пес, а греческий жеребец с клыками. Хорошо, конура, легкая, дощатая, застряла меж пней. В общем-то, правильный пес, сразу оценил я. Все свое ношу с собой. И убедившись, что цепь надежная и конура заклинилась плотно, бесстрашно присел на корточки метрах в трех от пса.

«Чего рычишь? Я к Соньке иду».

А он глаз с меня не сводит. Клыки будто гвозди.

В общем, бросил я псу кусок хлеба (явно фирстовский пес) и ушел.

Поплутав, к вечеру, да что к вечеру, к самой ночи вышел наконец к поскотине. Надежная, долгая, жердей на нее не пожалели. Из сумеречного кедровника несет сладкой смолой, нигде ни огонька, спят Фирстовы.

Стучаться не стал. Утром порадуемся встрече.

Тихонько приоткрыл ворота пустого сарая. На оклик: «Есть кто живой?» — не откликнулись ни живой, ни мертвый. Щекотало в ноздрях от запаха сухой соломы и пыли, даже чихнул. Куры за невидимой стеной заволновались. Возились, беспокоились, сонно квохтали. Наверное, и петухи были там с ними, не знаю, просто это я вспомнил детские стихи о том, как с петухами ходит по деревне клуша, прячет их в дождь под свои крылья (совсем малые петухи), а они луж так не любят, что предпочитают умываться пылью, и все такое прочее.

В темноте тащил брюки, рубашку (жаркое выдалось лето в шестьдесят шестом году), нагреб невидимой соломы к невидимой стене. Решил, только утром явлюсь на глаза завхозу, а то поймет неправильно.

Все же одиннадцать дочерей и сторожевой пес.

Пожевал сухого печенья. Запил холодным чаем из фляжки.

Долго не мог уснуть. Думал: вот я у Сонечки. Не овца она, конечно, и не дура, спит спокойно в каких-то тридцати метрах от сарая, ни о чем таком не догадывается. А ведь могла бы, все-таки укорил я Сонечку. Почему ей сердце ничего не подсказывает? Ведь она старшая в семье, в ноябре стукнет семнадцать. Подала уже документы в техникум железнодорожный.

«Перед тобой вал мраморный кипит... Нагая, ты идешь, и целый мир в смятенье, широкобедрая, тебе принадлежит...»

Про нагую — это не я. Про нагую — это стихи одного француза.

Сердце билось неровно, радостно. Переживал. Вот я, молодой учитель в отпуске, в тихой таежной ночи вспоминаю не чепуху всякую, а изысканные французские стихи. Виданное ли дело для таких мест?

Устроился в соломе, как в тихом гнезде.

Один... два... три... сорок... шестьдесят семь...

Никак уснуть не мог. Только на счет двести семнадцать откликнулась в ночной дали какая-то придурковатая кукушка, тоже, видимо, уснуть не могла или интересовалась, сколько ей жить осталось.

Да живи сколько хочешь, разрешил я.

И подумал: Сонечка крепкая, она в отца, она долго жить будет.

Соня, Сонечка, Сонька. Она хорошо учится и весь дом ведет — при отце Платоне и при тихой матери Вере Ивановне.

Ну что еще о Соне?

Не овца, это я уже говорил.

Учится неплохо. Литературный кружок посещает.

Сама сейчас ничего не пишет (я ей запретил), зато слушает с интересом. Дело ведь не в самих стихах, дело в общей культуре. Главное, вырастет нормальным культурным человеком, предпосылки к тому есть. В школе защищает сестер. Зубы сахарные, как у акулы, таял я от нежности.

«И целый мир в смятенье...»

Улечу на Сахалин, получу квартиру.

Сонька все поймет правильно, сама прилетит.

А я к тому времени книжку издам на Сахалине, чтобы с моей фамилией на обложке. Лев Пушкарев. «Морские будни». Или, скажем, «Солнце над Сахалином». Разве плохо? Хотя, говорят, на Сахалине много туманных дней.

Ночная кукушка сбивала меня с толку.

Да живи ты сколько хочешь, злился я. Главное, чтобы имя на книжке.

У нас в Тайге я с Сонечкой вижусь в основном в школе. Домой к Фирстовым не сильно попадешь. Завхоз к гостям не расположен, лучше не напрашиваться, а дочери его, как мошकारа, передвигаются только облаком. При всяком удобном случае нещадно бьют мальчишек. Понятно, я учитель, меня не тронут, но Вера Ивановна, тихая мать, постоянно увещевает дочек: «Чего ж вы опять? Вы же мальчишек искалечите».

«Конечно, Тимей, тому, кто говорит с людьми о богах, легче внушить к своим речам доверие, нежели тому, кто толкует с нами о смертных...»

Это я (под дальнейшее ночное кукование) вспомнил книжку греческого философа Платона, который был настоящим греком, при этом таким старинным, что считал себя потомком последнего аттического царя по имени Кодр. Наш завхоз, Платон Фирстов, тоже считает себя потомком древних греков, но все же так далеко не заходит, от царей родства не ведет (а может, скрывает), зато, как и предок его, откровенно презирает торговлю и непомерное рабовладение.

Заметьте, непомерное. То есть такое, когда свободный человек владеет не тремя рабами, как полагается по закону, а, скажем, десятком, а то и двумя десятками.

А три раба, согласитесь, вполне разумно.

При любом общественном строе.

«Тише, источники скал и поросшая лесом вершина! Разноголосый, молчи, гомон пасущихся стад! Пан начинает играть на своей сладкозвучной свирели, влажной губою скользя по составным тростникам. И, окружив его роем, спешат легконогие нимфы, нимфы деревьев и вод, танец начать хоровой».

На легконогих нимф, на счастливых обитательниц вод и деревьев дочери завхоза Фирстова, конечно, не тянули, даже самая слабенькая из них выглядела веселей и здоровей меня — и физически, и нравственно. И вообще, самое первое созданное богом существо, считал Платон Фирстов (как и старинный его греческий тезка), — это человек. Все остальное было сотворено несколько позже, когда фантазия творца, скажем так, несколько притупилась. Прежде всего комары и мошкара. Потом бабочки, моль, пауки, черви, мыши летучие.

«Сколько в мире мелкой твари, богом замкнутых миров».

Даже ежу понятно, что только человек разумный является совершенным отражением великого мира светлых и добрых идей, все остальные твари, ну, пусть существа, даже самые добродушные, всего лишь формы грядущего наказания для тупых и ленивых. Так древний грек Платон утверждал.

И наш грек (завхоз) так утверждает.

Люди, упражняющие только смертную часть своей души, непременно (в следующей жизни) появляются на свет четвероногими, а то и шестиногими. Ну а те, кто в человеческой жизни тупоумием своим превзошел даже непарнокопытных, те сразу являются на свет червями и пауками. Никак не иначе. У постоянно совершенствующегося человека (считает наш Платон) дети появляются на свет нормальными, и должно их быть много. Тяжело растить многих? А никто и не обещал легкой жизни. Совершенствуйся. Расти. Встретил медведя в тайге, не суетись, не теряй достоинства, пусть медведь сам решит, как поступать с тобой в каждом отдельном случае. Сохатого увидел, тоже не торопись стрелять, сперва подумай, с кем поделиться такой крупной добычей.

Гуманная педагогика.

Так говорит завхоз Фирстов.

От семилетней Астерии до семнадцатилетней Эгины — все в его большой семье носят греческие имена и следуют установкам упомянутой гуманной педагогике. Если и накричит отец, если поддаст ремнем, так это редко, и не столько по заднице, сколько по делу. В конце концов, даже Пушкин (не машинист с улицы Мазутной, дом номер три, а известный школьный поэт из учебника) закладывал в ломбарде принадлежавшие ему крепостные души. У каждого человека — свой стиль. Главное, совершенствуйся.

Кое-кто сплетничает про Фирстовых, дескать, баптисты.

И детей у них — как у баптистов.

Но это все ерунда. Я-то знаю.

Вот зашел к ним, а они съехали на заимку.

«Платону лето в радость, — объяснила мне тетя Дуся, давняя соседка Фирстовых. — Платону лето всегда в радость. Как лето, так он в лес! Он же чокнутый. На него директор ворчит, но отпускает. Знает, Платон свое отработает. С верхом. А дом оставляет на меня, я справлюсь, у меня под приглядом».

И пригласила: «Входи».

Дескать, она как раз занята уборкой.

Я вошел. И сразу почувствовал, как в доме пусто.

Задернуты занавески, половики свернуты. По комнатам эхо гуляет, как гуляло оно над пыльными сухими долинами Греции в стародавние дикие времена. На кухне перед нетопленной печкой горка мусора. Это ничего. Тетя Дуся наведет порядок. Торчат из мусора узкие бумажные ленточки. Я давно и хорошо знаю эту игру. Записываешь на такой бумажной ленточке сложный вопрос и выбрасываешь. А природа — она не дура, она на самый сложный вопрос ответит.

«Если Ты правда устроишь конец света, кто ж на тебя будет молиться?»

Вот хороший вопрос, вытащил я из мусора бумажную ленточку. Удивительно, как это Платон Фирстов, простой завхоз, додумался, убедил свою тихую Веру Ивановну назвать дочерей греческими именами.

Получилось у них так.

Астерия (Аня) — дочь титанов.

Бриседида (Валя) — прям пенек, а не девочка, такая медлительная, что уже в свои восемь лет начинает обрастать мхом, по крайней мере, с северной стороны.

Венилия (Зина) — морская царица, хотя все знают, что станция Тайга вовсе не морской порт, разве что в далекие кембрийские времена (Платон Фирстов читает всякие книжки) плескались в наших местах соленые волны.

Галантила (Ира) — служанка Алкмены, дочери царя, властвовавшего в Микенах, а если по-простому, то она — змея очковая, губки надуты, от зеркала не оторвешь.

Дидона (Клава) — дылда и дылда, не к ночи будь сказано.

Елена (Люба) — торт-девочка, других слов нет.

За Еленой — Зоя, Кружевная Душа. У этой на левой щеке маленькое родимое пятно, как знак свыше (Платон Фирстов так говорит). Совсем маленькое, можно не стесняться, да она и не стесняется, одного только боится, больше всего на свете, что в следующей жизни ненароком народится на свет жужелицей, а Дидона, сестра, Клава глупая, ладошкой прихлопнет!

Ио (Оля) — рябая печальница с голосом кукушки, с повадками кукушки, с постоянным всхлопыванием невидимых крыльев.

Радаманта (Полина) — умница-умелица, вяжет кофты и свитера на всех сестер.

Лисидика (Рая) — девчонка как девчонка, только рыжая.

И наконец, Эгина (Сонечка).

«Здравствуй, как живешь?»

Это на бумажной ленточке так написано.

Будто знали, что я появлюсь в их пустом доме.

«Ну сколько можно? Вот не буду умирать, и все!»

Это явно Зоя писала, почерк уверенный, Кружевная Душа.

«С какого момента можно считать человека взрослым? Когда перестает бояться уколов или ему кто-нибудь начинает нравиться?»

Такие вопросы обычно рыжие задают.

«Почему люди сперва влюбляются, а потом тихо плачут?»

Тут спору нет. Это Сонечка. Никто другой о таком не спросит.

«От какого существа появился кот?» Это Клавка, Дидона, отметила.

«А как отличают настоящие мальчиковые души от девочкиных? По писькам?»

Уверен, это Ио, рябая печальница, кукует, всхлопывает невидимыми крыльями.

«А я родилась совсем без вредных привычек, мне-то что светит?» — интересуется Галантила, служанка Алкмены, змея очковая. И опять Сонин почерк: «Ну ладно, меня аист принес, а других кто?» И снова моя Сонечка: «Ну сколько раз я буду ошибаться в любви?» Тут же добавлено: «Три раза уже было».

Три раза!

Я даже сплюнул.

Когда успела овца?

Но ладно. Это все мечты.

Сейчас, на заимке, в ночном сарае, меня ничто не пугало.

Подумаешь, три раза. Соня еще девчонка. Глупая, значит ошибается. Все мы ошибаемся. Главное, я на заимке, добрался, думаю о Сонечке, за стеной страшно невидимые куры завхоза вскрикивают, вскидываются.

Уснул под их вскидыванье.

А проснулся под петушиный ор.

В одних трусах, загорелый, сильный, выскочил из душного сарая, потянулся.

Ох, какой теплый ветер. Ох, какой лесной и смолистый ветер. Он не дул, даже не тянул, а просто мягко давил на кедры, на сарай, на большой деревянный дом с крыльцом, приглаживал мягкую траву у насыпных завалинок.

«Не геометр да не войдет!» — красовался девиз над крылечком.

Дидона выписала оранжевой краской. Только она, дылда, так высоко написать может. А подсказала, наверно, Сонечка. «Не геометр да не войдет!»

«Да геометр, геометр я!» — хотелось выкрикнуть.

Запах смолы счастливо кружил голову. Кедровые облака.

Так бы вот жить и жить, выдохнул я. Впивать воздух.

И вдруг вскрикнул от боли.

«Кур воруеть?»

«Вы что! Какие куры?»

«А то не знаешь? Сам знаешь!»

Платон Фирстов железными вилами припер меня к шершавой стене.

«Да уберите же вилы!»

«Это еще зачем такое задумал?»

«Уберите. Одеться надо. Штаны надену».

Он недоверчиво покачал головой: «В штанах ты, наверное, еще опасней».

Я остро чувствовал, как под железными зубьями вил выступает капельками моя кровь, а завхоз Фирстов, мощный, как тракторная пружина, одно повторял: «Я знаю. Ты кур воруеть».

Скорее бы девки выскочили.

Сейчас выскочат, ждал я, стараясь не дергаться.

Сейчас девки выскочат, заорут, захлопают крыльями, на вопли и хлопанье выглянет из избы тихая Вера Ивановна, и все вместе они отнеснят, наконец, прыгнувшего с ума грека.

Девки и правда высыпали на крыльцо.

Не все пока, даже не половина, штук пять.

Астерия — дочь титанов, Галантила — змея очковая, Дидона-дылда с ними, это она, наверное, нарисовала буквы про геометра, Елена — тортик-девочка, ну и Зоя, Кружевная Душа, с пятнышком на левой щеке. На Кружевную Душу я почему-то больше, чем на других, надеялся. А она с крыльца заорала: «Запори его!»

Припертый к стене, поводил глазами, мороз продирает по коже, вдруг правда карлик-горбун запрет? Мощь коротких рук Платона ощущалась как ледяной смертный сквозняк, а девки-дуры щебетали и вскрикивали, будто боялись пропустить, не увидеть дивное зрелище.

«Здравствуй, как живешь, как здоровье?» — вспомнил я одну из бумажных ленточек. И ответил сам себе: «Да ничего. Хорошо живу!» И добавил (все так же, про себя): «Буду жить еще лучше, если уберут вилы».

Но карлик-горбун вилы не убирал, смотрел на меня безумными, белыми, как у вареной рыбы, глазами. Под таким взглядом чувствуешь себя как отсиженная нога. Это только фирстовским курам всё нипочем. Выпущенные из сарая, они, как девки, всем скопом кинулись к кормушкам прямо по моим ступням.

«Вот ведь, стоит как каменный!»

Это восхитилась Кружевная Душа.

Все в общем уже увидели, поняли, что как курокрад я совсем не опасен и никакой нужды с утра в насилии нет, но Платон вилы не убирал, продолжал всматриваться в меня нехорошо. Уже появилась на крыльце маленькая Бриседида, а он все всматривался. Уже появилась Бриседида, а он вилы не опускал. Из-за плеча Бриседиды выглянула сонная Венилия,

царица морская, а он — ничего. Волосы у всех растрепаны, все в длинных ночных рубашках, как спали.

Только Ио, рябая печальница, увидела наконец капли крови.

За ней Радаманта увидела и сразу испуганно вскинула голову. Вы что? Как мне ему, калек, свитер вязать?

А Эгины все не было.

Где же Эгина? Где моя Сонечка?

Почему не торопится, почему не спешит увидеть такого неожиданного в этих местах гостя — любимого учителя географии и астрономии, почему безмозглые фирстовские куры так безбоязненно топчутся по моим голым ногам?

Главное, не терять спокойствия.

Вот выйдет сейчас Эгина, явится на крыльце Сонечка, мудрость мира, справедливость, солнышко ясное, и все сразу встанет на свои места, стихнут бессмысленные шум и гвалт, переведем дыхание, отправимся чай пить.

И Соня вышла.

И увидела сразу всех.

Светлые волосы распущены, рубашка до пят.

Потянулась, зевнула скушно: «В рабы его».

В рабы?

Как это, в рабы?

В какие еще рабы?

Разве не Сонечкиной нежной рукой написано было на длинной бумажной ленточке: «Почему люди сперва влюбляются, а потом тихо плачут?» Разве не Сонечка так искренне сокрушалась: «Сколько раз я буду ошибаться в любви?»

«В рабы, в рабы!» — поддержали Сонечку сестры, только маленькая, а потому тупая Астерия захныкала: «Есть хочу».

Я даже про вилы забыл.

В какие рабы? Мы в какую эру живем?

Или, совсем запутался, хотят отдать меня в рабы именно Эгине, Сонечке?

Совершенно ничего не понимал. Может, правда, ей, Сонечке? Не всем же услужать. Тогда лучше на вилы!

Утро нежное, птицы посвистывают, петух трясет тяжелой красной бородой, кровавый гребень завалился набок, переступает лапищами, они у него — как у сержанта-срочника, рассматривает меня с каким-то неправильным интересом.

А тут и рабы явились!

Небритые, рубахи навывпуск, серые шаровары.

Первый. Второй. А где третий? Я же знаю (по урокам истории), что обычная порядочная семья (по крайней мере по понятиям древнего грека Платона) могла владеть только тремя рабами.

Где третий? Почему недобор? Неужели я третьим буду?

Все же Платон наконец убрал вилы, и я сразу метнулся в сарай.

Суетливо оделся. Рабы вытолкали меня из сарая. По крылечку, через сумеречные сени провели меня в дом. Никаких приглашений, никаких церемоний, сразу толкнули к скамье у длинного деревянного стола, но Платон коротко указал: «Туда!» — и меня посадили за отдельный небольшой столик, видимо, для рабов. Тихая Вера Ивановна с торца большого стола приветливо мне улыбнулась. Бледная, никакого румянца. Принесли и поставили на столы (и на большой, и на наш) горшки с кашей — большой и малый. Тут же стояли тарелки и берестяные тески с ягодой, бери сколько хочешь.

«Отец углеводородной бомбы...»

«А спутник сгорел в полете...»

«Не те станции...»

Я не ослышался! Да, да.

Бомба, спутник, какие-то станции.

Рабы Фирстова явно обсуждали что-то научное.

А сам Платон, отец большого семейства (и рабовладелец), уверенно взлез на особенно высокий стул и теперь сверху, как спортивный судья, озирает происходящее, только свистка ему не хватало.

Девки устроились за столом. Кот у печи моргал на меня, как жаба. В открытое окно суетливо заглядывал полосатый бурундук, приятно дивился, понимал: вот новый раб, наверное.

Кстати, кудлатого (лет под тридцать уже) раба звали Петр (без всяких этих греческих вариантов), а сильно бородатого, плечистого, как баран, давно нуждающегося в стрижке, — Павел (тоже без вариантов).

«Ты кто?» — спросил Петр.

«Школьный учитель», — ответил я.

«Врет», — покачал головой бородатый Павел.

«А сами вы кто?» — не выдержал я, на что тот же плечистый ответил: «Дам в лоб», а кудлатый загадочно выдохнул: «Мы мертвых не воскрешаем».

«Книгу!» — вдруг приказал Платон.

И книгу ему подали — самую настоящую.

Переpletена вручную, зачитанная, но аккуратная.

Да что же это такое? — совсем не понимал я. Ну любит (всегда, наверно, любил) Платон Фирстов, наш школьный завхоз, поговорить о древних идеях своего греческого древнего тезки, посудачить о том о сем, о гуманной педагогике к примеру, и о том, как можно (и нужно) менять самые сложные человеческие судьбы, — но при чем тут железные вилы, при чем тут какая-то книга?

А Платон уже негромко бубнил.

«Бояться смерти — это как приписывать себе мудрость, которой не обладаешь, мнить, будто знаешь то, чего знать никак не можешь...»

Я думал, все будут смотреть на меня, но все занялись кашей.

«Никто не знает, что такое смерть, и не является ли она величайшим благом для человека, — бубнил карлик-горбун, — но все ее так боятся,

всё её так стараются обмануть, будто и правда она является величайшим из зол. Ну разве не самое позорное невежество — воображать, будто знаешь то, чего не знаешь...»

Кудлатый раб Петр недоверчиво разглядывал меня.

Я хотел пожать плечами, но вспомнил обещание: «В лоб дам».

И дылда Дидона смотрела на меня с другой стороны большого стола как на гада.

Не испугаешь, подумал я с дрожью. И не думай. Я не раб. И ты мне не Дидона, а просто Клавка. Я на тебя работать не собираюсь. Сама носи дрова, сама мой полы, вон какая вымахала. Мало ли что бубнит твой выживший из ума папаша, родившийся, видите ли, седьмого таргелиона...

А Платон бубнил и бубнил.

«Во всех своих бедствиях люди склонны винить судьбу, или богов, или вообще черт-те что, только, конечно, не свою глупость...»

Дружно стучали ложки.

Все были заняты кашей и ягодами.

«Никто не становится хорошим человеком случайно...»

Ну да, думал я. Лучше хорошему человеку помочь железными вилами.

«И совсем плох человек, который ничего не знает и при этом даже не пытается узнать что-нибудь, — бубнил Платон Фирстов обыденно, без страсти, будто просто напоминал всем нам какие-то давно известные истины. — Ничто не является более тягостным для истинно мудрого человека и ничто не доставляет ему больше тревоги и беспокойства, чем необходимость тратить на пустяки больше времени, чем они того заслуживают...»

«Сколько рабов, столько и врагов», — высказалась Кружевная Душа.

«А ты не держи столько», — тут же напомнила сестре Радаманта, видимо, знала, о чем нужно напоминать. Бурундук, заглядывавший в окно, даже присвистнул от удовольствия. А Фирстов замолчал и уставился на меня.

Я замер.

А Елена, тортик-девочка, сыто икнула.

А тихая Вера Ивановна вздохнула глубоко, мягко.

Всем стало вдруг хорошо, все отошли сердцем, расслабились.

Почему же Сонечка, такая кудрявая, такая умытая, не обращает на меня никакого внимания? Вон какое солнце, вон какие растения, облака, а меня будто нет. Вон какой полосатый и наглый бурундук, а я будто не существую.

Платон все же снизошел до меня.

«Почему тебя, Лев, называли как животное?»

Это он при детях! Их учителя! Просто по имени?

Ну это слишком. Это хуже, чем вилы. Сбегу! Никаких вариантов.

Как внезапное просветление мелькнуло в моей голове: сбегу! Иначе превратят в раба, буду есть кашу, мыть полы и удивляться, как бурундук.

«Мы мертвых не воскрешаем». Нет уж. Не придется вам этим заниматься!

Вслух, к счастью, ничего не сказал.

Зато Кружевная Душа отвлеклась от поедания каши.

Сказала, щурясь: «Тоже мне, Лев. Совсем не идет ему это имя».

«Ну и что?» — возразила добрая Радаманта. — Я ему свитерок свяжу».

«Не хочу льва, боюсь», — заныла маленькая Астерия (тоже мне, дочь титанов). «Где Кербер? Куда сбежал Кербер?» И Галантила, змея очковая, пожаловалась: «Конуру с собой уволок!»

Ага, понял я. Это я Кербера в лесу встретил.

Значит, и Кербер не выдержал. Значит, и я сбегу.

«А львы много едят?» — спросила хозяйственная Венилия.

Ответила опять Радаманта: «Чем больше дашь, тем больше съест».

А вот дылда Дидона молчала. Подумаешь, лев. Ей это было все равно.

И маленькая Брисеида помалкивала, жевала кашу. Только тортик-девочка Елена незаметно, но хитро подмигивала бурундуку в окне.

«А зачем он кур крадет?»

Я ужаснулся: это спросила Соня.

У каждого тут, похоже, был свой конек.

«Мир не прост, мир просторен», — снова скучно забубнил Платон.

Это он не отвечал. Это он бубнил по привычке, такой, видно, у него завод на утро.

«Мир не прост, мир тесен, мир надо без устали очищать от всяких бед, от всяческого зловония. Само по себе ничто не уходит и ничто не приходит».

Глянув на меня, карлик-горбун как-то особенно повел большим носом.

«Разве истинный бог не стремится избавить нас от многия бед, от многия зловония? — Он опять глянул на меня, даже погрозил сильным пальцем. — Конечно, стремится. Всегда стремится. Вот только нас развелось много. К тому же есть среди нас всякие существа. Не сразу в них разберешься. Значит, надо помочь богу в выборе. А то получается, что он и всеблаг, и всемогущ, а многия беды и многия зловония никак никуда не исчезают...»

Все внимательно слушали разговорившегося завхоза.

А он с невыразимых высот своего особенного деревянного стула дотянулся до чашки со смородиновым вареньем и неторопливо обмакнул в нее кусок свежей, горячей еще лепешки. Лично я этот жест так понял, что вот он, Платон Фирстов, школьный завхоз, возможно, сам возьмется помочь богу, пускай даже железными вилами.

Раб Петр встряхнул кудлатой головой.

«К нам чужие не ходят. — Он будто слышал мои мысли, потому и заговорил. Совсем негромко, конечно, почти шепотом. — Живем не

рядом с селом. Но было раз, какие-то дураки с Пихтача пришли бить нашего Платона, а Платон занят был. Вот и пришлось девкам самим гонять гостей по местным болотам. Теперь те парни живут по городскому лечебнику».

Бурундук в окне и я за столом, мы изумленно слушали.

«Искусство? Какое в наше время искусство? Вы в голову не берите, не обманывайтесь, — бубнил с высоты своего стула (как с каких-то до-машних небес) завхоз Платон Фирстов. — Искусство — это всего лишь воспроизведение действительности. — Он явно говорил это для меня. — А зачем множить существующее? Ничего нет в мире вечного. Бывает, заблудился на миг — и вот ты уже в другой жизни. А кем в ней возродишься? Вопрос. Птичкой малой, жабой пузатой, червем сырым? А вдруг в будущем уже, правда, настоящий коммунизм построили, счастье и благодать во всем, везде, а ты возродишься сырым червем, а то просто жабой...»

При таких разговорах никакого радио не надо.

Сонечка даже ни разу не подняла глаз, не посмотрела на меня.

Астерия (Аня) и Брисеида (Валя) обсуждали что-то свое. Венилия (Зина), Галантила (Ира), Дидона (Клава) и тортик-девочка Елена (Люба) как бы прислушивались к отцу, но думали о своем. Было видно, что прислушиваются по привычке. Каждый тут думал о чем-то своем. И Зоя, Кружевная Душа, и Брисеида, и девочка-тортик, и печальница Ио, даже рыжая Лисидика.

«Вы не ссорьтесь, все равно я скоро умру».

Это, наконец, тихая Вера Ивановна подала голос.

Горбун, впрочем, не умолк, даже не приостановился, бубнил негромко.

«Всегда горячая картошечка на столе, желтые и красные помидоры, огурцы пупырчатые, всё вам. Думайте о сущем. Свежие лепешки, мед с вареньем, даже щи сварим, рабы помогут. Мир просторен. До чего не дотянешься, рабы поднесут! Их, рабов, у нас нынче трое. Считаю, прикуп в семье. Скоро вам только мясо и подавай».

«А ты подавай, — мягко сказала Вера Ивановна. — Все равно я скоро умру».

Но кудлатый Петр заявил: «Какое! Ваши девки и без мяса скоро сбегут отсюда».

«Да ну, — не поверила девочка-тортик. — Без трусиков-то куда сбежишь?» — и бесхитростно приподняла юбку.

Я чувствовал себя чужим.

Вот брел по тайге, к Сонечке, а она?

Спросил негромко: «Займку-то вашу посмотреть можно?»

Рабы так и замерли, а ответил мне на этот раз сам Платон Фирстов.

«Ты, Лев, похож на покойного профессора Вишневецкого».

Странно ответил. Не знаю, кого он имел в виду. Если какого-то настоящего профессора, то почему покойного? А если покойного, то почему профессора?

Кудлатый раб к этим словам добавил: «У бога мертвых нет».

И Зоя, Кружевная Душа, несколько пренебрежительно указала: «Да никакой он не лев. Тоже мне, лев. Такого льва даже наш бурундук придушит».

А раб Петр спросил: «У тебя нитки есть?»

Раб Павел ответил: «Есть».

«Суровые?»

«Ужас просто».

Теперь я правда ничего не понимал.

А Платон уже забубнил опять, поднял руку с короткими пальцами.

«Уподобим человеческую душу соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего...»

Ну уподобим, а что потом?

Маленькая Астерия испуганно сжимала ладошками свои исцарапанные коленки.

«У истинных богов — у них и кони, и возничие все благородные, а у всех остальных только самого смешанного происхождения...»

На меня как на человека с животным именем, как на существо явно смешанного происхождения никто больше не смотрел, даже бурундук. Видно, я действительно всем напоминал покойного профессора Вишневецкого.

А я думал только об одном: бегу! Прикуют к конуре, как Кербера, бегу с конурой. Прецеденты известны.

«Мы давно и постоянно замечаем, — бубнил и бубнил горбун, — мы давно и постоянно замечаем, как часто отдельный человек, одолеваемый всяческими нечистыми страстями и вожделениями, бранит сам себя, неистово гневается на поселившихся в нем самом насильников...»

Даже задышал громче.

«Когда такой слабый отдельный человек считает, что с ним поступают несправедливо, он вскипает, он раздражается, он становится союзником того, что только ему представляется справедливым, и ради этого, неверного, неправильного, готов переносить голод, стужу, стыд, лишь бы победить. Он ни за что не откажется от стремления умереть или добиться своего...»

Бурундук даже присвистнул от удивления.

А я поверить не мог. Да как так? Как же это так?

Вот смолистая кедровая роцца. Вот теплый ветер нападает на ветки, раскачивает, трясет. Вот поставлен крепкий дом с высоким деревянным крыльцом. «Не геометр да не войдет!» Куры вкочуют, в пыли купаются. Ярко сияющее солнце над головой. Чуден мир, трава зеленая, мягкая, никем не примята, никаких многих бед, никакого всяческого зловония. А Платон — свое. «Раз душа наша существовала и ранее, то и впредь, заново рождаясь, будет существовать...»

Обвел всех белыми, как вываренными, глазами.

«Бессмертной душе вновь и вновь предстоит родиться...»

Сегодня же удеру, решил я. Никакой мне больше любви не надо.

Думать так было обидно, но я именно так подумал. Да еще Зоя, Кружевная Душа, дура, ныла и ныла: «У меня вечером ноги мерзнут... Шкуру хочу... меховую шкуру хочу под ноги...»

Раб Павел деловито огладил бороду.

«Львиную шкуру хочешь?»

«Лёвину, что ли?»

Ничего я не понимал.

Никаких сил не было понимать.

Вокруг фирстовской заимки гектары и гектары бесчисленных оврагов, гарей, полян, поскотина тянется, мирно благоухают кедр, пчелы гудят, трава цветет, а карлик-горбун вилами орудует.

«И напрасно ты, Тимей, говоришь, что человек любит жизнь. Человек любит хорошую жизнь».

С этим платоновским суждением я был согласен на все сто, но железные вилы завхоза Фирстова не выходили из головы. Что дальше-то? Как мне себя вести? Вон девки как смотрят на меня. Не как на сурового и уважаемого школьного учителя, а как на беспомощного мышонка, которого первая сова унесет.

Одно утешало: время придет, остепенятся.

А там и замуж выйдут.

Начнут мужей бить.

«Ну а сбежишь сейчас, — издали прочел я по губам тихой Веры Ивановны, — пришли нам конфеты “Ласточка”. Только много не надо. Все равно я скоро умру».

Цитата из Гете

В баре ресторана на столике перед Дедом стояла пустая рюмка.

Тяжелые руки (вены рельефны), палка, набалдашник из слоновой кости.

Такой не только беглого профессора-партийца вывезет из Шамбалы, подумал я, но и сам добьется ее гражданства.

«Шарман?» — кивнул Дед в сторону буфетчицы.

Я кивнул. На таком уровне я прекрасно понимаю все языки мира.

«В этой вашей Тайге... — сказал Дед, будто вспоминая. — Там в железнодорожном ресторане... Гипсовые гуси всё еще летают под потолком?..»

«Гусей не тронули».

Он удивился:

«А кто там еще летал?»

«Классики марксизма-ленинизма».

«Этого не помню».

Пришлось объяснить, напомнить.

Над входом в железнодорожный вокзал станции Тайга долгое время красовались на фронтоне два больших круга, а в них всем известные лики — Маркс-Энгельс и Ленин-Сталин.

«Что же с ними произошло?»

«Сталина убрали».

«Негармонично как-то...»

«Нет, гармонию соблюли, убрали третьего лишнего».

«Это кого же?»

«Самого бородатого».

«Энгельса? Почему он?»

«По законам симметрии...»

«Согласен. Иногда это основной закон. — Дед рассматривал меня так, будто надолго хотел запомнить, ну хотя бы как гипсовых гусей в ресторане. — Да и понятно... Построение социализма в одной отдельно взятой стране важнее перманентной революции».

Я добавил (опять неожиданно):

«Почему девку с заимки не увели?»

Я возликовал. Он прочел мою «Гуманную педагогику»!

Хотя что в этом удивительного? Он — один из руководителей литературного семинара, обязан читать. Правда, с не совсем понятным торжеством подумал я, это не причина останавливать в баре ресторана кого-то из обсуждаемых авторов. А он меня остановил.

Я чувствовал настоящее торжество.

Я прямо сейчас готов был все выложить ему про фирстовских девок и, конечно, про Сонечку, про холодную Эгину, дочь (по классической мифологии) речного бога Асопа, а на самом деле всего лишь дочь школьного завхоза. Я прямо сейчас готов был все выложить ему о своих сомнениях, о своих мыслях про будущее, про письма из Тайги, изредка долетающие до Сахалина. Да и как иначе. Сонечка — человек занятой. Она учится в техникуме.

«Шарман», — Дед опять взглянул на буфетчицу.

Огромный черный буфет бара отблескивал лаком, буфетчица тоже была хороша, отблескивали лаком черные волосы. И трость Деда отблескивала — тоже лаком. Он даже усмехнулся непонятно: «Любую самку трогает, когда ее называешь барышней».

И стукнул палкой о пол:

«Ну, ступай!»

За столиком у окна меня ждали Ролик и Ниточкин.

«Слышал? — Ниточкин прямо кипел. Он вздевал над собой руки. — Танки выводят. Из Праги. Слышал? Пойду газеты куплю».

И умчался. А Ролик тут же налил.

Вид озабоченный: «Кочергина не видел?»

«Так он же не в гостинице живет».

«Потому и спрашиваю».

«Нет, не видел».

«Игорю пить нельзя. Совсем ему пить нельзя. Он с пьяных глаз врага классового может обнять».

Я пожал плечами.

Я все еще переживал слова Деда.

«Почему девку с заимки не увели?» Хороший вопрос.

Не терпелось поговорить о повести с Роликом, но он уже сам заметил:

«Вот увидишь, завтра Дед всем вломит».

Я не поверил: «Так уж и всем?»

Ролик кивнул уверенно.

«И мне?»

«А ты похвалы ждешь?»

«Если честно, не просто похвалы».

Суржиков посмотрел удивленно.

«Мне книга нужна!» — объяснил я.

На этот раз он кивнул вполне понимающе.

Да и чего тут не понять? На Сахалине тоже следят за известными именами.

Кто там сейчас на острове? Ну, Санги. Ну, Ткаченко. «Я и непечатным бы словом не побрезговал». Вот-вот. «Да на ком учиться нам, не на ком и не с кого нам». А ведь похвала известного человека много значит.

«Мне книжка нужна, Ролик!» — повторил я.

«Вот так нужна! — провел я по горлу ребром ладони. — Живет в Кемеровской области в Сибири одна барышня, — слово барышня я, конечно, перенял у Деда, — звать Соня. А я уехал. Далеко уехал. На остров. Не то, чтобы сильно хотел уехать, но оставаться в Тайге было нельзя, так сложились обстоятельства. Теперь мы с ней переписываемся, — пояснил я. — Соня учится в техникуме, а я преподаю. Рою землю копытами, обещаю квартиру. Понятно, если женюсь. Выйдет книга, подам заявление в Союз писателей, — признался я. — Вызову Соню на Сахалин».

«Может, проще вернуться?»

«В Тайгу?»

«Почему нет?»

«У Сони семья».

Ролик присвистнул от удивления.

«Да нет, — спохватился я. — Просто у нее сестер много».

«А что, на Сахалине трудно найти приличную девушку без сестер и даже без родителей?»

«Мне Соня нужна».

«Не слишком много всего сразу?»

«А чем я хуже других? — почему-то вдруг всплыли в голове не совсем понятные слова деда о самках и барышнях. Как-то не вязались они с его барственностью и избыточностью. — Я же не гор золотых требую. Ты вот собираешься в Ригу, а мне остров нравится. Книжка поможет. Книжка многому поможет. Но не сборник общий, а именно отдельная книжка. И чтобы мое имя на обложке. Соня увидит, все простит».

«А уже есть что прощать?»

«Да ладно ты».

«Похвала Деда тебе зачем?»

«Ну, как... Для самоутверждения...»

«Тогда вот что, старик, — покачал головой Ролик. — Ты себе голову чепухой не забивай. Дед четверть века провел вне страны. Ну да, знаю, можешь не говорить, прощен, живет на общих основаниях, но не забывай, не забывай, старик, что Дед все равно считается эмигрантом. Бывшим — да. Но у людей хорошая память. Пропагандист белого адмирала. Ты думай, думай. У Деда руки не в крови, потому и прощен. Всего лишь. А вот Чехов Андрей Платонович — фронтовик, известный писатель и с первого вздоха и навсегда с нами».

Ролик так и сказал: с нами.

«К Чехову ни у кого нет претензий. Это важно. Ты вот вернешься на Сахалин со своей рукописью, ура, рекомендована в печать, а редактор спросит: кем рекомендована? Узнает, пожмет плечами: ах, Дедом... Ну да, промямлит, имя известное... И опустит глаза, для него, для редактора, имя Деда, к сожалению, звучит не убедительно... Как бы тебе пояснить... Как бы и не белое имя, сильно уже линялое... Так что не радуйся, с рекомендацией Деда твоя рукопись отправится прямо в Москву на контрольное рецензирование. А вот Чехов — совсем другое дело. Даже твою тайгинскую барышню обрадует рекомендация Чехова. Она это имя еще в школе слышала, правда? — нехорошо усмехнулся он. — Так что ты будущему своему редактору голову не дури. Все обдумай. И начни прямо с названия. Какая, к черту, педагогика? Ну почему педагогика? Ну почему гуманная? “Без трусиков-то куда сбежишь?” — уже несколько добрее усмехнулся он. — Ты не на Деда ориентируйся, старик, ты прежде всего на Чехова произведи впечатление. Ну в самом деле, старик, чего это у тебя какой-то горбун так размахался вилами? — И опять процитировал, на этот раз без усмешки. — “Над черным носом нашей субмарины взошла Венера, синяя звезда...” Вот безупречные строки!»

«Синяя звезда — это от Гумилева».

«А написано коммунистом».

Ролик дополнил стаканы.

«Твоему будущему редактору нужно предъявлять рекомендацию Чехова, — твердо повторил он. — Это ведь Чехов прописан в Москве. Это ведь Чехов руководит одной из секций Союза писателей. Это ведь Чехов, а не Дед, чуть не получил Сталинскую премию. И получил бы, — покачал головой Ролик, — обязательно получил бы, не поторопись со своим докладом Никита Сергеевич... Откровенно скажу, таланты должны держаться вместе... Это я уже о нас с тобой... Мы уже сейчас должны думать о своем будущем. Мы уже сегодня должны создавать свою собственную литературную среду. Именно свою, старик, понимаешь? К черту всех подсказчиков! Сами разберемся. Дед — личность, конечно, с этим никто не спорит. Дед выжил, стоит на ногах. Но будущее не за ним, ты пойми, будущее за нами. За мной. За тобой. Это мы, а не Дед,

будем определять цвет нашей литературы. Кому Дед хвалу пел? Белому адмиралу!»

«Когда это было...»

Суржиков изумился: «Ты что, серьезно?»

И наклонился ко мне, даже понизил голос.

«О чем пишет Дед? Ты подумай. О раскольниках, императрицах, царях, о Пушкине. Думаешь, сегодня в колхозах и на заводах именно таких откровений ждут? Да ладно, не придирайся, — поморщился он, — сам знаю, что Пушкин нужен. Такие личности увлекают, читатели роются в подробностях, как лисы в водорослях на отливе. Мимо большой книги о Пушкине никто не пройдет. — Ролик даже зажмурился. — У немцев Гете. У англичан Шекспир. У итальянцев Данте. Мы чем хуже?»

Он опять наполнил стаканы.

«Дед — писатель. Никто не спорит. Но ты в корень смотри. Ты ведь радио каждый день слушаешь, значит, знаешь, что американцы недавно потеряли над Гренландией атомную бомбу. А если она рванет? И Вьетнам те же американцы выжигают напалмом. А? Теперь эта заваруха в Праге...»

«Ну Прага — это далеко».

«Вот-вот. Прага — это вроде как далеко, а горбун совсем рядом. Ты только такое, старик, не ляпни на семинаре. Вот мечтаешь о барышне, о квартире, о книжке, а сам собираешься подкинуть хитрую загадку будущему редактору и одновременно похвалы ждешь от Деда. А отчего это, спросит тебя редактор, у вас такое странное дело? Как это на сибирской заимке рабы завелись? Да в Сибири даже крепостного права не было. Это в Китае, старик, размахивают красными цитатниками, это в Праге стреляют в наших с тобой солдат. А ты? У тебя даже сибирские девки носят древнегреческие имена. Что за черт? Ведь время — это события. У каждого человека они свои, каждый ориентируется на свое. Дед пишет о патриархе Никоне, о церковном расколе, о царе Алексее Михайловиче, ты — о горбатом Платоне, Волкова запуталась в надоевших солнечных бликах, в птичьем свисте. “Над Невой та-та-та вьюга, над Невой та-та-та дожди, моя та-та-та подруга, та-та-та-та не жди”. — Это он явно передразнил Волкову, а закончил не совсем понятно: — Здесь лежит атеист. Одет хорошо, а пойти некуда».

Я подумал, что Ролик на этом остановится, но он не остановился.

«Патриарх Никон и твой горбун, царь Алексей Михайлович и звезда над черной субмариной, сибирские девки с древнегреческими именами и простые кудлатые советские рабы — все это, старик, должно опираться на какие-то понятные факты, иначе вымысел на корню протухнет. Ты, старик, ждешь похвалы от Деда и не подозреваешь, что он сам не меньше, чем ты, в похвале нуждается. У него каждая книга проходит через сотню рогаток. Понимаешь? — Ролик опять посмотрел на меня. — Что наработал, то и пожинай. — В каждом слове Ролика чувствовалась глубокая убежденность. — Так сложилось, старик, что Дед не может писать

о своем личном прошлом. Ни к чему оно нам, понимаешь? Он же прибыл к нам из Китая, а там сейчас хунвейбины. Дед четверть века провел за Амуром, за хребтом Хехцир, потому сейчас и занимается проблемами патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, а не своим собственным прошлым. А ты где провел последние четверть века? — посмотрел Ролик на меня. — В какой такой Древней Греции? Ты вернись к реалиям, не придуривайся. Похвала Деда — это хорошо, это понятно. Дед — умный человек, бездна вкуса и все такое. Но тебе нужна похвала Чехова».

И спросил: «Мечтаешь уйти из школы?»

Усмехнулся дружески: «Ну кто тебе скажет такое, кроме меня? Я ведь и сам мучаюсь. Сажу утром над рукописью, за окном серый Амур, снежный Хехцир, смутные облака, а в голове — мост над темной осенней Даугавой, Домский собор, история. Не поле для пропаганды и не сборник мифов, а настоящая история, настоящие события. Здесь я каждый день встаю в пять утра, а в Риге буду спать до десяти, потом легкий завтрак в кофейне, прогулка. Но пока, старик, приходится каждый день вставать в пять. Ты из школы хочешь уйти, а я — в Ригу смотреть. Плевал я на любую гуманитарную педагогику, если она мне мешает. Я за жестокое отношение к дуракам».

И вдруг спросил: «Вот о чем твоя повесть?»

«Чего непонятного? О любви».

«А кто герой повести?»

«Платон...» — начал я.

Но Суржиков меня прервал.

«Ну если Платон, — прервал, — тогда Дед тебя точно похвалит. Чувствуешь? Только, старик, настоящими твоими героями должны быть фирстовские девки, а не сам горбун с его неперевавленными мечтами. Девки нашим читателям понятнее. Так что, совет мой тебе, опирайся на Чехова. Опирайся на Андрея Платоновича. Понадобится, обещаю ему правку, любую. Пусть твои древнегреческие девки рвутся не в философию, а в комсомол. Не сидеть же им всю жизнь под горбатым самодуром».

«Ты, похоже, не понял мою рукопись».

«Да ладно, — возразил Ролик. — Все я понял. Читается твоя педагогика, не спорю, с первой строки до последней, не оторвешься, даже сердце сосет. Но у товарища Чехова — свое похмелье. Андрей Платонович привык вникать в суть событий. Нашему московскому гостю важно живое дело. А Дед? Ну что Дед? Он пропагандой ведал у белого адмирала. Не сатирические информашки писал в районную газетку, а серьезные аналитические обзоры, искал наилучший способ, как бы половчней свалить красного зверя».

Выпил махом.

«Потому теперь и пишет о патриархе Никоне».

И снова завел свою пластинку: «Надоело мне, старик. Тесно».

«А в Риге будет просторней?»

Он упрямо кивнул.

«Это почему?»

«Там кофе вкусней. Там лебеди на каналах. Приятель обещает устроить меня в республиканскую газету. Там Москва рядом, Питер...»

«А у меня — заимка...»

Он удрученно покачал головой.

«Воет одинокая волчиха на мерцанье нашего костра. Серая, не сетуй, замолчи-ка, мы пробудем только до утра...»

Перевел дыхание.

«Мы бежим, отбитые от стаи, горечь пьем из полного ковша, и душа у нас совсем пустая, злая, беспощадная душа...»

Еще раз перевел сбившееся дыхание.

«Всходит месяц колдовской иконой, красный факел тлеющей тайги. Вне пощады мы и вне закона, злую силу дарят нам враги. Ненавидеть нам не разучиться, не остыть от злобы огневой. Воет одинокая волчица, слушает волчицу часовой. Точно сердцу от звериных жалоб, неизбежен горечи родник. Не волчиха — родина, пожалуй, плачет о детенышах своих».

«Чьи стихи? Деда?»

«Арсения Несмелова».

Я налил, мы снова выпили.

Ролик неожиданно развеселился.

Это надо же, развеселился. И бритый Хунхуз, и Ольга Юрьевна со своим чудесным камешком на колечке, и московский гость Чехов — все сейчас сидят над нашими рукописями, а мы в баре кайф ловим!

И вдруг уставился на меня: «Ты, старик, не поверишь...»

«В нашем закрытом городе. — Слово *закрытом* Ролик произнес с особым нажимом. — Нет, ты точно не поверишь! В нашем закрытом городе, старик, совсем недавно прошла пресс-конференция, на которой присутствовали сразу три иностранных писателя!»

«Иностранцы?»

Он кивнул.

«Да ладно врать-то!»

«А вот было, было! — ликовал Ролик. — Прошла такая пресс-конференция. *Закрытая*. И на этой *закрытой* пресс-конференции в нашем *закрытом* городе Дед отвечал иностранцам на их провокаторские вопросы. Где-то за кордоном всплыли некие новые, — он усмехнулся, — точнее, некие давние материалы, связанные с Дедом, вот ему и пришлось отвечать, чтобы стране за него не краснеть. А вел пресс-конференцию сотрудник отдела идеологии крайкома партии».

«Пудель?» — догадался я.

Ролик кивнул.

Он сам видел стенограмму.

Неважно, как она попала в его руки, главное, сам видел.

Болгарский поэт и два настоящих шотландских поэта — вот какие иностранцы задавали вопросы Деду. Болгарин, правда, попал в Хабаровск

случайно, его попросту (но очень ко времени) выставили, выдворили из Пекина как злостного неисправимого ревизиониста; а вот шотландцев доставили из Иркутска специально, там они гостили по приглашению местных профсоюзных властей, подписывали какой-то культурный договор. Москва разрешила — вот и доставили. На уютной крайкомовской даче оборудовали специальный зал, стены украсили маоистскими плакатами, чтобы видели иностранцы, кто на нас нынче давит.

«Наша стратегия состоит в том, чтобы одному биться против десяти. Наша тактика состоит в том, чтобы десяти биться против одного».

Пусть почувствуют, какие у нас соседи.

Культурная революция распугала многих друзей Китая, рассказал Ролик, вот кому-то и пришло в Пекине (может, этому Чэнь Бода, личному секретарю Председателя Мао, может, этому хитрожопому маршалу Линь Бяо) пригласить в Поднебесную какого-нибудь авторитетного иностранца, и пусть он, счастливчик, расскажет всему миру о великой китайской культурной революции.

«Не винтовка командует властью. Партия командует винтовкой».

И пусть он, этот счастливчик, приглашенный из внешнего, из другого мира, честно, открыто и убедительно прокомментирует происходящее в великой восточной стране. Пусть этот счастливчик правильно и понятно прокомментирует суждения Председателя Мао. Культурная революция ширится, требует новых пространств, новых свершений, уже своя атомная бомба испытана...

Но дело не в бомбе. Дело даже не во взаимной опасности.

Дело даже не в том, что атомная война может в один миг отбросить все человечество в прошлое. Поднебесной это до фени, она опять возродится. «Нам все равно, десять лет или тысяча!»

Да, атомная бомба — оружие очень эффективное и эффективное, но исход любых, даже планетарных конфликтов решает народ.

Потому нападайте на реакционеров первыми!

Молодые хунвейбины зазнавшемся пианисту Хэ Лутину (болтуну, отступнику, ревизионисту) плотницким молотком размозжили длинные гибкие пальцы, чтобы впредь играл правильную музыку. Морально переродившегося писателя Лао Шэ (болтуна, отступника, ревизиониста) утопили в мутном озере Тайпинху, чтобы впредь не стоял на пути прогресса.

Вот и пригласили Божидара Божилова.

Прогрессивный поэт, коммунист, мечтатель.

В короткое время болгарский поэт досконально изучил изданный еще в декабре шестьдесят шестого года красный цитатник Председателя Мао. Тираж указанной книжки превысил полтора миллиарда экземпляров, она переведена на все основные европейские и азиатские языки, каждый хунвейбин носит знаменитый цитатник в своем нагрудном кармане (у сердца).

«Умереть суждено каждому, но не каждая смерть имеет значение».

Старшие товарищи (даже самые испытанные, и не только в Китае) обязаны постоянно помнить (также напоминать другим, и не только в Китае) о мудрых словах Председателя Мао. Все старшие товарищи (даже самые верные, и не только в Китае) обязаны помнить (также и напоминать, и не только в Китае) о том, что врагом любой учебы (в том числе партийной, и не только в Китае) является самодовольство.

«Учиться непрестанно, не зная насыщения».

«Учить непрестанно, не зная усталости».

В столице Поднебесной известного болгарского поэта поселили в луксозной гостинице «Шанхай». Все коридоры украшены портретами Председателя Мао и десятками, сотнями, тысячами боевых дацзыбао. При этом в огромной гостинице, предназначенной для многих, многих, многих сотен иностранцев, на тот момент проживал только один — Божидар Божилов, поэт и общественный деятель, член Болгарской коммунистической партии.

В ресторане он сразу требовал: «Чаша водка на масата!»

Прекрасно знал, что любую просьбу поймут и на болгарском.

А сам размышлял, ожидая заказанную чашу водки, никак не мог понять, почему его, специально приглашенного в такую огромную страну, ни на час не выпускают даже в холл гостиницы? Почему его ни с кем не знакомят, ни с известными деятелями науки и искусства, ни с заслуженными партийцами и военными организаторами? Почему не дают никаких газет, кроме местных?

Китайского языка Божилов не знал, но за неделю такой томительной уединенной жизни даже он, очень известный болгарский поэт, сумел правильно заучить мотив знаменитой песни.

Алеет Восток,
 возшло Солнце,
 в Китае родился Мао Цзэдун.
 Он работает ради счастья народа,
 он — звезда, спасающая народ.

Во всех китайских школах эту песню распевают перед первым уроком.

Во всех городах и селах, даже в самых глухих деревнях Китая песню «Алеет Восток» дважды в день озвучивают по радио. Большие часы на пекинском вокзале отбивают эту мелодию.

Председатель Мао
 любит народ,
 Он — наш вождь.
 Чтобы строить новый Китай,
 Он ведет нас вперед.

Правда, болгарский поэт знал (понятно, не хвастаясь этим своим тайным знанием) и другой (ревизионистский) вариант великой песни.

Кунжутное масло,
 капустная кочерыжка,
 ешь с коровьими бобами —
 и накачаешь мускулы
 о-го-го!

Дни шли, мотив не менялся.

В конце концов Божилов разнервничался.

«Я приехал в вашу страну, чтобы правдиво, откровенно и убедительно написать о великой китайской культурной революции, — заявил он наконец своему улыбчивому (непонятных лет) переводчику, появлявшемуся у него в номере каждое утро ровно в восемь часов. — Но из гостиницы меня никуда не выпускают, я ничего не слышу, кроме песни “Алеет Восток”, и никого не вижу, кроме вас и официанта в ресторане!»

«Вы говорите как ревизионист, — вежливо улыбнулся переводчик. — Революционное китайское руководство предоставило вам все условия для большой откровенной работы. Как только вы скажете нам о ее завершении, мы тут же предоставим вам черновики вашей работы».

«Какие черновики? Я еще ни слова не написал!»

«Вы говорите как отъявленный ревизионист, — укоризненно покачал головой улыбчивый переводчик. — Но если вы готовы правдиво, откровенно и убедительно завершить свою работу, мы тут же предоставим вам черновики ваших честных, откровенных и объективных очерков, посвященных нашей великой китайской культурной революции».

«Но для этого мне нужно поговорить с вашими прозаиками и поэтами!»

«Вы говорите как отъявленный, как неисправимый ревизионист, — вежливо покачал круглой головой переводчик. — Но если это вам нужно, уже завтра мы познакомим вас с молодыми революционными писателями и поэтами Китая».

На другой день известного болгарского поэта, действительно, привезли в какой-то огромный казенный дом. Когда Божилов и переводчик вышли из машины, мимо этого казенного дома с ликующими криками пронеслась толпа молодых людей. Перепуганный китайский старикашка (видимо, отчаявшийся ревизионист) суетливо перебирал кривыми ножками, попискивая, убежал от преследователей, хотя должен был понимать, что в его возрасте от народного гнева не убежать.

Кстати, внутри казенного дома боевых дацзыбао и портретов улыбающегося Председателя Мао было еще больше, чем в гостинице.

«Уничтожим всех врагов, как бешеных собак».

За огромным столом в очень просторном зале на деревянной лакированной скамье, украшенной черными боевыми иероглифами, сидели

такие же черноголовые и круглоголовые молодые люди, счетом ровно семь.

«Пусть расцветают сто цветов, пусть соревнуются сто учений».

Черноголовые молодые люди поразительно походили друг на друга.

«Перед вами наши молодые революционные писатели и поэты, — пояснил Божидару Божилову улыбающийся переводчик. — Все они выходцы из самой гущи китайского народа. Тот, который сидит слева, на фоне окна, это наш будущий Горький. Рядом — будущий Фадеев. За ним — будущий Маяковский. А дальше Серафимович, Федин...»

«Все только будущие?»

«Все до одного».

«А чем они занимаются сейчас?»

«Тот, который сидит слева, работает в булочной. А тот, что рядом, — бывший партизан, опытный партийный работник. За ним — рисовальщик революционных дацзыбао. Еще дальше — военнослужащий. И так далее. Все они выходцы из самой гущи нашего народа. Все они высоко несут красное знамя идей Председателя Мао и непримиримо критикуют любые проявления ревизионизма».

«А могу я встретиться с поэтом Эми Сяо?»

Переводчик не расслышал или не понял названное имя.

«Тихо на Нанкин-род, в тумане горят фонари, — хорошо поставленным голосом напомнил переводчику Божидар Божилов. — Холодно, дождь идет, до костей пробирая рикш...» И пояснил, что замечательный поэт Эми Сяо даже в Китае в силу разных, но всегда существенных причин печатался под разными псевдонимами. «Сяо Аймэй, Сао Сань, Сяо Цзычжан. Неужели не помните? “Кровавое письмо” Эми Сяо знают в разных странах. Он — автор вашего Интернационала».

«Вы говорите как злостный, как неисправимый ревизионист, — ответил Божидару Божилову улыбчивый, нисколько не убежденный его словами переводчик. И указал на собравшихся. — Пожалуйста, задавайте вопросы нашим молодым революционным писателям».

Болгарский поэт еще раз оглядел лица решительных молодых людей и от вопросов отказался. Просто не знал, о чем можно спрашивать таких вот круглоголовых людей, не вызывая в их сердцах справедливого революционного гнева. В итоге в тот же день злостного, отъявленного, неисправимого ревизиониста Божидара Божилова, известного поэта, члена Болгарской коммунистической партии, так позорно не справившегося с порученным ему делом, чуть ли не насильно усадили в какой-то доисторический, дребезжащий всеми своими частями самолетик и отправили (разумеется, по согласованию с советскими властями) в закрытый город Хабаровск.

«Мы безгранично верны Председателю Мао!»

Испуганный перелетом поэт попросил разрешения у местных властей отдохнуть хотя бы денек в чудесном зеленом Хабаровске. Ему это

позволили (разумеется, после консультаций с Москвой), но с условием: он примет участие в некоей закрытой пресс-конференции.

«У птиц — гнезды, у зверей — норы, а человеку нет приюта».

Вот вранье, у нас, в советской стране, всегда приютят честного человека.

Текст стенограммы Ролик держал в голове.

Не потеряешь.

Не отберут.

Вопрос: «Легко ли вам живется в Советском Союзе?»

На этот простой вопрос, обращенный к Деду, почему-то ответил Пудель.

«Легче, чем где-нибудь», — так ответил Дмитрий Николаевич, но не стал уточнять понятие *где-нибудь*. Вообще он очень умело и очень охотно оперировал цифрами тиражей, изданий, гонораров. С его слов сразу становилось ясно, что активно работающий советский писатель (да и болгарский, конечно, подтвердил поэт Божилов) ни в чем особенном (ну кроме разве высокой мечты) не нуждается.

Потом Деда спросили, как, собственно, он попал в Китай.

Дед крутить хвостом не стал. Ответил: «С остатками белой армии».

Жизнь есть жизнь. Вот он служил в Русском бюро печати, приказы не обсуждаются, в итоге оказался во Владивостоке. В декабре двадцать второго года из разваливающейся Дальневосточной Республики на пароходе «Фузан-мару» ушел в Корею, боялся большевиков. («На море пала ночь, — процитировал Ролик стихи Деда. — Две лампочки горят над нашей головой».) В Корею устроиться не получилось, да и не сильно хотелось. Пароход продали, оружие пропили. Наверное, про пароход и про то, что его пропили, Ролик придумал, но это — бог с ним...

Вопрос: «Чем вы были заняты в Китае?»

Ответ: «В основном выживанием».

Вопрос: «Что помогало вам?»

Ответ: «Мысли о родине».

За Деда снова ответил его официальный представитель — опытный сотрудник отдела идеологии крайкома партии, много раз проверенный в деле товарищ Дмитрий Николаевич Пудель.

Вопрос: «Вы член партии?»

Ответ: «Такое заслужить надо».

Вопрос: «Когда и где вы получили советский паспорт?»

Ответ (снова Пудель): «В тридцать первом году в Харбине».

Видимо, память у Дмитрия Николаевича была покрепче, чем у Деда.

Он, например, прекрасно помнил то, о чем Дед, похоже, вообще не знал.

Сам Дмитрий Николаевич в Китае никогда не бывал, но это ему не мешало, это на его ответах не сказывалось. Всем известно, что к тридцать первому году Китайская Республика фактически отказалась признавать права русских переселенцев (Пудель называл эмигрантов так). Вот и пришлось на помощь советское генконсульство.

Вопрос: «Какие отношения связывали вас с генералом Пепеляевым?»

Похоже, профсоюзники-шотландцы (как и товарищ Пудель) тоже хорошо помнили о том, что у Деда по давности лет из памяти выпадало.

Ответ: «Цин цин».

Вопрос: «Но нам хотелось бы знать!»

Ответ: «Отношения самые обыкновенные».

Шотландцев (скотландцев, как сказал бы склонный к юмору Хунхуз) такой ответ почему-то не устроил. Они (почему-то) очень-очень хотели знать, сотрудничал ли Дед в эмиграции с генералом Пепеляевым.

Ответ: «В пределах необходимого».

Вопрос: «А генералы Дитерихс и Лебедев, Вишневский и Ракитин, атаман Семенов, братья Меркуловы и другие известные деятели белого движения? С ними вас что связывало?»

Ответ: «Историческая необходимость».

Ролик стал уверять меня, что Дед именно так ответил.

Ответ: «Я журналист. Я всегда хотел знать, как делается история. Китайским, японским, корейским и монгольским языками я владею в совершенстве, основными европейскими — не хуже. Почему же, имея такую возможность, не общаться напрямую с участниками значительных событий?»

На самом деле (уверял Ролик) Дед на такой поставленный шотландцами вопрос ответил гораздо пространнее. К сожалению, часть стенограммы оказалась густо замазанной черной китайской тушью.

Вопрос: «Из публикаций, недавно появившихся в свободном мире, мы хорошо знаем, что уже к двадцать пятому году вы наладили тесные отношения с советским консульством в Харбине. Это были вполне осознанные вами действия или все та же попытка выжить?»

Ответ: «Разве это не одно и то же?»

Да, он уже в двадцать пятом наладил вполне дружеские отношения с представителями советского консульства. Почему нет? К тому времени многие эмигранты стали задумываться о возвращении в Северную страну. Да, конечно, он уже в те годы возглавил большую газету «Гун бао» (выходила на русском и на китайском языках), чем, кстати, очень восставил против себя япсов. Вы же знаете, сказал Дед, что япсы (японцы) в то время считали Китай зоной исключительно своего влияния. Другие варианты ими не принимались. Увидев, как трактуются главным редактором «Гун бао» те или иные политические события, япсы откровенно протестовали, они даже попытались устроить покушение на главного редактора. Так что помощь советского консульства оказалась вполне уместной.

Вопрос: «Именно это подтолкнуло вас к отъезду в СССР?»

Ответ: «Причин было много. Но, конечно, и эту нужно учитывать».

В стенограмме, попавшей в руки Ролика, многие фразы были густо замазаны, а то и просто залиты черной китайской тушью. Зато Ролик

рассказал мне кое-что не вошедшее в стенограмму. Например, о поездке Деда в Свердловск. Разумеется, уже в советский период его жизни, после возвращения в Северную страну. Деда в уральской столице принимал лично первый секретарь обкома. Предупредили Первого с самого верха — из ЦК. Принять с уважением. Не иначе. Привыкший к партийной дисциплине Первый, разумеется, подчинился, но никак не мог понять, зачем такой странный гость пожаловал в его город и почему такому странному гостю хочется побывать в заброшенном Ипатьевском доме, к сожалению, все еще не снесенном.

«Ах, Харитоновский сад! Ах, кафешантан!»

Оказывается, гость, тяжело опирающийся на тяжелую резную палку, отлично помнил город, особенно бывший английский парк — когда-то с искусственным озером, насыпными островками, круглой беседкой. Он помнил даже некий уютный грот, когда-то построенный тут из кирпича и засыпанный землей — «в подражание пещеры».

«Вы, наверное, уже бывали в Свердловске?»

«Да, приходилось».

«В каком году?»

«В восемнадцатом».

«О! — обрадовался Первый. — Наверное, вы приезжали к нам еще до захвата города белыми частями?»

Гость ответил не сразу. Но ответил.

Ответил прямо и честно, ничего не скрыв.

Он вошел в Екатеринбург (так он и сказал — *вошел*, так он и называл *Екатеринбургом* советский город Свердловск) с частями белого генерала Капеля.

«Меня командировал в Екатеринбург адмирал Колчак для передачи в Ставку результатов работы группы следователя Соколова».

И сняв шляпу, непонятный и странный гость вошел в пустой Ипатьевский дом, где открыто поклонился последнему приюту последнего российского императора.

«Мир его праху! Да воссияет он в селениях праведных».

Вопрос: «Когда вы вернулись в СССР?»

Ответ: «В феврале сорок пятого года».

Вопрос: «Вас вывезли советские спецслужбы?»

Ответ в стенограмме густо залит китайской тушью.

Вопрос: «Почему ваша жена не последовала за вами?»

Ответ: «Это ее выбор. Она сделала свой собственный выбор».

Гораздо подробнее, впрочем, Дед рассказал о том, как сильно был потрясен увиденным на родине. Да, большая война отняла у советских людей много сил, да, советские люди устали, но увиденное в Северной стране разительно не соответствовало слухам, распространяемым в Харбине. В том же Хабаровске на военном параде осенью сорок шестого года

под гром полковых оркестров прошли перед восхищенными глазами Деда боевые части великой и победоносной советской армии. Эту армию, сказал Дед, не сводя глаз с настороженных скотландцев, эту армию, вчистую разгромившую мировой фашизм, создал русский народ. Без меня, к сожалению, добавил он. Без меня и других, мне подобных. Когда-то, покидая Россию, все мы были уверены в том, что большевики быстро и неумно превратят нашу прежде великую родину в какую-нибудь жалкую и растерянную холопку, а они сумели сделать ее самой сильной, самой могущественной державой мира.

«Это Пудель так ответил?»

Нет, пояснил Ролик. Дед, конечно.

Вопрос: «Ваши главные писательские темы».

Ответ: «Улус Каньской империи. Восточное царство Ивана Четвертого. Европейская Империя Великого Петра. Просвещенная пудренная страна Екатерины Второй. Александр Благословенный (Отцеубийца). Военная казарма при Николае Первом. Славянофильское государство с мечтой о Босфоре и о Дунае. (Знал Дед, что, услышав это, скотландцы непременно вспомнят адмирала Колчака. Ведь, получив в апреле 1916 года в свои руки весь Черноморский флот, адмирал Колчак быстро загнал турок в их порты, а прибрежную зону заминировал. В ходе детально разработанной Босфорской операции планировалось несколькими ударами с моря и суши захватить Константинополь и водрузить Золотой крест над Софией.) Само собой, Святая Русь при Николае Втором. И, наконец, Союз Советских Социалистических Республик — страна счастливых рабочих рук и красных флагов».

Вопрос: «Были в вашей жизни моменты, когда вы, именно вы лично, могли как-то повлиять на течение исторических событий?»

Ответ тщательно замазан черной тушью.

Вопрос: «Можно ли вообще доверять китайцам?»

Ответ: «Когда человечество уничтожит капитализм, когда человечество вступит в эпоху вечного мира, угроза войн исчезнет, никакие войны никому больше не будут угрожать. Так сказал Председатель Мао. Это очень правильные слова. Но не всем даже очень правильным словам можно верить. Вспомните, что первое сделали китайцы, получив от нас Порт-Артур. Думаете, они из благодарности навели порядок на русских кладбищах? О нет! Китайцы хранят сон своих мертвецов. А плитами, снятыми с русских могил, они вымостили набережные».

Дмитрию Николаевичу, не совсем довольному такими ответами, Дед негромко заметил: «Гете. Knurre nicht, Pudel».

Нужен ли тут перевод?

«Не ворчи, Пудель».

(Окончание следует.)

Светлана КЕКОВА

ЯБЛОКО И КРЕСТ

Листья

Дубы без листвы — как олени
в пространстве без всяких границ...
Засохшие листья сирени
похожи на маленьких птиц.

Мне кажется, будто я вижу
и тельце, и клювик, и взгляд...
Но эти птенцы неподвижно
на веточках тонких сидят.

Что с ними случилось — не знаю,
никто их уже не спасет.
Последнюю мертвую стаю
неведомый вихрь унесет.

Да, поздняя осень, сиротство,
листва на земле, как броня.
Но с птицами странное сходство
тех листьев волнует меня.

А ветви в пространстве повисли —
в них ищут приют воробьи,
и чьи-то посмертные мысли
тревожней,
чем мысли мои.

* * *

М. А.

Среди сора, пыли и чепухи,
среди странных строчек в тетрадах старых
ты находишь брошенные стихи,
где слова, как овцы в больших отарах,

вдруг живым потоком стекают с гор
иль, как кони, мчатся во весь опор.

Среди тех событий, что отошли,
погрузились в тень, а потом исчезли,
вдруг одно встает, и команду «пли!»
исполняет так хорошо, что если

ты не рухнешь, голову обхватив,
на траву, то останешься вряд ли жив.

Среди тех, кто жил и тебя любил,
среди тех, с кем ты не успел проститься,
есть ли тот, кто умер, зарывшись в ил,
а потом воскрес и взлетел, как птица?

Ты подумай, прежде чем отвечать, —
с древа плод срывать, словно с уст — печать.

Все, что было в прошлом, таит в себе
потрясение, взрыв, обретение смысла...
Так, в борьбе с собою, в пустой пальбе,
жизнь моя над бездной на миг повисла.

Жизнь моя — вопрос или жизнь — ответ?
И зачем в ней смешаны тьма и свет?

* * *

Р.

Зарастает плесенью в доме печка,
как в немецком погребке сыр дорблю...
На стекле туманном внутри сердечка
напиши слова: «Я тебя люблю».

Утром окна шторами занавесим
и осину вырубим у крыльца...
Уничтожим мы голубую плесень,
чтоб вернуться в прошлое, в дом Отца.

Чтоб вернуться — птицею обернуться
или рыбкой мелкою я должна,
и по речке плыть, и в кольцо свернуться,
и спросить: «Зачем я тебе нужна?»

Но уже Господь отразился в малом —
в невесомой капле речной воды,
и лежат, укрытые покрывалом
нашей общей памяти и беды,

твой отец на кладбище мусульманском,
мой — под крестным знаменем и огнем...
Мы с тобой сегодня в доме крестьянском
их вином рубиновым помянем.

Жуки

Когда опускается морок
на ямы, канавы и рвы,
жуки выползают из норок,
из зарослей пыльной травы.

На узкой и длинной дороге
как будто разлили мазут, —
а это жуки-носороги,
жуки-скараabei ползут.

К какой они движутся цели
и где они ищут приют?
В лесах соловьи-менестрели
о светлой печали поют.

Чтоб жизнь твои слезы отерла,
тебе, как прощенье, даны
и спазм соловьиного горла,
и песни великой страны,

и ветлы, как кроткие овцы,
которые спят у реки...

Но эти жуки-рогоносцы,
жуки-древоточцы,
жуки...

* * *

И. Е.

1.

По пашне чайки ходят, как грачи,
в Крыму, недалеко от Коктебеля...
Уже пошла четвертая неделя,
как мы живем здесь. Но с какой бахчи
арбузы возят ловкие цыгане,
не ведаем. Они, как в балагане,
к прилавку зазывают праздный люд.
Автомобиль, горбатый, как верблюд,
стоит в тени, в своем скрывая чреве
то, что по вкусу даже королеве, —
капусту, баклажаны, кабачки,
болгарский перец, стебли базилика,
а в небе солнце прячут, как улику,
вчерашних туч обрывки и клочки.

2.

Давай поговорим о мелочах,
скрывая боль за фразою неловкой:
поговорим о солнечных лучах,
о том, что там, вдали, за Щебетовкой,
есть кладбище на фоне диких гор,
а дальше — моря синего простор
и каменные притчи Карадага.
Когда-то я прочесть их не смогла,
и скрыла путь мой пламенная мгла —
заполненная буквами бумага.

3.

А нужно было вникнуть в чуждый текст
и оценить его огонь и холод,
забыть себя, проникнуть в мертвый город,
в руке сжимая яблоко и крест.

Здесь, в этом месте, память — как палач.
Передо мной скала Кара-Агач,
на ней — король и каменная свита,
и все, что пережито и забыто, —
уже не слово, но еще не плач.

И я лежу в ущелье Гяур-Бах,
со мною рядом в каменных гробах
неверные невесты точат слезы.
А там, где глубина и высота
сомкнулись, королевская чета
и свита их мне шлют свои угрозы.

4.

Мы ехали назад в Коран-Эли
с водителем Марленом из Отуза,
и кипарисы в блеске и пыли
стояли молча. Сыновья земли
и горькие плоды ее союза
с высоким небом
 груз ветвей несли
навстречу солнцу. Пастухи пасли
за кладбищем коров кирпично-красных
в блестящих шкурах, мягких и атласных.
Ты Кушнера цитировала. Я
о том, что миновало, вспоминала,
и чаек легкокрылая семья
опять на пашне землю приминала.
Мы ехали и думали о том,
что жизни груз — нелегкая поклажа,
что смерть мы оставляем на потом,
что вскоре вдалеке возникнет дом,
который в землю врос как часть пейзажа...

Феодосия

В синем море лодки плывут, как дни,
приближая к сердцу пространство осени,
и в последний раз манят нас огни
по горам разбросанной Феодосии.

Ты была рабыня и госпожа,
а еще — колхозница и стахановка,
брал тебя султан, как еду с ножа,
а по-русски имя твое — Богдановка.

Посмотри, как чайка взмывает ввысь,
исчезая, — только ее и видели...
А в селе Богдановка родились
и ходили в школу мои родители.

Невозможно жизнь уместить в объем
одного, дорогого для сердца, имени...
И в двойной реальности мы живем.
И хотя б за это, Господь, прости меня.

* * *

1.

Август — время фруктов и овощей.
Подведен итог мастерству оратая...

...Помню, как-то в августе, у мощей
Питирима

женщина бесноватая,
словно волк тамбовский в лесной глуши,
стала выть: «И Ирода запиши».

2.

Питирим святой пожалел ее,
и под сводом неба преображенского
подобрал солому, убрал жнивье
с золотого поля поста Успенского,
и закрыл он житницы на засов,
и в мгновенье ока изгнал бесов.

3.

И завял репей, и расцвел кипрей,
победив в бою своего соперника,
и стояла женщина у дверей
и в руках держала букет бессмертника.
Ей теперь не страшен ни Ирод, ни
волчьих глаз пронзительные огни.

4.

Ей не нужен бунт, но потребен свет,
у нее сочувствия больше нет
Пугачеву или Степану Разину...

...Август — время фруктов и овощей,
время смутных чувств и простых вещей —
например,
заготовки картошки на зиму.

Земля

1.

Грузовик пылит, а вокруг — теплынь!
Овощей гора заполняет кузов.
Наступает срок созревания дынь,
розовеет сок под корой арбузов.

2.

Но в каком мы времени — не пойму,
то ль в двадцатом веке с его страстями,
то ли в двадцать первом — в огне, в дыму,
то ли мы в Богдановке, то ль — в Крыму,
у себя живем иль в чужом дому...

Но следим прилежно за новостями.

3.

В новостях о том, что в Москве — протест,
говорят с тревогою и надрывом.

А у нас, скажу вам, другой контекст,
и хотя вокруг поколение пехт
держит в виде знамени банку с пивом,

но еще нам внятен задор юнца
и молчанье девы в платке сиротском,
и уже осознана до конца
жизнь земли на кладбище за Синодском.

4.

Там — Прасковья, Нина и Николай,
их тела сокрыты от нас во мраке.

Не разбудит их ни собачий лай,
ни сорочий треск, ни вороний грай,
ни истошный вой театральной клаки.

Там земля вершит свой последний суд,
но когда пространство и время минет,
то — нам сказано — ангельский голос труб
всех, кто в землю лег, из земли поднимет.

И, держа кресты, как мечи, в руках,
потому что в них — наша власть и сила,
понесется вихрем оживший прах
к церкви в честь архангела Михаила.

5.

Только мы должны понести труды
на своей земле,
принести плоды
и не ждать, когда отойдут поминки...

...Ветви ив, как руки детей, тонки.
На заборе сушатся чугушки
и хранящие запах сметаны крынки.

Наталья КОРОТКОВА

ТРАВА НА ОБОЧИНЕ

П о в е с т ь

К своему новому жилищу Головин подходил медленно — отдышка проклятая.

От станции до поселка через лес минут сорок ходу. По дороге несколько раз останавливался дух перевести. Совсем мотор не тянет. Когда до дома было уже рукой подать, решил передохнуть как следует.

Оглядевшись, присел на поваленное дерево. Достал из объемистого, потрепанного портфеля пузырек с лекарством и, вытряхнув на ладонь таблетку, закинул под язык. Он сидел ссутулившись, рассеянно глядя перед собой. Над головой его нежно шелестел молодой листвой березняк. Где-то вдалеке звонко долбил дятел. В траве, у самых ног, Головин заметил кустики земляники. Сорвал несколько ягод — лекарство подсластить.

Передохнув, двинул дальше. Выйдя из пролеска и увидав край деревенской улицы, с облегчением вздохнул: дошел. Слава богу! Вот оно — Растеряево.

«Зря Тамарка переживала. Есть еще порох в пороховницах», — распрямил плечи Головин.

* * *

С женой они накануне крепко разругались: не хотела одного отпустить. Все порывалась с ним поехать. Заполошничала: прихватит, мол, и будешь где-нибудь под кустом в лесу валяться. Или в деревне своей загнешься. Какая скорая в такую дыру поедет?

«Ну и загнусь. Делов-то», — отрубил Головин, всерьез решивший объявить войну неожиданно свалившейся на него болезни. Тамарка в этом деле ему не помощник. От суеты ее только хуже. Замучила заботой своей. Да и сама замучилась. Оно и понятно: последнее время он из больниц не вылезал. Сначала давление, потом вот сердце барахлить стало. А ведь не такие уж это и годы — шестьдесят с небольшим. Он и на пенсию-то уходить не собирался, пока не прихватило. «Здоровье есть, — думал. — Чего дома сидеть?» Но теперь, похоже, и впрямь пора на заслуженный

отдых. С другой стороны: а кому работать? В школе одни пенсионеры, считай, и остались. Из последних сил тянутся. Молодые разве ж пойдут на такую зарплату?

Игорь Иванович Головин без малого сорок лет отработал учителем истории. От звонка до звонка — в буквальном смысле. До сих пор в памяти, как зашел первый раз в свой десятый «Б». Сур-ровый! А у самого поджилки тряслись. На сколько он их там старше-то был? Девчонки глазки строили, хихикали, в краску вгоняли. Таньку Комарову (вот ведь, на всю жизнь запомнил!) взялся отчитывать за невыполненную домашку, а она, зараза, смотрит на него исподлобья не отрываясь, улыбается и вкрадчиво так, с придыханием говорит: «А глаза такие голубые-голубые...»

Надо же... Как вчера! Бабка его, бывало, так говаривала. Он тогда, по молодости, думал — это она к слову. А вот сейчас, когда у самого внуков двое, оказалось, действительно, — как вчера! Давно ли он к Тамарке своей на свиданки бегал? Да... Время — штука жестокая.

В общем, совсем Игорь Иванович захандрил, как седьмой десяток разменял. А уж когда болеть начал... Поначалу трухнул не на шутку и все рекомендации врачей неукоснительно выполнял: таблетки, процедуры... Да толку мало. Потом стал замечать, что боится дома один оставаться — вдруг поплохее? А на улице? Прихватит сердце — и свалишься. А кругом люди. Да не дай бог — знакомые! Стыдобища! Головин презирал себя за свою слабость. Никак не мог привыкнуть, что он — еще недавно крепкий, сильный мужчина — враз превратился в старую развалину.

Словом, опостылела Игорю Ивановичу такая жизнь до крайности. И решил он тогда: вот сколько ему отмерено на этом свете — столько и проживет. Трястись больше не будет. Покуда сил хватит, поработает, внуков понянчит. И хорошо бы мечту свою давнюю исполнить наконец. Куда уж дальше-то откладывать?

А мечта была... Купить дом в деревне. Нет, не так чтобы жить насовсем переехать, а навроде дачи. В отпуск, на каникулы школьные. И непременно в какой-нибудь глухомани. Где и лес под боком, и речка. И людей немного. Всю жизнь в школе — шум, гам... С утра до вечера. Домой приходишь — в голове гул стоит. А дома жена, дети, внуки. Он, конечно, в них души не чаёт, да только... Чувствовал в последнее время, что подрастерял, поистратил себя. Душа просила уединения.

«Ну что ж... Видать, и впрямь старею», — вздыхал про себя Головин.

* * *

Игорь Иванович отворил калитку. Та жалобно заскрипела ржавыми петлями. Пройдя по заросшему без хозяйского пригляда двору, устало опустился на выцветшее, местами прогнившее крыльцо. С облегчением выдохнул: сердце вроде отпустило. Огляделся вокруг.

Дом он купил километрах в ста от города. Не такая уж глушь, как мечталось, ну да иначе не доберешься. А тут пару часов на электричке — и ты, считай, на месте. А местечко славное! Дом у него крайний, за огородом сосновый бор. А посреди деревни озеро, поросшее по берегам камышом. Будет где порыбачить.

Домик Головину достался небольшой, кособоконый. На что зареботанных репетиторством денег хватило, то и взял. Да ему хоромы и не нужны. Не за тем он сюда приехал. От прежних хозяев осталась небогатая обстановка и кое-что из домашнего скарба. В кухне самым примечательным был старый пузатый буфет с рифлеными стеклами. В буфете Головин обнаружил несколько щербатых тарелок, кружки и пару гнутых вилок.

В комнате же сразу бросались в глаза книжные стеллажи. Игорь Иванович запербирал пыльные тома: Лесков, Бунин, Диккенс...

«Надо же», — удивился он. Скромная деревенская обстановка никак не наводила на мысль, что хозяева были людьми образованными. Рядом со стеллажами, у окна, стоял круглый, с потрескавшейся полировкой стол. В углу располагалась кровать с панцирной сеткой и потускневшими от времени никелированными шарами на высоких спинках. На стене — полинялый ковер с оленями. Над ним два больших портрета в деревянных, выкрашенных синей краской рамках. На одном из них мужчина в военной форме, с орденами. На другом — красивая, с выразительными глазами женщина. Фотографии были старые, выцветшие.

Что же это он? Разве так можно? Родители все-таки...

Дом Игорь Иванович приобрел у сына хозяев — наследника, так сказать. Старики умерли, а сын в городе давно обосновался. Неприятный тип. На вид лет сорока, рыхлый, глаза водянистые, рыбы. Разговаривает снисходительно, через губу.

— Не жалко? — осматривая дом, поинтересовался Игорь Иванович в первую их встречу. — Все-таки родной, родительский.

— Да че тут жалеть-то? Деревня эта всегда дыра дырой была, — презрительно скривился хозяин. — У меня дача двухэтажная, с бассейном. И под боком. В элитном поселке. На кой мне эта халабуда?

В доме пахло так, как часто бывает в жилище стариков. Запах, который не спутаешь ни с каким другим, наводил тоску. Ну что ж... Надо обжиться. В сарайке нашлись старые тряпки, ведро цинковое. Головин набрал в колодце воды. Да, теперь у него был свой собственный колодец! Правда, давно не чищенный — и потому застоявшаяся в нем вода для питья не годилась, но для хозяйственных дел сойдет.

Игорь Иванович энергично приступил к уборке. Смахнул веником паутину по углам. Мусор, разбросанный по комнатам, собрал и выкинул. Портреты оставил: выбросить рука не поднялась. Затем прошелся влажной тряпкой по шкафам, по корешкам запылившихся книг и принялся за пол. Наконец, отдраив затоптанные половицы, Головин подхватил ведро с грязной водой и вышел на улицу.

Во дворе напротив копошился мужик в камуфляжной куртке. Игорь Иванович прищурился: надо бы познакомиться. Или не надо? Он ведь сюда от людей сбежал, а тут опять начнется: разговоры, выпивка, не дай бог. Кто его знает — этого соседа? Может, алкаш какой. Привяжется — не отстанет... Решил сделать вид, что не заметил.

На ужин Головин отварила картошки, благо в погребе ее полно оказалось, открыл тушенку. Кроме тушенки в пузатом портфеле были еще бутерброды, заботливо приготовленные женой, чай, печенье.

Ужинал на веранде, сидя у раскрытого настежь окна и наслаждаясь непривычной для городского слуха деревенской тишиной. Нарушал ее лишь непрерывный стрекот сверчков да редкий перелай соседских собак. Хорошо-то как!

Пужинав и прибрав со стола, Игорь Иванович отправился на боковую. Он долго не мог заснуть на новом месте. Ворочался с боку на бок, перебирая в голове прошедший год.

Что-то надломилось в нем. И вовсе не из-за болезни. Нет. Раньше.

В школу Головин пошел по призванию. Предмет свой, историю, любил страстно. И любовью этой учеников своих умел заразить. Хотя и строг был, но дети к нему тянулись. Игорь Иванович к работе подходил творчески, с выдумкой. Это сейчас всякими гаджетами и электронными досками в школе никого не удивишь, а когда он преподавать начинал, ничего такого и в помине не было. Сам изобретал. Соберет нехитрую электрическую схему. Картонку на нее наклеит. А на той картонке в один столбик события исторические напишет, в другой — даты. Вот и тычет ученик одним проводком в Куликовскую битву, а вторым — в подходящую дату. Правильно сообразил — лампочка загорелась. Молодец! Неправильно — не обессудь. Снисхождений Игорь Иванович никому не делал. Даже отличникам. И учебником никогда не ограничивался. Сам много читал и детей приучал читать и думать. «Хотите понимать, что сегодня вокруг вас происходит, — говорил он им, — учите историю. Все повторяется».

А когда страна его в одночасье рухнула и навалилось лихолетье девяностых, работа для него стала служением. Его Куликовым полем. И бился он на поле этом с нечистью всякой, что из всех щелей повывезала. С коллегами хлестался, дорвавшись до «свободной прессы» и начавшими вдруг с каким-то странным, непонятным ему упоением взахлеб оплевывать свое прошлое. Спорил до хрипоты. Их послушать, так и в войне-то мы победу одержали только потому, что врага трупами завалили. И полководцы наши — сплошь бездари. А без штрафбатов да заградотрядов так и вовсе бы армия по домам разбежалась. Поскольку, с их слов, и народ-то у нас... сволочь, одним словом, а не народ. Да и страна — сплошной ГУЛАГ: одни сидели, другие охраняли.

«Слава тебе господи, отец-фронтовик не видит и не слышит всего этого. Не дожил», — скрипел зубами Головин, листая новые учебники с методичками. Вот и бился он за доброе имя отца и за всех оклеветанных. Живых и мертвых. Сердце рвал. А еще — за учеников-несмышленишей. Кем они вырастут? Как жить им, когда Родину с грязью мешают

и ничего, кроме презрения, такая Родина вызвать не может? И так год за годом.

А тут выдохся. Вымотался до невозможности. Надоело ему смотреть в пустые глаза учеников, у которых одна забота — ЕГЭ сдать; на коллег, замордованных бесконечными отчетами и аттестациями, уставших от безденежья и оттого равнодушных ко всему. А ему что, больше всех надо, в конце-то концов?! Один в поле не воин.

«Да и какой смысл?» — спрашивал он себя. Сколько ему осталось-то? Всю жизнь кому-то что-то доказывал, спорил, на баррикады за правду лез... А кому нужна его правда? Может, пора успокоиться? Для себя пожить?

Под такие невеселые мысли он и задремал.
Вдруг за окном пьяно затагнули:

— Мои друзья — начальники, а мне не повезло:
Который год скитаюсь с автоматом...

«Вот тебе и тишина! Вот тебе и покой! Вот тебе и деревенская идиллия!» — зло выговаривал Головин сам себе. А песня крепчала... Не иначе как в доме напротив гуляют. Ему вспомнился давешний мужик в камуфляжке.

Наконец, не выдержав, Игорь Иванович поднялся и пошлепал босиком по скрипучим половицам на крыльцо. Так и есть! Соседские окна были распахнуты, по деревне лилось раскатистое:

— Такое вот суровое мужское ремесло —
Аты-баты, аты-баты...

«Тьфу ты!» — с досадой сплюнул Головин. Но не скандалить же с соседями. Да еще с пьяными. Того и гляди, наваляют еще. Он вернулся в дом и, поплотнее притянув за собой дверь, накинул крючок.

* * *

На другой день проснулся он поздно. После бессонной ночи чувствовал себя неважно. Выйдя во двор, увидел сидящего на лавке у дома напротив вчерашнего мужика.

Тот тоже заметил Головина, поднялся и, сильно прихрамывая, направился к нему.

— Здорово, сосед! Ну что, — протянул руку, подходя, — будем знакомы: Михаил.

— Доброе утро. Игорь Иванович.

Отвечая на крепкое рукопожатие соседа, Головин обратил внимание, что кисть левой руки у того неестественно скрючена, как будто пальцы судорогой свело.

— Ты, что ли, у Генки Поскребыша дом купил? — Сосед с ходу, без церемоний перешел на «ты».

Головина это покорило. Он к такому не привык. Ишь, щегол молодой... Сорока, поди, еще нет. Хотя, может, у них в деревне так принято.

— Да вот купил. А почему Поскребыша?

— Бабы наши так его кличут. С детства приклеилось.

Новый знакомый слегка заикался. Игорю Ивановичу он с первого взгляда не понравился: резкий, дерганый какой-то, как на шарнирах. Еще и перегаром от него разит за версту. И глядит с прищуром: что, мол, за гусь у нас тут объявился?

— Сам-то местный? — поинтересовался Головин.

— Тутошний, — кивнул Михаил. — Дом родительский. Отец строил.

— И как родители? Не возражали, когда вы тут всю ночь гулевали?

— Родители померли давно. А мы с мужиками так, чисто по ностальгии... По тихой грусти, так сказать.

— Извини, — смутился Головин.

— Да ладно...

Сосед потянул скрюченной рукой из кармана пачку сигарет. Неловко прикурил.

— Сам-то каким ветром к нам?

— Да вот... к земле потянуло на старости лет. К природе.

— Тяжело тебе будет, городскому, да еще без хозяйки.

— Так я не насовсем. В городе и квартира есть, и хозяйка. А здесь так... Что-то вроде дачи. Стресс снять после работы.

— А-а-а... Я в городе не смог бы. Пробовал, — хмыкнул Михаил. — Дачник, значит? Дело хорошее. У нас тут благодать. И рыбалка, и охота... У тебя ружье-то есть?

— Откуда? Не охотник я. А вот с удочкой люблю.

— Заметано. — Михаил затоптал окурок. — Посидим, значит, завтра на зорьке. Ну, бывай, сосед. Загляну еще вечерком. Побег я. Некогда мне: обещал Саврасихе помочь баню стопить. Ты тоже обращайся, если что.

— Кому помочь?

— Соседке моей. Вредная бабка, спасу нет! Да одинокая, помочь некому. Вот взял на себя сообразительство, — хохотнул Михаил и похромал прочь.

Головин проводил его взглядом. Подумал: мужик молодой, а рука калеченая, хромает, еще и заикается. Видать, бурная молодость была у соседа.

День прошел незаметно. Головин прогулялся по деревне, познакомился с местными. В магазине затарился продуктами, бельешком постельным, ну и так... по мелочи. У почты поговорил со стариками, поинтересовался, у кого молоко можно брать. Дошел до фермы, что располагалась на краю деревни. У ворот фермы стоял «лексус», рядом с ним маячил

знакомый камуфляж. Михаил что-то энергично доказывал водителю, холеному мужику в темных очках. Тот слушал молча, недовольно. Общаться с соседом не хотелось, и Головин, не желая быть замеченным, развернулся в сторону дома.

Вечером позвонил жене, успокоил — жив, мол, здоров. Жена было принялась за старое, рвалась приехать, но Игорь Иванович сказал как отрезал: не нужна ему здесь скорая помощь. Договорились, что раз в неделю-другую сам домой наведываться будет — отметитья. Чтобы Тармака лично могла удостовериться, что не запаршивел мужик без ее догляда, не захирел.

* * *

Поутру Головина разбудил стук в окно. Негромкий, но настойчивый. И кого в такую рань нелегкая принесла? Поднявшись с постели, он подошел к окну и толкнул створки. Во дворе стоял Михаил с удочками в руках.

— Дрыхнешь? — Сосед довольно улыбался. — Собирайся. Всю рыбалку проспичь.

— Ох! — Головин спросонья потряс головой. — Я ж думал, ты так... про рыбалку-то. Дай хоть умоюсь!

— Умывайся. Я пока червей подкопаю.

Игорь Иванович махом собрался, накинул ветровку (поутру у воды свежо), на ходу глотнул холодного чаю — и во двор. За соседом он поспевал с трудом. Шагал тот резво, даром что хромой.

Подошли к озеру. Расположились на сырых мостках, закинули удочки. Над водой стелился тонкий туман. Заросли камыша по берегам тонули в мягком утреннем свете. Пахло тиной. Мимо, не торопясь, проплыл утиный выводок. И ни звука. Слышно только, как вода глухо бултыхает о борта дюралевой лодки, привязанной к мосткам. Покойно. Хорошо. Так бы и сидел весь день.

— А ты, Михаил, — первым нарушил молчание Головин, — чем занимаешься? Работаеть?

— Ага. На ферме, скотником.

— Платят нормально?

— Семь тыщ.

Головин присвистнул:

— А я думал, у меня зарплата маленькая. Не разгуляешься, однако, на семь-то тысяч.

— Так пенсия еще.

— Пенсия? Рановато вроде для пенсии. Нет?

— А мне как участнику боевых действий положено.

Головин с интересом глянул на Михаила:

— Так ты воевал? А где? Когда?

— В первую чеченскую. Как призвали, так сразу после учебки и загремел. Это потом туда только контрактников стали брать, а поначалу-то всех подряд.

— Понятно... И долго воевал?

— Почти год. Пока не ранили.

Михаил перезакинул удочку.

— Рука?.. — Игорь Иванович кивнул на его скукоженные пальцы.

— Да я весь как худое сито! — засмеялся тот. — Контузия еще — вишь, заикаюсь.

Помолчали.

— Ну и как там, на войне? Страшно, наверное, было?

— По первости — нет. Радовался даже. Я же с детства военным хотел стать. Сколько книг про войну перечитал, сколько фильмов пересмотрел — что ты! Готовился. Спортом серьезно занимался. Я ж кэмээс по боксу. За область выступал... А тут война! Настоящая. Переживал, как бы там без меня не управились. — Михаил покачал головой. — И вот, веришь, нет, в голову не приходило, что убить могут. Помню, в Ачхой-Мартан нас привезли, мы с машины попрыгали, я — последний. Хотел борт закрыть, а командир мне: «Не спеши». Смотрим, пацаны ящики какие-то тащат. Я сразу и не понял, что это. А это «двухсотые». Цинковые ящики, досками обитые. А на досках — фамилии краской. Мы сюда, а они... домой, значит. Вот только тут я и охолонул маленько. Дошло наконец: это тебе не кино...

Игорь Иванович хорошо помнил то время. В девяносто пятом Алешку Нечаева, ученика его, из Чечни в цинке привезли. Всей школой хоронили. А сын как раз в тот год школу оканчивал. Боялись с матерью за него страшно! Да пронесло, слава богу. У сына легкие с детства слабенькими были. Негодным оказался к строевой службе. Правду люди говорят: нет худа без добра! Головин вздохнул.

— А ты? На пенсии? — Михаил дернул удочку: на крючке трепыхался приличный подлещик.

— Ух ты! — Игорь Иванович подставил ведро. — Да так-то на пенсии. В прошлом году оформился. Но все равно работаю пока. В школе. Учителем истории.

— Хорошее дело. А я так и подумал. Как глянул — вылитый Сан Саныч!

— Это кто?

— Бывший хозяин твоего дома. Тоже учителем работал — в нашей школе, математиком. Пока школу не закрыли. Жена его, Александра Ивановна, литературу у нас вела. Душевные старики были.

— То-то я смотрю: полон дом книг. А сына их ты хорошо знаешь?

— Генку-то? Поскребыша? Однокашник мой бывший.

— Неприятный тип, — осторожно заметил Головин. — Разговаривает — вроде как одолжение делает.

— Генка — он такой... — усмехнулся Михаил. — Он у нас бизнесмен. Деловой! В городе у него сеть «стошек». Как после школы в институт поступил, только его и видели. За все время пару раз показался в деревне — и все. Деньги, правда, родителям исправно присылал, мать его хвалилась. — Сосед насадил на крючок червя, поплевал на него. —

А на похороны ее не приехал. Она перед смертью болела сильно, все ждала его. Сан Саныч к тому времени уже помер, так что ее Люська Печенкина дохаживала. Помню, Александра Ивановна, пока силы были, на лавочку возле дома выберется и все в сторону станции глядит. Караулит... — Михаил поморщился. — Не дозвонились мы до него. Он, как оказалось, в Таиланде с семьей отдыхал. Сами схоронили.

— А почему его Поскребышем зовут?

— Да детей у его стариков долго не было, они и ждать перестали. Им уж за сорок перевалило, когда Генка родился. Потому и Поскребыш. Мать его радовалась! Надыхаться на него не могла, от всякой работы оберегала. Это мы все лето с родителями на огородах, а этот — не-е-е... Оно и понятно. Генка в детстве дрыщом был, бледным да золотушным. Болел без конца. Вот она и тряслась над ним. Это он сейчас раскабанел.

— Я гляжу, ты его не очень...

— А нас с ним никогда мир не брал. Мы ж в одном классе учились, так редкую неделю не дрались.

— Что так?

— Да... — сосед опять поморщился. — С гнильцой парень был. Родители его баловали: то из города апельсинов привезут, то конфет шоколадных, дорогих. Нам-то петушка на палочке купят — мы и довольнехоньки. Помню, как-то раз на перемене высыпали из класса, смотрим, а Генка у окна в коридоре стоит и персик жрет. Здоровущий! Жрет — и сок у него по щекам бежит. А мы рядом стоим, слюни глотаем. Мы ведь персики эти только по телевизору и видели. А Поскребыш на нас ноль внимания. И до того мне обидно стало! Не потому обидно, что так уж персика захотелось. Нет... Просто жмотяра этот на нас как на пустое место смотрел. А когда он сожрал свой персик, Женька, сосед мой по парте, аж икнул. Ну и... Наваял я Поскребышу по дороге домой за такое нетоварищеское поведение. Мне от матери, правда, тоже потом влетело, — Михаил рассмеялся. — А как подросли — из-за девчонок хлестаться начали. Генка в десятом классе на Машку мою глаз положил. Как вечер — он под окном у нее. Весь в джинсе, на плече кассетник. Как щас помню: «Вега», последняя модель. Тогда круто было! Ну я ему, само собой, быстро объяснил, чьи в лесу шишки. Так он, гаденьш, выждал, когда меня в армию заберут. Сам-то закосил: грыжа у него внезапно образовалась. И давай клинья опять подбивать. Машка писала — проходу не дает. Я ей наказал тогда передать Поскребышу, что, как вернусь, грыжу ему враз вправлю. Сразу отстал. А потом и вовсе в город свалил.

— А ты в город после армии не думал перебраться? Чего здесь парню молодому делать?

— Думал. Да разве мать одну бросишь? Мои, как извещение получили, так отец сразу помер. Инфаркт.

— Какое извещение?

— О смерти! В госпитале что-то в бумагах перепутали. Ну и сообщили родителям: мол, ваш сын, ефрейтор Жданов Михаил Петрович,

выполняя боевое задание, верный военной присяге... Ну и так далее. Батя как услышал, так и... — Михаил махнул рукой.

Головин на миг представил себя на месте его родителей — и тут же отогнал эту страшную мысль.

— Одно время и правда думал в городе обосноваться, — продолжил сосед. — Ну, это уж после того, как мамку похоронил. А куда я без образования? Да еще это... — Он махнул изувеченной рукой. — Сторожем по знакомству на обувную фабрику устроился. Три месяца, как чурка, просидел на проходной. Чуть не опух. Не-е-е... Не по мне это.

— А учиться — не было желания?

— Да ты что, Иваныч? Какая учеба? Кто бы меня с матерью кормил? А мечта была! После школы думал в военное училище пойти. — Михаил вздохнул. — А тут, вишь, как оно повернулось. Ни работы путней, ни семьи.

— Что? Не дождалась невеста?

— Почему? Дождалась. В армию знаешь какие письма писала! «Люблю — неба не вижу!» Как вернулся, сразу поженились. А через полгода сбежала от меня...

— Характерами не сошлись?

— Да нет, тут другое. Я после контузии совсем плохой был. Спать не мог. Орал по ночам. В лес как-то пошли по ягоды. Вокруг благодать такая! А мне кажется, что по «зеленке» иду. По спине пот холодный ручьями. На каждом дереве снайпера выглядываю. Дома не лучше. Во двор выйду — по траве идти не могу: растяжки мерещатся. Жена меня в город к психиатру потащила. Тот таблеток каких-то выписал. Посттравматический синдром, говорит. Да толку с тех таблеток! Ночью раз чуть не задушил ее. Приснилось, будто в окопе сижу, а надо мной «дух» стоит, целится. Я на него — врукопашную... — Михаил сорвал травинку, пожевал. — После этого и ушла. В город уехала. Решила, наверное, что навсегда таким останусь. Да я и сам тогда сильно испугался. Шутка ли — родную жену чуть не порешил! Себя бояться стал. А вишь, оклемался, ниче вроде. — И он горько усмехнулся.

За разговором время прошло незаметно. Деревня потихоньку просыпалась. Пощелкивая кнутом, пастух прогнал вдоль берега стадо коров. Немного погодя протарахтел трактор. Следом, старательно объезжая коровьи лепешки, проехала на велосипеде молодая сдобная бабенка с почтальонской сумкой через плечо. Велосипед под ней дребезжал и позвякивал на каждой кочке.

— Привет, Люськ! — Михаил вскинул руку и разулыбался во весь рот.

Та приветливо кивнула в ответ, с интересом разглядывая Игоря Ивановича.

— Люська Печенкина, почтальонша наша, — пояснил сосед, заметив, как Головин провожает ее взглядом. Помолчав, с гордостью добавил: — Зазноба моя!

— Хорошая, — одобрил Игорь Иванович. — Вместе живете?

— Не... так. Дружим. С переменным успехом, правда.

— А чего?

— Потому как единство и борьба противоположностей промеж нас, Иваныч. У меня ж характер заводной, сам видишь. И Люська — язва та еще. Вот и воюем. Но! — Михаил поднял указательный палец. — С регулярными перемириями. На войне как на войне! Ну что, покедова, сосед! Хорошо посидели. — Он неожиданно подхватил удочки.

— А рыба? — удивился Игорь Иванович.

В ведре плескалась пара подлещиков и один так вполне ничего себе лещ.

— Да на кой мне она? Тебе там в самый раз на обед. На жарешку.

* * *

И потекли неспешно сельские будни Игоря Ивановича. Постепенно у него сложился свой незатейливый житейский уклад. Вставал Головин рано, с петухами. Он, быть может, и поспал бы еще, тем более что так сладко ему с юности не спалось, да и вставать в такую рань особой надобности не было, но соседский петух имел на этот счет свое мнение. Для утренней побудки он облюбовал место как раз под окном Игоря Ивановича. Лихо взлетев на плетень, петух самозабвенно драл горло, после чего начинал шуровать среди своих кур, так что только шум стоял.

— Что ж ты, брат, как муэдзин на минарете каждое утро? Другого места себе не нашел? — незлобиво ворчал Головин.

По правде сказать, он был рад столь раннему подъему. Самые благословенные часы! Деревня только-только просыпается, и чудный ее покой еще никем и ничем не нарушен. Разве что петушиным криком. А в утренней зыбкой, повисшей над крышами домов дымке робко нарождается новый день.

Умывшись и позавтракав, Игорь Иванович шел на озеро. Иногда с удочкой, иногда так — посидеть. Домой возвращался не торопясь, окольной, самой длинной дорогой, полной грудью вдыхая терпкий, настоявшийся за ночь на луговом разнотравье воздух.

Прогулявшись, принимался за хозяйство. Со временем поправил забор, крыльцо новое изладил. Спасибо Михаилу, сам бы не справился. Да! Косить научился! Тоже не без помощи соседа. В сарайке нашлась старая литовка. Мишка отбил косу на наковаленке, слегка прошелся по тонкому лезвию брусочком и опробовал инструмент в деле.

— Ты, главное, пяточку косы к земле прижимай, а носочек чуток выше держи, — втолковывал он Головину.

Поначалу у того неловко выходило, а потом ничего, приспособился. И пошло дело! Приведя в порядок двор и заросший огород, прошелся за оградой. Войдя во вкус, перекинулся на двор Саврасихи.

Работал, как положено, поутру — пока роса не сошла, — млея от звонкого, чистого пения косы. И казалось ему, что нашел он наконец то, что так давно и мучительно искал. И вот, точно путник, утомленный

дальней дорогой, припал к роднику живому — пил захлеб и напиться не мог!..

За хозяйственными делами день протекал незаметно. После обеда Головин отдыхал за домом, в теньке. Лежа под развесистой черемухой на продавленной, местами аккуратно заштопанной раскладушке, Игорь Иванович перечитал добрую половину книг из библиотеки бывших хозяев. А вечером он отправлялся на другой конец деревни — к Люське Печенкиной, за молоком.

* * *

Люська — крепкая, молодая баба с милovidными ямочками на лице и жилистыми натруженными руками. Жила она без мужа, с сыном Митькой — пацаном лет шестнадцати. Работала на почте. Держала при этом нешуточное хозяйство: двух коров, поросят, кур полон двор.

— Не тяжело, Людмила, одной управляться? — спросил ее как-то Игорь Иванович, придя за молоком.

— Тяжело, не тяжело... Мне сына подымать надо. После школы в город поедет — в институт поступать. На какие шиши учить? На почте что за деньги?

— Ну а муж?

— А... Выгнала! Пил как собака.

— Не жалеешь?

— Больно надо — жалеть! Я ж после развода как с войны вернулась. Вспомнить страшно... Он так-то мужик неплохой был. Заботливый, хозяйственный. Пока трезвый. Сколько же я натерпелась от него! Сколько на себе таскала с пьянок этих, сколько по дружкам рыскала ночами... А зимой! Один раз под забором, у магазина, в сугроб завалился. Ночь. На улице ни души. Его уж снежком припорошило, сердешного. Еле растолкала. Поморозился. Думала, без пальцев останется. Уж как только не просила его: не пей! Сын ведь растет. Какой пример ему? Все без толку!

— И где он теперь? — поинтересовался Головин.

— В город уехал. Соседка говорит, видела его недавно. С бомжами у вокзала выпивал.

Люська вздохнула.

— И что ж это нынче за мужик такой пошел? А, Игорь Иванович? — Она горестно подняла брови. — Поизмельчал ваш брат, однако. Другой раз смотришь — вроде мужик. А приглядишься — так, видимость одна. Коснись чего — сразу в кусты. Взять хоть деревню нашу. Поразбежались ведь, как зайцы, — легкой жизни искать. Однокашники мои все до одного усвистали. Кто сразу после школы, а кто уже и детишек нажить успел. Так ведь и баб своих, и детишек побросали. Разве ж это мужики?

Вот, помню, мамка моя про дедов своих рассказывала — прадедов моих, значит. Так те в свое время по Столыпинской реформе аж из Саратовской губернии сюда перебрались. Вот люди были! Сначала до Томска по железной дороге в теплушках ехали. А после до места — уже

на подводах. Со всем скарбом домашним. Скотина, опять же, с ними. Можешь себе представить? Детишки с бабами на подводах, а мужики — рядом, пешком. По сорок верст в день проходили! Обутка, рассказывали, в труху. Тряпками перематывают ноги — и вперед. Ночевали под открытым небом. А дело весной было. Бабка мамкина вспоминала: через реку переправляться сунулись вброд — тонуть начали. Вода ледяная! Отец ее, пока детишек на руках выносил да утварь домашнюю спасал, застудился. В дороге и помер. А как до места добрались — первым делом землянок нарыли, целину распахали, отсеялись, потом дома взялись рубить. Ты нынче много мужиков знаешь, кто дом сумеет поставить? Да ладно — дом! Землянку бы вырыли — и то хорошо...

А наши?! Не успели обжиться на новом месте — тут тебе революция. Следом — Гражданская. Мужики, после того как колчаковцы пришли да деревню пожгли, в партизаны подались. Слава богу, все живы остались. Прадед, правда, после ранения всю жизнь с рукой маялся, прямо как Мишка наш. А потом коллективизация. Тоже хватили лиха. И вот вроде все наладилось, вроде жить начали по-человечески... Тут опять война — Отечественная! Мужики — на фронт. С фронта вернулись — хозяйство восстанавливать надо, хлеб сеять...

Я к чему это все? Вот ведь порода была — и воевать, и работать горазды! Дом ли поставить, скотину обиходить, хлеб ли вырастить. И рыбаки, и охотники. На все руки мастера. Не то что нынешние. А детей — детей сколько в семьях было!.. И возьми сейчас. Помню, когда Митяйка мой подрос, я только заикнулась своему, что хорошо бы второго, пока молодая. Так ему, бедному, аж поплохело. Это ж ответственность, говорит, какая! Одного бы прокормить!

По телевизору только и слышно: демография в стране хуже некуда, рождаемость падает. Думаешь, бабы рожать не хотят? Мы-то родим. Так его ж еще на ноги поставь, в люди выведи. А мужикам оно надо? Ответственности они, видишь ли, боятся! А деды наши ничего не боялись. Можешь ты себе представить, чтобы сейчас вот так сорвался кто — и на другой конец страны, на пустое место? Своим ходом, да с семьями? Да чего далеко ходить, ты погляди вокруг! Сколько земли заброшенной — и никому дела нет...

Люська с остервенением сдернула с головы платок. По всему видать, наболело у бабы.

— Чего молчишь?

— Да, Людмила... Тяжело, однако, за весь мужской род ответ держать, — качнул головой Игорь Иванович. — Припечатала. Нечего сказать.

— Да уж ответь что-нибудь!

— Ну хорошо. Вот ты говоришь: поразбежались мужики, земля брошенная... А сама Митьку своего на город настраиваешь. Деньги на институт копишь. Так?

— Коплю! — с вызовом ответила Люська. — А какая мать не хочет, чтобы ее ребенок в достатке жил? Тут-то какой достаток... Всю жизнь

в навозе копаешься, жизни не видишь. Государству-то мы шибко нужны? Колхоз развалили. Школу и фельдшерский пункт закрыли — в Легостаево теперь таскаемся. Перекупщики, паразиты, ездят — мясо за бесценок скупают. А ты видел, сколько оно в магазине стоит? А молоко? Вот и получается, рабочему — полтина, а нарядчику — рубль! Мы ж для них не люди, а так, — она мотнула головой, — трава на обочине. Затоптали — и не заметили.

Люська всхлипнула.

— Ты прости меня, Людмила, — растерялся Головин. — Я ведь не в осуждение... — Он с трудом подбирал слова.

— Да это ты меня прости, Игорь Иванович. И чего я на тебя накинулась? — Люська виновато улыбнулась. — Разбередил ты мне душу расспросами своими про бывшего. Давай банку-то. Налью парного.

* * *

Так, прежде городской до мозга костей житель, Головин проникался мало-помалу заботами и нуждами сельчан. И не переставал удивляться. Одна страна вроде. Один народ. Два часа езды на электричке — а какая разная жизнь, какие разные проблемы! Сноха вон страдает, что в этом году в Турцию слетать не получится: доллар вырос. А у Люськи Печенкиной голова болит, чем скотину кормить. Внук старший ноет: айфон бы ему последней модели, у всех одноклассников уже есть. А Митька до школы, что в соседней деревне, полтора часа пешком добирается. Свою-то, в Растеряеве, закрыли давно. Или Михаила взять. Не из-за жалких же семи тысяч он на ферме надрывается. Прожил бы на свою пенсию.

Так что же тогда держит этих людей здесь? Что не дает им бросить все и найти себе местечко потеплее? Так примерно размышлял Головин, и становилось ему отчего-то стыдно.

Отчего и перед кем стыдно?

* * *

Вечерами в гости заходил Михаил. Днем-то он на ферме пропадал. Игорь Иванович соседу был рад. Всегда веселый, энергичный, Мишка оживленно принимался рассказывать последние деревенские новости. О том, что Флянтиков, хозяин фермы, опять, болван, не те корма закупил. Что Саврасиха сегодня с крыльца навернулась. Ребятишки соседские прибежали, говорят: встать не может. И пришлось среди рабочего дня все бросить и мчаться со всех ног оказывать неотложную помощь. Люська — та, бестолочь, спину сорвала. Уголь привезли, так она — одна! — его весь в углярку перетаскала.

— Вот куда? Говорил же, что помогу. Нет! Неймется ей. Надо уплатиться! — горячился Михаил.

До всего ему было дело. Обо всем была забота.

Иногда Мишка приходил с другом, Вовой Лиходеем.

— Лиходей — это кличка или фамилия? — поинтересовался Игорь Иванович, услышав о Воле впервые.

— Это, Иваныч, натура. Познакомишься — поймешь.

Вола, действительно, оказался ходячим недоразумением. Дня не проходило, чтобы с ним не случилась какая-нибудь неприятность. И всякий раз из передряг вытаскивал его Мишка, потому что сам Вола, несмотря на устрашающее прозвище и внушительную наружность, был беспомощен, как ребенок, и ласков, как теля. Более добродушного человека, чем Лиходей, во всей округе не сыскать. Но, где бы он ни появлялся, повсюду его сопровождали беды, напасти и всяческое неблагополучие. К чему бы ни прикладывал руки — неизменно случалась потрава, урон и разорение. Реабилитировать непутевого товарища в глазах сельчан, исправляя его «косяки» и компенсируя причиненный ущерб, опять же приходилось Михаилу.

Помимо тотального невезения, отличало Вову и редкое в наши дни нестяжательство. Последнее с себя готов был снять и отдать первому встречному, чем не упускали попользоваться все кому не лень. К тридцати годам ни дома не нажил своего, ни хозяйства, что созданию семейной жизни, разумеется, никак не способствовало. И потому жил Вола с семьей сестры. Все, что зарабатывал на лесопилке, тратил на племянников. «У Вовы в кармане одна вошь на аркане, — насмеялись над ним деревенские невесты. — А в другом — блоха на цепи!»

Вскоре и Головин оказался невольным свидетелем очередного Волиного злключения.

Вызвался тот баньку Саврасихе поправить. Ну как поправить... Там делов-то всего ничего — окошко заменить. Косяки оконные сгнили совсем. Михаил уже новые сделал и раму к ним, осталось по месту установить. Только сам он последнюю неделю на ферме зашивался, а Саврасихе приспичило: вынь да положь!

Бабка, конечно, понимала, что сильно рискует, но, видать, рассудила так, что дело-то пустяшное и навредить Вола при всем желании не сумеет.

Но на то он и Лиходей!

Надо отметить, что банька у Саврасихи была едва ли не древнее ее самой. Шлаколитая, под тесовой крышей. Шлак со временем местами выветрился, а вокруг окошка так и вовсе посыпался: щели в палец толщиной! Естественная вентиляция, короче, образовалась.

Вола к делу приступил с энтузиазмом. От выдерги, предложенной Саврасихой, снисходительно отказался и, пригнувшись, решительно шагнул в предбанник. Вскоре в окошке замаячила его сияющая физиономия. Глядя на Головина, он сделал успокаивающий жест: дескать, будь спок! Щас все будет! Ухватился ручищами за оконные косяки — и со всей дури рванул на себя.

Что произошло дальше, Головин с бабкой не сразу сообразили. Раздался страшный грохот, над банькой взметнулся столб пыли. И в неожиданном образовавшемся проеме они в полный рост увидели присыпанного шлаком Вову — с вытянутым лицом и оконным коробом в руках. Со сто-

роны можно было подумать, что в несчастную Саврасихину баньку попал невесть откуда прилетевший снаряд.

Пока Головин оценивал масштабы разрушения, Вова на полусогнутых ногах вышел наружу, бережно прислонил короб к уцелевшей стене и, ни слова не говоря, припустил со двора. Вслед ему неслись проклятья Саврасихи. Фронт работы на ближайшее время Михаилу был обеспечен.

Мишка каждый раз костерил своего непутевого приятеля на чем свет стоит, но при этом относился к нему с трогательной отцовской нежностью и заботой. Деревенские знали: если вдруг кто позволит себе Вову обидеть, дело будет иметь с Михаилом.

Когда друзья вместе прохаживались по деревне, выглядело это забавно. Вова — долговязый, мосластый и нескладный — шагал широко, размеренно, размахивая на ходу огромными клешнями. Каждая ладонь что твоя лопата! А рядом, едва поспевая за ним, припрыгивал Мишка — невысокий, поджарый, пружинистый. Скроен он был по-мужски ладно, и даже хромота его не портила. Головин, как-то раз моясь с ним в бане, подивился, что тот, щуплый с виду, оказался мускулистым, жилистым. Под левой его лопаткой Игорь Иванович заметил след от пули. Ноги все осколками посеченные. Рука шрамами исполосована. Одним словом, живого места на парне не было.

Иногда Головин с Михаилом заходили к Саврасихе. Бабка подслеповато щурилась, изображая радушие:

— Проходите, проходите, помощнички дорогие... Уж как бы я без вас...

— Да как-как? Замухоморилась бы совсем! — с порога подзуживал ее Мишка.

Бабка обиженно поджимала губы. Пока сосед таскал воду в баню, жалобно вздыхала, глядя на Головина:

— Охо-хонюшки-хо-хо...

— Что такое, Анна Григорьевна? — участливо интересовался Игорь Иванович.

— Помру я скоро, милоч, как есть помру!

Она опускала глаза, наблюдая исподтишка за его реакцией.

— Да ну что вы, Анна Григорьевна! С чего это помирать-то собрались?

— Сон плохой видела, милоч. Не иначе, на Яблочный Спас и представляюсь.

Саврасиха сквашивала скорбную физиономию и заводила привычный, доставлявший ей странное удовольствие разговор обо всех почивших в последнее время жителях деревни. Головин спешил найти уважительный повод, чтобы улизнуть во двор:

— Пойду Михаилу помогу...

Мишка топил баню.

— Чего она там? Жалуеться? На меня, небось?

— Помрет, говорит, скоро.

— Ага, щас! Да она нас с тобой переживет. Вот до чего ж хитрая бабка! Я, говорит, Мишенька, не вижу совсем ничего. А тут как-то на днях печку ей чищу, а сам боковым зрением секу: сидит она — скушает! И от нечего делать палкой своей ромбики на ковре у ног обводит. Ро-о-овнехонько так! Щеколда старая.

— Нехорошо так о пожилom человеке, Миш.

— Да она ж ведьма! К ней бабы наши все гадать бегают. Она тебе если вдруг предлагать чего будет — водички там попить, — ты не вздумай!

— Неужто отравит?

— Зря смеешься. Мужик ты еще ничего так. Бабы наши на тебя заглядываются. Смотри... Надумает тебя кто приворожить — Саврасиха тут первая помощница.

— Ну что ты на человека наговариваешь?

— Я наговариваю?! — Мишка задохнулся от возмущения. — Плохо ты ее знаешь! Тот еще персонаж... Прикинь, что она мне тут недавно заявила. «Я, — говорит, — Миша, как помру, так ты мне в гроб очки положи. Смотри не забудь!» — «На что, — интересуюсь, — тебе, бабка, очки на том свете? Дорогу в царствие небесное боишься не найти?» А она мне ласково так: «Положи, Миша. А не то я тебе, сопля свинячья, во сне являться буду». Нет, ты понял?! Это мне заместо благодарности! «Это как так — являться?» — удивляюсь. «А помнишь, — говорит, — деда Митрия из Легостаева? Лет пять назад помер. Седенький такой. С костыльком все ходил». — «Ну, помню», — отвечаю. А она мне ехидно так: «Хорошо, что помнишь. Так вот... Он, как помирал, попросил жену свою, Варьку, в гроб костыль его положить. А та, тетеха, забыла». — «И что?» — спрашиваю. «А то, — объясняет мне Саврасиха, — что в первую же ночь и явился старчик!» Во, думаю, заливает бабка! А сам, значит, дальше выпытываю: «Костыль, что ли, требовать?» — «А то зачем же?» — гнет свое Саврасиха. «И чего жена?» — интересуюсь. А она мне в ответ: «Ну чего... Давай каяться да прощенья просить. Хорошо, старик не вредный был. Простил. Велел только костыль ему передать». О как! Новый поворот! Спрашиваю опять: «Это как же так — передать?» А Саврасиха: «Через месяц, сказал, в соседней деревне баба помрет. Вот с ней передать и наказал». — «В смысле? — смеюсь. — Бандеролью?» А она мне: «До чего ж ты, Михаил, умом слаб, — Мишка смешно передразнил Саврасиху. — В гроб ей положить!» Интересное кино получается. Я опять с вопросом: «Так че? Жена прям так в соседнюю деревню и поперлась? С костылем?» Саврасиха поморщилась и отвечает мне: «А то как же? Съездила. Аккурат в тот срок, как Митрий и указал. И в самом деле там баба померла». Во дела! «А родные-то, — удивляюсь, — не возражали, когда она костыль в гроб пихать начала?» А она мне, старая перечница: «Так люди ж с понятием. Не то что ты. Сообразили: ежели откажут — дороже будет. Дед же им покою не даст! Так что ты, Миша, очки мои не забудь. Не забудь!..» Мишка потряс скрюченным пальцем, вновь изображая Саврасиху. «Не сомневайся, —

говорю, — бабка. Положу». А куда, Иваныч, деваться? Она ж, ведьма старая, и впрямь припрется. Я ее знаю!

— Интересная у вас дружба получается, — от души посмеявшись, заметил Головин. — Все время в контрах, а сам помогаешь ей.

— Ну а как не помочь? Соседи все ж таки. Она хоть бабка противная, но... Знаешь, как говорят? Всякая живая душа калачика хочет. Ладно. Пошли.

* * *

И вот так день за днем, неделя за неделей... Не успел Головин оглянуться, а лето, считай, пролетело. На календаре август. Пора домой собираться: занятия в школе на носу. Хотя в последнее время все чаще и чаще стал он подумывать: а не уйти ли ему с работы? Все нервы поистрепал в школе. Нет, в самом деле? Здоровье дороже. В крайнем случае учеников можно взять — к экзаменам готовить. Чего время тратить на тех, кому история не нужна?

«Проживем!» — думал он.

Незадолго до его отъезда Михаил решил организовать не раз обещанную охоту. Да тут, как на грех, с Игорем Ивановичем неприятность случилась: ячмень, будь он неладен, соскочил. Просифонило, видать, где-то. Глаз отек, еле открывается. Болит, чешется. Какая уж тут охота? Попробовал мазь прикладывать — Люська поделилась — толку никакого. И болячка-то вроде пустяковая, а измучился — сил нет.

— Пойдем, Игорь Иванович, к Саврасихе. Она враз заговорит. Чего мучиться-то? — увещевала его Люська.

— Люда! Я заслуженный учитель России. У меня сорок лет педагогического стажа. И ты хочешь, чтобы я, человек с высшим образованием, потащился к темной бабке ячмень заговаривать? Молодая современная женщина! Ну как не стыдно? Ты смеешься надо мной?

— Знаете что? — обиделась Люська. — Смех смехом, а вот когда Митька у меня в полгодика грыжу пупочную наорал себе, так врачи сразу сказали — оперировать. А Саврасиха вправила. Без всяких операций. Соседка моя, Наташка, тогда тоже надо мной смеялась. С ее пацаненком такая же беда приключилась. Только вот она его под нож положила, а мы так обошлись! Саврасиха, помню, пробочку резиновую от пенициллинового бутылечка в пупок ему вставила, сверху монету пятикопеечную, советскую еще, пластырем все это крест-накрест заклеила. И что ты думаешь? Как не бывало грыжи-то! Сходи-сходи, Игорь Иванович! От тебя не убудет.

— И правда, Иваныч, — подключился Мишка. — У меня вот как нога на непогоду разболится, так я разве что на стену не лезу. Спасу нет! Никакие таблетки не помогают. А Саврасиха компрессами своими воюнучими ногу мне обложит — и как рукой всю боль снимает. Точно тебе говорю!

— Да отстаньте вы от меня! Что за мракобесие такое? Я же себя уважать перестану после этого.

— Ну и мучайтесь дальше, — обиделась Люська. — Нечего тогда жаловаться.

— Заговаривать не дам, — подумав, объявил Головин. — Вот если она травками какими полечит, примочками — это пожалуйста. Фитотерапию пока еще никто не отменял.

— Да какая там фитотерапия? — отмахнулась Люська. — Сячменем-то? Пошепчет немного бабка да поплюет в глаз. И всего делов! Она меня не раз так пользовала от этой заразы.

— Поплюет?! — Игорь Иванович аж задохнулся от возмущения.

Мишка зашелся в хохоте:

— Не, тут ведь как, Иваныч? Тут, главное дело, навык должен быть хорошо отработан. В глаз-то еще попасть надо! А Саврасиха, боюсь, слепо промахнется. Тот еще ворошиловский стрелок! Опять же у нее слюна, стопудово, ядовитая, с таким-то характером. Я предлагаю, Иваныч, все-таки к окулисту.

— Вот и я говорю: к окулисту! — обрадовался тот.

— Конечно, — продолжал Мишка. — Я считаю, в глаз плевать профессионал должен. У него как-никак диплом!

— Да ну тебя! — психанул Головин.

Ему было не до шуток.

— Ну, не хотите, чтобы плевала, она по-другому полечит. Чего вы катыритесь*? — снова встряла Люська.

Короче, уговорили. Болезного, понятное дело, вызвался сопровождать Михаил.

В сенцах у Саврасихи было тесновато — вдвоем не развернуться. По углам развешаны пучки сушеной травы, какие-то коренья, под потолком нитки с грибами. Сбоку, у входа, лавка, а на ней большущая эмалированная кастрюля с квасом. Мишка зачерпнул ковшиком, приложился, смачно крикнул: хорош квасок! Головин, недовольно хмурясь, ждал, когда тот напьется. Поставив ковшик на место, Михаил постучал в дверь и вошел в дом.

— Здорово, хозяйка! Как жизнь молодая?

Саврасиха сидела за кухонным столом у окна и перебирала ягоду.

— Ишь, — подмигнул Головину Мишка, — зрение у нее плохое. Даже очки не надела.

В доме пахло лампадным маслом, пареной тыквой и еще чем-то приторно-сладким. Полы были устланы домоткаными половиками, на окошках — голубенький в мелкий цветочек ситчик, на полках буфета — белоснежные вязаные салфетки.

Михаил потянул за рукав мявшегoся у порога Головина.

— Вот, бабка, привел к тебе пациента, — без предисловий начал он. — Только ты того... В глаз ему плевать не могли. На это он не согласный! И вообще, может, у тебя слюна какая заразная. Ты анализы давно сдавала?

* Катыриться (местн.) — упрямиться, вредничать.

Саврасиха недобро, исподлбья посмотрела на Михаила:

— Мели, Емеля, твоя неделя.

Она тяжело поднялась из-за стола, кряхтя и переваливаясь, подошла к Игорю Ивановичу. Отерев руки о фартук не первой свежести, ухватила его за подбородок.

— Ты бы, бабка, хоть руки помыла! — возмутился Мишка. — А то, понимаешь, никакой гигиены...

— Да замолкни ты, балаболка безголовая! Пошли, милоч, на свет. А этого пустобреха не слухай.

Игорь Иванович прошел в зал и присел у окна на облезлую, обитую дерматином табуретку, с опаской следя здоровым глазом за манипуляциями Саврасихи.

Бабка зажгла свечку перед иконами, помолилась и подошла к Головину. Наклонилась к его лицу и, скрутив кукиш, принялась водить им прямо перед больным глазом. Водит кругами, а сама что-то бормочет себе под нос. Прислушавшись, Игорь Иванович с трудом разобрал: «Ячмень, ячмень, на тебе кукиш, что хочешь, то и купишь...»

«Стыдоба-то какая! — страдал он про себя. — Хорошо, хоть Тамарка не видит. Со свету бы сжила насмешками своими. Вот до чего отсутствие цивилизации доводит!»

Бабка тем временем продолжала что-то бухтеть и вдруг резко сунула ему фигу под самый глаз. Игорь Иванович от неожиданности откинулся головой назад и саданулся затылком об оконный косяк.

— Может, компресс какой из травок все же или мазь, Анна Григорьевна? — потирая ушибленное место, со стоном взмолился он.

— Сиди уж, — махнула на него Саврасиха. — У самого полрожи заплыло, а туда же: учить меня вздумал! Еще спасибо скажешь. Назавтрева все пройдет. Ступай себе с богом.

— И правда, Иваныч, че тебе — жалко глазу фигу показать? — гоготнул Мишка.

— А ну, чешите отседова! — уже не на шутку разозлилась Саврасиха.

— Может, я вам должен чего, Анна Ивановна? За лечение, — постарался сгладить ситуацию Головин.

— Свечек мне купишь, как в город поедешь. У церкви. И будет с тебя, — отмахнулась бабка.

Выйдя со двора, Мишка хлопнул Игоря Ивановича по плечу:

— Ну все, Иваныч, назавтра от твоего ячменя и следа не останется.

— Да ну тебя, Михаил.

— Вот зря, зря ты Саврасихе не доверяешь! Она у нас, считай, за место фельдшерского пункта. И грыжу вправит, и ребеночка примет, если кому приспичит, — до роддома-то сто кэмэ. И простуду, и другую какую хворь снимет. Она вообще бабка непростая.

— В каком смысле?

— А ты знаешь, что она в лагере сидела?

— В каком еще лагере?

— Ну не в пионерском же! Я от родителей слышал: они с мужем приехали сюда в пятидесятых. А до этого лес валяли на северах. Там и познакомились.

— А за что сидела?

— Да я толком не знаю. Одни говорят, за то, что во время войны, в оккупации, полы у немцев в комендатуре мыла. Другие — за то, что солярку списывала, когда в гараже работала. Это уже после войны. Кто знает? Но бабка непростая, точно тебе говорю. Ей палец в рот не клади. В прошлом году, помню, Флянтиков бригаду нанял — ферму подлатать. А шабашники — сразу видно, что из этих... из сидельцев. На озеро купаться пришли, разделись — синие все, расписные. И рожки соответствующие! Ну так вот... Раз они на «газельке» своей неаккуратно развернулись на нашей улице, забор-то Саврасихе и повалили. Я к бугру их сунулся: дескать, поправить надо бы. А они на меня как поперли! Думал, хана. Куда я один против шоблы такой? Тут, на мое счастье, Саврасиха, божий одуванчик, за ворота как раз выползла. К пахану их подвлоклась и на ушко ему что-то шепнула. Потом развернулась и почапала себе потихоньку домой. И что ты думаешь? Тот как заржет — и вслед ей: «Ну ты, мать, даешь! Сильна!» Своим головой кивнул, те инструмент похватали — через полчаса забор как новый стал. А ты говоришь... То-то, брат!

На следующий день ячмень у Головина и впрямь прошел.

— А я что говорил? — обрадовался Мишка, заскочив к нему вечером после работы. — Саврасиха лучше любого профессора. Зря сомневался!

Игорь Иванович только в затылке почесывал, пытаясь найти разумное объяснение своему нечаянному выздоровлению.

— Ну что? На охоту-то идем? — Мишка довольно потирал руки.

— А как же!

— Лады! Я тогда к Люське заскочу сегодня, горячим подзатарюсь. У нее знаешь какая самогонка? У-у-у!

Головин поморщился. Михаил заметил это и, улыбнувшись, поддел его плечом:

— Да ладно тебе, Иваныч! Ты прям как гаишник — все унюхать норовишь. На охоте можно. Мы ж чисто по ностальгии, так сказать. По тихой грусти...

За эти несколько месяцев Головин прикипел душой к своему соседу. И все бы хорошо, но с момента их знакомства Михаил трижды уходил в глубокие недельные запои. Помешать ему в этом не представлялось никакой возможности. Завязав, он дня три ходил мрачнее тучи, на глаза Игорю Ивановичу старался не попадаться. Целыми днями с остервенением драил полы, мыл посуду, стирал... Словом, приводил свое запущенное за период обильных возлияний хозяйство в надлежащий вид. А затем все возвращалось на круги своя: Мишка носился по деревне, помогал Саврасихе, чихвостил Вову Лиходея, ругался с Флянтиковым...

Головин не раз пытался наставить Мишку на путь истинный. Да все впустую.

— Ты ж рукастый мужик, и голова варит как надо! А последнее здоровье пропиваешь, — увещевал он соседа.

— Тоска меня, Иваныч, заела. Тоска зеленая. Можешь ты это понять?

— Да с чего тоска-то?

— Смысла жизни нет! Понимаешь?

— Женился бы на Люське, детишек бы нарожали. Вот и был бы тебе смысл.

Михаил невесело усмехнулся:

— Иваныч, ты глянь на меня. Я ж инвалид. Какие дети? Родить — дело нехитрое, а подымать кто будет?

— Знаешь, как говорят? Бог дает детей — даст и на детей.

— Да я не про то. Я, может, загнусь не сегодня завтра, а Люське одной корячиться? Ей вон Митьку своего бы вырастить, выучить.

— Да что это за разговоры такие? — возмутился Головин. — «Загнусь»...

— А... — отмахивался Мишка. — Вот на войне у меня смысл был. Когда пацанов своих из ущелья выводил, когда прикрывал, вытаскивал... Был. А здесь...

— Ну а как же другие-то живут?

— Да че мне другие?! — тут же заводился Михаил. — Другие с утра до вечера деньгу заколачивают, чтоб жрать побольше да пить послаще. А мне неинтересно. Можешь ты это понять? Не же-ла-ю! Вот ты, Иваныч, зачем живешь?

— Спросил! — растерялся Головин под его напором.

Он в последнее время и сам задавался тем же вопросом.

— Я детей учу. Сына родил. С женой мы сорок лет бок о бок. И вообще, Михаил, не нашего это ума дело. Дал тебе Господь Бог жизнь — живи! Ему видней — для чего.

— Так я, может, то, для чего предназначен был, все там исполнил. — Мишка мотнул головой куда-то в сторону. — А сейчас — так... небо зря копчу.

— Погоди, а как же отцы наши? Деды? Таковую войну отломали! У меня отец без ноги с фронта пришел. И сразу на завод...

— Сравнил! Они страну восстанавливали.

— Вот и ты восстанавливай. Что, в деревне восстанавливать нечего? Ферму ту же.

— Для кого? Для Флянтикова? Чтоб он себе еще один «лексус» купил?

— Ну, не знаю... Должен же кто-то строить, лечить, учить... Государство кто-то должен наше укреплять?

— Я это государство укреплять не желаю! Лечить? Вон по телевизору всем миром детишкам на операции деньги собирают. «Отправьте эсэмэс — не то помрет ребенок...» Я и отправляю. И Люська со своей смешной зарплаты отправляет... Это ж надо! Люди грошами своими жалкими делятся, а у государства, значит, денег нет. У нас что — война? Раз-

руха? Ты посмотри телевизор, глянь, как чиновники наши жируют. Ведь воруют будто не в себя! Твари! И откуда оно только повылазило, охоботье это? А ты хочешь, чтобы я на них ишачил? Хребтину гнул?

— Да ты ж воевал за это государство!

— Воевал! Да! Только это другое... Ладно. Все. Свернули тему, — обрывал Головина Михаил.

Разговор на этом обычно заканчивался.

* * *

Надо сказать, что все то время, пока Головин обретался в Растеряеве, чувствовал он себя вполне сносно. Про болячки свои почти забыл. Жена по-прежнему звонила каждый день, беспокоилась, грозила приехать. Но тут Игорь Иванович был категоричен: нет — и все. Идиллию свою деревенскую нарушать ни в какую не желал. Тамарка придет — разведет здесь активную деятельность. Командовать начнет, заботиться... Не-не-не! Не для того он сюда сбежал. На свежем воздухе, да на парном молоке, да без колготы городской Головин окреп и даже, как ему казалось, помолодел. Плечи распрямились, походка стала пружинистой. Бородку отпустил! Не без удовольствия замечал, что бабы деревенские и впрямь вслед ему оглядываются. Не соврал Мишка!

— Слышь, мать, отец-то в затвор ушел, не иначе, — намекая на его бороду, посмеивался сын Алексей во время редких домашних побывок Головина. — Удалился от суеты нашей мирской.

— Это еще посмотреть надо, в какой он там затвор ушел, — ревниво поглядывала на мужа Тамара Николаевна, отмечая про себя, что тот, действительно, стал выглядеть не в пример лучше прежнего.

— Вы и в самом деле, Игорь Иванович, на себя не похожи, — вставила свое слово и сноха. — Умиротворенный да благостный, прямо завидки берут. Тут как белка в колесе, головы поднять некогда. А вы — гляди-ка...

Головин улыбался в бороду, тетешкая на коленях младшего внука.

— Тамар, а ты в храме нашем бываешь? — поинтересовался он у жены.

— Да захожу по праздникам. Кто еще за вас, непутевых, свечку поставит?

— Как там лавка церковная работает, интересно?

— А тебе зачем? — удивилась жена. — Ты что, и правда в религию ударился? Бороду вон отпустил...

Мать с сыном переглянулись.

— Да свечей мне купить надо. Саврасиха попросила, соседка моя.

Вечером Тамара Николаевна делилась своими переживаниями с сыном:

— Ох, Алексей, беспокойно мне!

— Да чего ты волнуешься? Отец, слава богу, оклемался.

— Вот чего он там все лето делает? Один... Или не один?

— Да ты не ревнуешь ли?

— Может, и ревную! Я на него молодость положила. Все для Иго- речка! Только он да работа. Подруг за всю жизнь не нажила. А он — ишь... На старости лет свалил из дома. Да еще при этом цветет и пахнет! Не нужна, значит, стала?

— Да ладно тебе, мать. Куда он без тебя? — успокаивал ее сын. — Ты вспомни, какой он весной был — смотреть страшно. А теперь — глад- кий да румяный. Чего тебе еще надо?

Мать была вынуждена согласиться: в Растеряеве муж и правда окреп. И не только телом, но, что не менее важно, и душой. Спокойствие и уверенность сквозили во всем: в походке, взгляде, в разговоре...

«Ну и слава богу», — благоразумно решила Тамара Петровна.

* * *

За неделю до намеченной охоты Головину неожиданно позвонил бывший владелец дома. Сообщил, что собирается заехать на днях, за- брать кое-что из оставленного барахла.

«Какое барахлашко? — недоумевал Игорь Иванович. — Дома ша- ром покати. Разве что в сарайке или, может, на чердаке? Ну да пускай приезжает, не жалко».

— Только имей в виду: мы на охоту собрались в субботу. Ты когда приехать-то хотел?

Узнав про охоту, Гена загорелся, стал уговаривать взять его с собой.

— Ладно, поговорю с мужиками, — нехотя пообещал Головин.

Не нравился ему этот человек. Мутный какой-то.

Остальные тоже к просьбе Поскребыша отнеслись без энтузиазма, да отказать было как-то неудобно. Порешили: шут с ним, пускай идет.

Гена нарисовался на пороге накануне дня охоты, поздним вечером. Головин притащил из сада раскладушку — для себя, а гостю, хоть и не- званому, постелил на кровати. Поскребыш не отказался, принял как должное. Он вообще вел себя по-хозяйски. Сам поставил чайник, по- рылся в буфете. Осадить бы его, да проклятая интеллигентность мешала. И Головин поспешил отправиться на боковую.

Лежа в темноте, ворочаясь под храп Поскребыша, он пытался пред- ставить себе, как тот когда-то рос, выросл в этом доме. Делал уроки за круглым столом, помогал отцу по хозяйству, ластился к матери...

Нет, не получилось!

Поутру охотники собрались у Мишкиного дома. Вскоре на старень- ком «уазике» к воротам подкатил местный егерь — Макарыч.

— Мы что, на этой колымаге поедим? — поморщился Гена.

— Можем на твоём «крузаке», — хмыкнул Михаил.

— Все, мужики, грузимся! — Макарыч открыл багажник.

— Лиходея нет, — сообщил Мишка.

— Как обычно, — не удивился егерь.

Пока укладывали ружья, провиант и разное охотничье снаряжение, показался Лиходей. В болотных сапогах, в прорезиненном плаще химзащиты. Где только откопал? За спиной ствол. Сам довольный — рот до ушей.

— Это что за чучело? — ухмыльнулся Гена.

Мишка нехорошо зыркнул в его сторону.

— Давай, Лиходей, поторопись! А ты, Ген, — он повернулся к Поскребышу, пожевывая соломинку и с издевкой рассматривая одноклассника, — сколько козлов планируешь взять?

— Как повезет. А что?

— Да, я смотрю, вооружился ты так, будто целое стадо собрался окупить. Куда добычу складывать будем? Прицеп нужен, не иначе.

Мужики с улыбкой переглянулись. На Гене была военная разгрузка. Накладные карманы под магазины на груди и на животе угловато топорщились. Плюс к основному боекомплекту имелся еще полный подсумок патронов. На голове — бандана камуфлированная, на руках — кожаные новенькие перчатки с обрезанными пальцами. Бинобль на груди подчеркивал брутальность образа.

— А это — бинобль-то — на кой? У тебя ж «эсвэдэшка» — того... с оптикой, — искренне удивился Вова.

Ответом его Гена не удостоил.

— Ну все, мужики, двинули! — скомандовал Макарыч.

До охотничьей заимки добрались к полудню. Разгрузились — и вперед. Охота, однако, не задалась. Хорошо, хоть Макарыч подстрелил пяток глухарей. А так бы день зазря прошел.

Обратно на заимку вернулись затемно. Егерь, разведя костер, зажегся с ужином. Мужики развалились у огня. Они уже немного приняли на грудь и пребывали в самом благостном расположении духа.

— Ну как, Макарыч, долго еще ждать? Жрать охота — сил нет! — Мишка похлопал себя по впалому животу.

— Ниче. Потерпишь!

— А куда у нас Лиходей делся? — Приподнявшись на локте, Михаил беспокойно огляделся. — Где он опять шарохаётся?

— До ветру, наверное, пошел. И чего вы парня всякий раз шпыняете? — с осуждением заметил Головин.

— Так его не шпынять — он тебе всю охоту угробит! — тут же с полоборота завелся Мишка. — Ты за ним, Иваныч, присматривай. Я тебе серьезно говорю. У нас же ни одна охота не обходится без приключений. Лиходей — он и есть Лиходей! В прошлом году вот так же вчетвером — с нами мужики из соседней деревни еще были — на козлов собрались. Тоже на «уазике». Едем. Уже смеркаться начало, но мы фары не включаем — стережемся. И тут смотрим, метрах в двухстах от нас — стоят! Пять штук, как щас помню. Мы мотор заглушили — не спугнуть бы. Я «эсвэдэшку» свою расчехлил и окошко ти-и-ихо так опускаю, прицели-

ваюсь... Тут этот тип, Лиходей проклятый, за пукалку свою хватается и дверь расхлобучивает. А как дверку-то откроешь — в салоне свет загорается! Понял Вова, что спалил нас, и решил, видать, положение поправить — дверкой обратно как долбанет! На всю округу грохот. Козлы в разные стороны! А этот сидит и в окошко без интереса так смотрит — вроде не при делах он. Не, ну не вредитель, а?

Он дождался, пока мужики прохохочутся.

— А самое главное, Иваныч, у него ж двустволка! Картечью заряженная. Она ж максимум метров на шестьдесят берет. Смысла стрелять — ну никакого!

— Все равно, Миша, очень уж ты непедagogично с ним, — посмеиваясь, возразил Головин.

Тем временем из-за деревьев к костру вышел и сам Лиходей.

— Легок на помине! — улыбнулся Макарыч.

Вова что-то нес в пригоршнях. Пошатываясь, подошел к костру, склонился над котелком.

— Э-э-э! — осадил его Мишка. — Ты чего туда сыпать собрался?

— Грибочков... — Лиходей пьяно улыбался.

— Каких еще грибочков? Ну-ка, покажь! — Михаил подскочил к котелку. — Етить-колотить! Ты нас потравить вздумал?! Мужики, — нет, вы гляньте, — этот деятель нас извести решил!

— Так сыроежки же... для вкуса... — жалобно промямлил Вова.

— Для вкуса, говоришь? Бледных поганок? И ты тоже, — он зыркнул в сторону егеря, — кашевар хренов! Следи за котелком-то! Тут вишь какие околачиваются рядом? Только бдительность потеряешь, он тебе не только поганок — он тебе дусту насыплет!

— Ну-ка... — подошел Макарыч, вытянул из разлапистых Вовиных ладоней гриб. — Е-мое... — и оттащил Лиходея от костра.

— Лежали бы тут пять трупов. Капец! — не мог успокоиться Мишка. — А ты, Иваныч, говоришь... Какая тут педагогика? Тут никакой Макаренко не поможет. Вова — это ж хуже любого диверсанта. Только отвернись!

Среди ночи Головин проснулся. Тихонько, чтоб не побудить мужиков, выбрался из душевой хижины, присел на порог. Поеживаясь от ночной прохлады, он с наслаждением вдыхал сырой таежный воздух, напитанный незнакомыми, пьянящими запахами. С детским восторгом разглядывал острые, блестящие, запутавшиеся в густых ветвях кедрача звезды. Затаив дыхание, вслушивался в таинственные звуки ночной тайги.

Наконец, озябнув, он поднялся и вернулся в дом. Осторожно пробрался между спящими товарищами к лежаку. Прежде чем заснуть, долго лежал с открытыми глазами, упиваясь волнующим ощущением причастности к чему-то первородному, изначальному, коренному.

С утра, плотно позавтракав, выдвинулись. Охотники серьезно нацелились добыть козлов. Не успели встать на номера, как Головин услышал по радиии: «Мужики, на вас идут восемь штук. Ждите».

Игорь Иванович замер. Сердце в груди часто бухало. Он даже вспотел от напряжения. Вот ведь! Никогда в жизни ружья в руках не держал, а тут вдруг такой азарт охотничий его охватил. Не иначе, гены. Дед, рассказывали, знатным охотником был — на медведя с рогатиной хаживал. Эх, не промахнуться бы! И хотя Мишка инструктаж по всей форме провел, да и по банкам целую неделю за деревянной стреляли, а все ж волнительно.

Головин залег за поваленной березой, а за сосенкой, метрах в тридцати, Вова схоронился. Вскоре за деревьями мелькнули обещанные егерем козлы. Вот они, голубчики! Головин прицелился... И тут прямо перед ним из кустов выскочил заяц. Игорь Иванович и охнуть не успел, как рядом прогремело несколько выстрелов подряд. Заяц — в кусты. Козлов как ветром сдуло.

Сплюнув в сердцах, Головин подошел к стрелку.

— Промахнулся! — Лиходей сокрушенно рассматривал ружье. — Видать, это... Непристрелянное!

— Вова, — Головин старался говорить максимально спокойно, насколько, конечно, позволяла ситуация, — ты сообщение по радиации получил?

— Получал, — утвердительно кивнул Вова.

— То есть ты слышал, что козлы на нас идут? — сдерживаясь из последних сил, уточнил Игорь Иванович.

— Слышал.

— Так какого же лешего, етить-колотить, ты по зайцу палишь? — разом забыв всю педагогику, заорал Головин.

Вова виновато хлопал глазами:

— Так это... Оно ведь как?.. Больше не буду.

— Тьфу!

Головин резко развернулся и, не разбирая дороги, пошагал к мужикам. Лиходей — следом. В кармане у Игоря Ивановича запиликала радиация.

— Че так быстро отстрелялись? Взяли хоть одного? — проорал егерь.

— Ага. Взяли. Два раза. Щас Вова перезарядит и еще возьмет. Лиходей хренов! — Головин отключил радиацию.

Уже на подходе навстречу им выскочил Михаил:

— Просохатили?!

— А-а... — Игорь Иванович расстроено махнул рукой. — Вова зайцам войну объявил.

— В смысле?

— В смысле: козлы перед нами, а он по зайцу палить принялся.

Лиходей, пряча глаза, виновато переминался с ноги на ногу.

— И что ж ты за недоразумение такое? — Мишка снизу вверх смотрел на Лиходея. — И уродится же такая... — он сверлил его взглядом, — тютя.

— Миш, да я... это...

— Зима-лето! В общем, так: ружье твоё я конфисковываю. Пока ты нам тут всех козлов не распугал. Изымаю! Вплоть до возвращения домой. И выношу выговор от всего личного состава. Понял, нет?

— Да понял...

Генка все это время стоял неподалеку. Когда воспитательная беседа была закончена, он зло сплюнул:

— И на фига ты только этого урода с собой взял? Охотники, мать вашу...

Михаил замер. Затем медленно повернулся и смерил Поскребыша взглядом. Головин похолодел, впервые увидев, как у человека белеют глаза.

— Он, вообще-то, друг мой, — сквозь сжатые зубы, сильно заикаясь, процедил Мишка. — А вот ты...

Он двинулся в сторону Генки. Тот трусовато заозирался.

— Мужики, мужики... — бросился к ним Игорь Иванович, сгреб Мишку за плечи и потащил в сторону.

Того сильно потряхивало. Он долго не мог прикурить. Жадно затянувшись пару раз, похлопал Игоря Ивановича по плечу:

— Все нормально, Иваныч... Все нормально.

* * *

В деревню охотники вернулись ближе к вечеру. Разгрузились у Михаила. Там их уже дожидалась Люська. Она скоренько собрала на стол, сама же отправилась во двор ощипывать птицу.

Разлили по первой. Егерь поднял стакан:

— Ну че, мужики? За охоту!

— За нее, родимую! — подхватили остальные.

Выпив, дружно навалились на закуску.

— Было бы за что пить, — пробурчал Поскребыш с набитым ртом. — Козлов-то прохлопали.

— Да ладно... — Макарыч разлил по второй. — Нормально поохотились. Глухарь тоже добыча. И вообще... Главное же не результат, главное — процесс! Да, Вов? — Он подмигнул Лиходею.

Тот сконфузился:

— Я ж это... блин... Я ж хотел... А он... эт-т самое...

— Да расслабься, — хлопнул его по плечу Мишка. — Че мы, козлов не видали? Мы этих козлов столько брали... Скажи, Макарыч!

— А то! — согласно кивнул егерь, с аппетитом наворачивая фирменную Люськину яичницу.

— Вот и я говорю! — Михаил приобнял Лиходея. — Щас Люська птицу ощиплет, я тебе такого глухаря сварганю! М-м-м... Вот ты, Иваныч, — он повернулся к соседу, — ты знаешь, как глухаря готовят? Не-е-ет... Ты не знаешь! — Мишка уже слегка захмелел и на приятелей

глядел с теплотой. — А я тебе расскажу! Вот ежели ты его, скажем, весной взял — первым делом вымочить надо. Он же, как снег лег, всю зиму хвою жрет. И мясо у него, — Мишка поморщился, — хвоей шибко пахивает. А вот осенью — дело другое. Осенью мясо глухаря на вкус приятное, брусникой отдает. Потому как брусника у него — любимое лакомство. А уж перед тем, как готовить начнешь, — Михаил назидательно поднял указательный палец, — тушку ломтиками сала нашпиговать нужно. Это уж будь любезен! Глухарь не гусь, своего жира в лесу не нагуливает. Мясо сухое. А как он, голубчик, в духовке окажется — тут, самое главное, соком не забывай поливать. Ну и готовить часа три, не меньше. Так что, други моя, не расходимся! Будете потом всем рассказывать, какого вам Мишка Жданов глухаря заделал! — И он довольно оглядел товарищей.

— Хорошо тут у вас, мужики, — улыбнулся Головин. — Я ж городской. Сколько я раз в лесу-то бывал? По пальцам пересчитать. Да и то в детстве: по ягоды да по грибы иногда с родителями выбирались. А жизнь деревенскую разве что в кино видел. И только сейчас, на старости лет, понял, какая тут благодать!..

— Ага. Благодать... Лето вот закончится — ты в город вернешься, к теплому сортиру и непыльной работе, — ухмыльнулся Гена. — А скажи тебе здесь остаться насовсем, тогда как? Так-то хорошо про благодать рассуждать.

Головин растерялся от подобного тона.

— А тебе, Ген, как в городе живется? Не скучаешь по родным местам? — попытался сгладить ситуацию Макарыч.

— А по чему скучать? По дыре по этой? В городе у меня квартира четырехкомнатная, дачу в прошлом году достроил двухэтажную. И вообще... Удивляюсь я на вас! Живете здесь как жуки навозные.

Мужики переглянулись. Очень уж неожиданно, ни с того ни с сего, поменялось настроение за столом.

— А как же ты сам до семнадцати годов тут прожил? — усмехнулся Макарыч.

— Слава богу, хватило ума вовремя свинтить. Я вообще думаю: валить надо из страны этой. Как тут жить можно?

— А мы это... ниче вроде... живем, — расплылся в улыбке Вова. — Иванычу вон тоже нравится. Ага. Все лето здесь с нами...

— Знаешь, Гена, говорят, где родился — там и пригодился. Родина как-никак, — начал Головин примирительно.

— Да ладно, родина... — отмахнулся Генка. — Где тебе хорошо, там и родина, я так считаю. Вот у меня сват в Германии. Так у него пособие по безработице — как у тебя зарплата за полгода. Дом двухэтажный, машина... А ты говоришь: «Родина!» И вообще... Там же Европа! Вот тебе что она, твоя родина, дала? — Он повернулся к Михаилу. — У тебя пенсия по инвалидности какая?

— Мне хватает, — глухо ответил тот.

— Да ладно! Хватает... — ухмыльнулся Генка. — Тебе государство, которое само же тебя в Чечню и отправило, копейки за подвиг твой ге-

ройский платит. За то, что ты на всю жизнь инвалидом остался. За то, что баба от тебя, от такого, ушла. А в Америке тебе бы такой пенсион на всю жизнь...

— А я не за государство. Я за Родину воевал. За пацанов своих, что там остались. За русских людей, которых там бросили, а «духи» их резали, как баранов, — сквозь зубы процедил Мишка.

Тут не выдержал Макарыч:

— А что ж ты сам, Геннадий, в Германию не поедешь? К свату своему? Валил бы себе.

— И поеду. В этой стране все равно ловить нечего. — Гена вальяжно откинулся на спинку стула. — Он давно меня звал.

— Я вот не пойму никак, — покачал головой егерь. — Че уж так-то пресмыкаться? А, Ген? У тебя же дед с ними воевал, до Берлина дошел... И не запахло тебе? — Он не отрываясь смотрел на Поскребыша. — А могилы родительские? Не жалко оставлять?

— Ты мне еще про патриотизм расскажи! Родители... Родители сами судьбу свою выбрали. Матери предлагали после института в Москве остаться. Так нет! За отцом в Сибирь, в деревню, потащила. Декабристка нашлась... И тот тоже! Ну ладно, по распределению сюда загремел. А после-то? Кто здесь держал? Народник, блин... Были бы помнее, так я, может, сейчас бы уже ого-го где был! — Генка закатил глаза к потолку. — А дед... Дед мой тоже не лучше... У него отца раскулачили, а он за них — вот как наш Мишка — грудь пулям подставлял.

— Миша — он... это... он герой, так-то... Да! — закусился Вова. — А ты от армии косил, блин...

В комнате повисла тягостная тишина. Михаил глядел на Поскребыша исподлобья, нехорошо прищурившись.

— Да ладно... Ты, Миш, не обижайся, — снисходительно проговорил тот, — но ты в самом деле малахольный какой-то. Тебе побрякушку на грудь повесили, а ты и рад. Лучше бы ты...

Поскребыш не договорил. Мишка стремительно метнулся в его сторону, перегнувшись через стол. В руке его была вилка. Если бы сидевший рядом Макарыч не успел его толкнуть, дальше бы Гена вещал без глаза.

— С-сука-а-а! — Михаил бился на полу, вырываясь из рук егеря и Головина. — Сука продажная! Да ты же и мать родную продал... И деда своего продал... Ты же... Ты же... Вражина!

Ошалевшие от неожиданности мужики с трудом удерживали тщедушного Мишку. Наконец тот затих:

— Да отпустите вы меня. Не трону я гниду эту.

Он сел на полу, обхватив голову руками. Мужики молча стояли рядом.

— Шел бы ты отсюда подобра-поздорову, мил человек. — Макарыч легко приподнял тучного Гену за шкварник. И подтолкнул его к выходу так, что тот головой вынес дверь.

— Надо выпить, — заключил егерь, закрыв за Поскребышем и ополоснув руки под рукомойником.

Сев за стол, молча выпили.

— Миш, а ты это... расскажи... ну, как орден получил, — попросил Вова. — Ты ж это... не рассказывал никогда.

— Да ну, — отмахнулся тот, закуривая.

— Ну правда, Миш, расскажи, — поддержал Лиходея Головин.

— Не тушуйся, Михаил. — Макарыч разлил еще по одной. — Про такое не стыдно рассказывать. Про такое люди знать должны.

Мишка неторопливо пару раз затянулся и притушил окурочок о торец покоянного стола. Мужики молча ждали.

— Наша часть тогда под Бамутом стояла, — начал он. — Развед-группа приказ получила: район прочесать. Шли всю ночь. Четырнадцать бойцов. На рассвете в ущелье спустились. Идем вдоль ручья. Туман — ни черта не видно! Тут мы и напоролись на них. Командира и еще четверых сразу положили. Мы за автоматы. «Духи» вроде назад оттянулись. Они ж тоже не видят ни шиша, в тумане-то. Откуда им знать, сколько нас? Мы по ущелью рассыпались, окапываемся под огнем. Я с пулемета откусываюсь, не даю подойти. Полчаса с начала боя прошло, не больше — огляделся, а кроме меня на ногах никого. Пацаны, кто еще живой, все раненые. Все тяжелые. Ну, думаю, кирдык нам. Вот и все, Мишаня, отгулял ты свое. А «духи»: «Сдавайся, русский свинья!» И такая тут меня злость взяла! Хрена вам, думаю. Своих, кто в живых остался, стащил всех вместе. Залегли за валунами. А «духи» садят из подствольников — крошево от камней в разные стороны! Пацаны перетянулись, перебинтовались как могли. Я отстреливаюсь, а они — кто ленты заряжает, кто мне передает. Ствол греется. Второй пулеметчик-то сразу погиб. Так я от одного пулемета к другому... И тут слышу, Леха, кореш мой, орет дурниной: «Миха, сюда! Миха, ранили меня!» Куда — «сюда»? В тумане не видно ни хрена. Где его искать? И я ж понимаю: убьют меня — всем хана. «Духи» лупят со всех сторон, отстреливаться не успеваю. А тот блажит... Я ему: «Не могу! Давай сам — на голос!»

Мишка помолчал. Мужики не торопили.

— Как он дополз, не знаю. В окоп перевалился. Вместо лица — мезиво. Я его перемотал, промедол вкатил. Он как в себя пришел, тоже давай помогать. Ленту заправляет — глаза стеклянные, того и гляди отключится. Сам тоже чую: бежит по пузу, тельник кровью пропитался уже весь. Понять не могу: куда меня? Не чувствую ничего. И тут вдруг затихли «духи». Слышу: «Пацаны... Свои... Не стреляйте...» Ага, думаю, щас! Мы тогда уже знали, что там у них и наши были, и хохлы... Всякой, в общем, сволочи хватало. «Как, — ору, — командира части зовут?» Тишина. Я — по ним! А у самого уже в глазах двоится. Думаю, перебинтоваться надо. К Лехе обернулся, а над ним «дух» стоит. Видать, в тумане как-то пробрался незаметно. Я его очередь пулеметной срезал, но он все-таки успел — зацепил Леху, плечо ему прошил.

Короче, когда наши подошли, я почти в отключке был. Сразу не поверил, что свои. Продолжал отстреливаться, пока паренек один не побоялся под пулеметом ко мне в окоп пробраться. Ну, а после я уже не

помню ничего. В госпитале мне потом сказали, что отряд, с которым мы хлестались, триста голов насчитывал, а бой четыре часа шел. И что к званию Героя России меня представили. Правда, со званием пролет вышел.

— Как это? Почему? — удивился Головин.

— Так завернули штабные меня, — усмехнулся Мишка. — Должно быть, решили — не достоин. Хватит с меня и ордена Мужества.

— А в госпитале долго лежал?

— Долго. Сначала вроде ничего, подлатали. А через какое-то время нога сохнуть стала. Сказали, операцию сложную надо делать. Дорогую. Квоты, мол, на десять лет вперед все расписаны. Так мне мужики всей частью деньги собирали. Только благодаря им и хожу. Вот такие дела.

Закончив рассказ, Михаил похлопал себя по карманам, достал сигареты. Головин смотрел на него и пытался представить: как этот парень, с виду совсем не супермен, а в то время и вовсе пацан, против трехсот головорезов выстоял?

...Когда Люська вернулась в избу с оципантыми глухарями в руках, изрядно захмелевшие мужики негромко пели:

— Служил я не за звания и не за ордена,
Не по душе мне звездочки по блату...

* * *

Перед отъездом Головин зашел к Саврасихе. Попрощаться.

— Ну что, Анна Григорьевна, отбываю я к месту постоянной приписки, — отрапортовал он.

— Да и то, загостился ты, Игорь Иванович! Семья-то уж заждалась, небось?

— Ну да... Соскучились, говорят.

— Да от-тож... Удивляюсь я жинке твоей. Мужик цельное лето шаблдается незнамо где, а ей и дела нет. Не показалась ни разу.

— Да это я запретил.

— А что так? Или плохо живете?

— Нормально живем. Просто одному побыть захотелось.

— Ишь ты... — Саврасиха пожамкала губами. — И детки есть?

— И детки есть, и внуки.

— Ишь ты! — опять подивилась Саврасиха. — Чудно живете, молодые. Был бы мой Николай Михалыч жив, рази ж я от него куда делась?

— Хорошо жили?

— Душа в душу. — Саврасиха промокнула кончиком платка уголки глаз. — Только вот ребятишек Господь не дал. Застудилась я да надорвалась... В лагере. На лесоповале. Я ведь зэчка. Слышал, поди?

— Разное люди говорят, — смутился Головин.

— Ну да... — Она опять утерла глаза. — Чужой рот не свои ворота, не затворишь.

— А за что сидели, Анна Григорьевна? — не удержался он.

— Так убивица я.

Головин опешил. Что угодно ожидал он услышать, только не такое.

— Вижу, не веришь?

Он замялся.

— Да ты не пужайся, — печально улыбнулась Саврасиха. — Я девчонкой тогда совсем была, только школу закончила. В техникум поступать собиралась. Мы с мамкой в Свердловске жили. Папку мово на фронте убило. Война только зачалась, а мы уж в августе похоронку получили. Мамка по первости убивалась. А потом... Сама-то она на заводе работала. Ну и сошлась там с этим контуженым... Это уж после войны. — Она вздохнула. — Пил он. А как напьется — гонял нас. У соседей, бывало, переночуем, поутру домой вертаемся, а он и не помнит ничего. А в тот раз я с танцев пришла, за полночь уже. На крыльцо поднялась, глядь — дверь расхлобучена, а в дому тёмно. Я поначалу-то не поняла ничего. Слышу только, возня на кухне и хрипит кто-то. Страшно так, со свистом. Я свет зажгла, а там...

Саврасиха вдруг жалобно, по-детски заплакала. Игорь Иванович смотрел на нее потрясенно.

— Гляжу, — продолжила она, — мамка на полу лежит, в крови вся, а он ее сапожищами по голове... Дальше и не помню, как и что. Опамывалась, смотрю — а у меня топор в руке. Откуда взялся? И этот... рядом с мамкой, на полу... В общем, дали мне десять лет — фронтовика убила! Сначала в лагере, потом на поселении. Там и встретила Николая Михалыча мово. Как освободились, решили на новом месте жизнь начинать. — Она опять всхлинула. — Мамка моя к тому времени померла. У Николая тоже никого родных...

Саврасиха замолчала, с умилением глядя на портрет мужа, что висел на стене. Очнувшись, добавила:

— А жили с ним, слава богу, хорошо... Хорошо жили. Грех жаловаться.

— И давно он умер, Анна Григорьевна?

— Почитай, сорок годков одна.

— Надо же... И не пожил совсем. Болел чем?

— Не-е... Не болел. На мотоцикле как-то вечером ехал по полю, на кочку наскочил — да головой о камень. Поутру нашли. Вот и кукою с тех пор одна. А ты говоришь, одному побыть... — Старуха вновь задержалась взглядом на портрете мужа. — Он же всю войну прошел, Николай Михалыч мой. В плену побывал. Бежал... Первый раз, как споймали, — собаками рвали. Расстрелять хотели. А после войны попустил Господь у своих в лагерь угодить.

— За что его?

— У них в автопарке поганец один бензин сливал, налево приторговывал. Так Коля мой и прижучил его. Силушку только вот не рассчитал — покалечил маненько. А у того сродственник важной шишкой

оказался. Крыса тыловая! Вот так мы и встрелились с ним, с Николай Михалычем моим, в лагере-то.

Игорь Иванович глядел на соседку новыми глазами.

— Надо же, — покачал головой он. — Всю войну пройти и так обидно погибнуть!

— Так смерть, милоч, не выбирают. Она дорогу всяко сыщет.

— Да-а... Ну, пойду я, — засобирался Головин.

— погоди. Травок тебе соберу с собой.

— Да не надо, Анна Григорьевна...

— А ты не перечь! Не перечь... Зимой прижмет — вспомнишь тогда бабку Саврасиху. Тебе, с сердцем твоим, каждый день эту травку пить надо. Скажешь своей, чтоб заваривала...

Она тяжело поднялась и, охая, хватаясь за поясницу, поковыляла в кладовку. Головин смотрел ей вслед и думал: как же страшно, как трагично складывается порой судьба человеческая. За что такие испытания молодой, жизни еще не видевшей девчонке? Мужу ее, всю войну прошедшему, а в лагерь попавшему из-за какого-то паразита? А Мишке? За какие такие грехи? И как же стыдно за себя, за свое бесконечное нытье...

«Прости меня, Господи!» — подумал Игорь Иванович и неожиданно для себя перекрестился на освещенную лампадой икону в красном углу.

До станции Головина провожали Мишка с Вовой Лиходеем. Стоя на перроне и глядя на них, он с удивлением отметил про себя, как же дороги, как близки стали они ему за это короткое лето. Казалось бы, что общего между городским интеллигентом в третьем поколении и этими простыми деревенскими ребятами? А вот ведь! «Сроднились», — думал он, прощаясь и крепко обнимая их напоследок.

* * *

Вновь в Растеряево Головин приехал на зимних каникулах. Новый год встретил с семьей, как положено. Долг исполнил — и ходу. Тамарка, как всегда, разобиделась, а потом рукой махнула: нашел, дескать, дурак игрушку. Езжай уж, что с тебя взять. И сама к сестре гостить отправилась.

Мишку Головин увидел, как только свернул в свой проулок. Тот стоял посреди улицы и, отчаянно жестикулируя, о чем-то переругивался через забор с Саврасихой.

— Здравствуйте, Анна Григорьевна! Как жизнь, Михаил? — Головин широко улыбнулся. Он сам не ожидал, что так обрадуется встрече.

— О! Иваныч! — Мишка, раскинув руки, похромал к нему, разом забыв про соседку. — Я как знал! Зайца вчера подстрелил. Прикинь, прям в огород ко мне заскочил. Ты рагу из зайчатины пробовал когда? То-то! Не пробовал. Заходи вечерком. Я щас на ферму метнусь — бабы просили проводку починить. Электрик-то наш все Новый год празднует, в дело негод!

— А ты, смотрю, ничего? Сухой как лист! — похвалил Игорь Иванович.

— А то! Нет, ну мы, само собой, с мужиками отметили праздник. Но культурно! Чисто по ностальгии, по тихой грусти...

Михаил был, как всегда, энергичен, рот до ушей, а под глазом у него сиял огромный фингал.

— По тихой грусти, говоришь? — усмехнулся Головин, кивая на синяк.

— Да это Люська, зараза. Приголубила.

— Неслабо она тебя приголубила, — посочувствовал Игорь Иванович, разглядывая Мишкин заплаканный глаз. — Это за что ж тебе такая немилость выпала?

— Да темная баба! Дура, одним словом. Никакого понятия о научно-техническом прогрессе! Ко мне Леха, кореш мой армейский, приезжал недавно. Телефон свой старый подарил. Гляди, какой! — Он вытянул из кармана обшарпанный, с треснувшим экраном «самсунг». — Вишь? Ну вот. У меня-то старый был кнопочный и не фурычил уже ни шиша, а тут сенсорный экран, все дела. Интернет, само собой. А еще, гляди, мне Леха показал, здесь штука есть такая — «Алиса» называется. Ты ее спрашиваешь, а она тебе на любой вопрос отвечает. Прикинь!

— Да знаю я, — улыбнулся Головин.

— Не, ты смотри! Алиса, когда в наш магазин водку привезут?

— Ой, даже не хочу об этом говорить, — промурлыкал в телефоне девичий голос.

Мишка довольно захохотал.

— Ты, Миш, как ребенок, честное слово, — покачал головой Игорь Иванович. — С этой Алисой, поди, и дела все забросил?

— Дела у меня днем. А вечером куда деться — зимой-то? Сидишь один, как сыч. Словом переброситься не с кем. А тут — пожалуйста...

— Я так и не понял, какая связь между Алисой и фингалом у тебя под глазом?

— Да че там понимать! Я ж тебе толкую! Пришел я к Люське Печенкиной — похвастаться. Мы же с ней поддруживаем иногда. Когда она в настроении. Баба-то одинокая, сам понимаешь. Ну вот... Смотри, говори ей, какая у меня любовница есть. Спрашиваю у Алисы: «Любишь меня?» А она: «Люблю». Я ж для смеху! А эта дура приревновала! Нет, ты прикинь — к телефону ревновать? Ну и засветила мне, со всей своей рабоче-крестьянской любовью, промеж глаз! Етить-колотить! — Михаил с обидой рубанул воздух рукой. — Хожу теперь по деревне вечером, дорожки освещаю фонарем своим.

— Ох, Михаил, добром ты не кончишь. Тебе бы жениться. Чем тебе та же Люська плоха?

— Да ты че, Иваныч, на кой черт я ей сдался? Ты ведь Люську знаешь. Это ж танк, а не баба! Самоходная, блин, установка! Она картошку копает — от нее пар валит. А дрова ты видел как она колет? Она ж полено с одного раза — хрясь! — и в лоскуты. А от меня в хозяйстве проку,

как от козла молока. Култышкой своей вон ковыряю потихоньку... Не-е! Не готов я ущемлять свое мужское самолюбие. Не дождется.

— Так сопешься же один!

— Не бойсь. Я свою норму знаю. Ладно, покедова! — Мишка хлопнул Игоря Ивановича по плечу. — Я на ферму. А вечером жду. На дичь!

* * *

Вечером за столом, разговорившись под дичь и привезенный Головиным коньячок, Мишка доложил, что в Растеряеве все по-старому. Саврасиха жива-здоровая. Че ей, старой кочерыжке, делается? Митька Люськин четверть на отлично закончил.

— Вот ведь головастый пацан! — восхищался Михаил. — Я-то обормотом был в школе.

В общем, все идет своим чередом. А вот на ферме беда. Флянтиков зарплату три месяца не платит, половина баб поувольнялись. С такими делами и последние разбегутся. Кто за скотиной смотреть будет? А тут еще слухи пошли, что на Флянтикова налоговая наехала. Так он затихарился где-то, на ферме не показывается. Не сегодня завтра корма закончатся, а ему — етить-колотить! — и дела нет. Хозяин, называется...

— Ты-то как? — Игорь Иванович с улыбкой смотрел на разошедшегося соседа.

— Да че мне делается?

— Не тоскливо зимой одному?

— А мне когда тосковать-то? — удивился Мишка. — Бабы поразбежались, так я на ферме с утра до вечера. Веришь, нет — с доильным аппаратом наловчился управляться. Дальше так пойдет — я почетным доряром сделаюсь. Вечерами вот только... Сижу как неприкаянный, в ящик этот проклятый пялюсь да с Алиской вон разговоры разговариваю...

У Головина сердце сжалось, когда он представил, как Мишка вечерами беседует с телефоном. Один. В пустой избе.

— А как насчет этого? — Игорь Иванович кивнул на бутылку.

— Иваныч, ты что?! Я ж обещал! На Новый год... и то чисто символически. По тихой грусти. Чес-с-слово!

— Мужик!

— Ну так!

У кровати на полу Головин заметил стопку книг. На корешке одной из них разглядел: «Судьбы России».

— Читаешь?

— Да лучше бы не читал. Расстройство одно. Вот скажи мне, Иваныч... Как так получается? Возьми хоть ту же Германию. Ни нефти у нее, ни газа. На карте и то хрен разглядишь! Но старики у них на свою пенсию по всему миру путешествуют. А наши? Куда наша Саврасиха может путешествовать, кроме как до сортира в огороде и обратно? Или вот ты. Всю жизнь в школе горбатился, детей разумному, доброму, вечному учил. И много ты заработал? Че ты себе, окромя больного сердца и давления,

нажил? Может, ты в отпуск на море едешь? Или в санаторий? Ведь гад этот, Генка, Поскребыш который, — он же, ежели по совести сказать, прав! Это что у нас за государство такое, если ты на свою учительскую зарплату, окромя еды и штанов, ничего купить не можешь? Митька после школы в университет хочет поступать. Люська узнавала: три бюджетных места, а платно — сто двадцать тыщ в год. Где Люська тебе сто двадцать тыщ возьмет? У нее зарплата — восемь. А пацан башковитый. Все олимпиады по математике выигрывает в области.

— Так-то оно так, Миша. — Игорь Иванович невесело усмехнулся. — Самому тошно на все на это смотреть. А что делать? До неба высоко, до власти далеко.

— Так гнать такую власть надо! Поганой метлой!

— Я тебе, Миш, как учитель истории скажу: у нас всякий раз, как народ власть скидывал, страна кровью умывалась.

— И что ж? Молчать теперь в тряпочку?

— Не знаю, Миша, не знаю. — Головин вздохнул. — Нет у меня для тебя ответа. — И тут же, улыбнувшись, добавил: — А ведь ты Поскребыша за такие же разговоры чуть глаза не лишил. А?

— Я его не за это. Я за то, что ему на родину свою глубоко плевать, — возразил Мишка. — Поскребышу без разницы, какая власть! Он при любой власти свою страну хаять будет. Генка же всегда землю эту презирал. И людей, что на ней живут и пашут ее. И родителей своих — за то, что не гнались за длинным рублем, а всю жизнь здесь, в родной деревне, детишек учили. Не могу я тебе всего этого, Иваныч, объяснить! Не умею.

— Да понятно, Миш. Все так. Таких Поскребышей хоть золотом осып, все равно дерьмом плевать будут.

Михаил поднял рюмку. Замер.

— Знаешь, Иваныч, мне в последнее время сон один и тот же снится.

— Что за сон?

— Мне лет десять, наверное, было. — Мишка поставил рюмку на стол. — Поехали мы с родителями на море, в Гурзуф. Батин сослуживец армейский в гости позвал. А там — красотища! Пляж, море, солнце. Фрукты — ешь не хочу! Я из воды целыми днями не вылезал. После нашей-то лужи! Со скал нырял. Мамка ругалась! А тут как-то раз с батей решили с лодки порыбачить. Там рядом станция лодочная была. отошли от берега недалеко, якоря бросили, рыбачим. Вода прозрачная-прозрачная — дно видать. Просидели уж не помню сколько — не клюет. Батя скупнуться решил, нырнул и погреб к берегу. А я в лодке остался. Он порядком уж отплыл, когда, гляжу, теплоход прогулочный из-за мыса вырывает. Музыка, отдыхающие на палубе... И, ты понимаешь, прямо на меня прет! Уже расстояние между нами всего ничего, метров двадцать. То ли капитан пьяный был... Вода бурлит под винтами, буруны белые накатывают, меня качает... И тут лодку с якоря сорвало! Я испугался, в воду сиганул и к отцу погреб. Он мне машет: мол, назад плыви, к лодке. Я назад — а лодки-то и нет: ее далеко в сторону откинуло. И тут чую:

к теплоходу меня тянет, вот он, борт! Помню, вдоль борта того, у самой воды, приступочек. На нем матрос: одной рукой за веревку держится, другой — до меня пытается дотянуться. «Руку, — машет мне, — руку давай!» Кто-то круг спасательный кинул, но его отнесло сразу. Отец видит это все, кричит мне что-то. А меня вдоль борта тащит. Борт скользкий. Я по нему ногтями царапаю, зацепиться хочу — и чувствую: меня под корму затягивает. Хана, думаю. Внутри все заглодело. Распластался я на воде, чтобы ноги винтом не отрубило. Как сообразил только? Тут меня под корму затащило — и в сторону отбросило. Далеко, к лодке как раз. Я — в нее. Тут батя подгрел, белый весь, губы трясутся. За лодку зацепился, а залезть не может. Я его тащу... — Голос у Михаила пресекался, он ненадолго замолчал. — Кое-как батя через борт в лодку перевалился, из последних уже сил. Он ведь тогда подумал, что конец мне. Представляешь, Иваныч: твой ребенок у тебя на глазах погибает, а ты сделать ничего не можешь!..

Мишка встал, прошелся по комнате. Остановился у окна.

— И вот снится мне уж какую ночь, что опять вдоль того борта меня тащит. Только на теплоходе уже нет никого. Ни души. И некому мне помочь. И тянет меня под корму — под винты! — как тогда. С такой силой тянет, что не спастись. И гул стоит от махины этой железной жуткий! А сквозь гул этот крик отца слышу. Зовет меня.

Михаил замолчал, сосредоточенно вглядываясь в холодную мглу за окном. Достал из кармана сигареты, приоткрыл форточку. В комнату потянуло колючей уличной стужей.

Через пару дней Головин был вынужден отправиться домой: сердце опять поприжало. Михаил с беспокойством поглядывал на друга. В конце концов не выдержал:

— Давай-ка, Иваныч, до дому. А? Там, в городе, жена, врачи под боком. А тут тебя прихватит — мы чего делать-то будем? Давай, брат, давай... от греха подальше.

— Я, Миш, этих каникул знаешь как ждал? Дни считал! Думал, мы с тобой в лес выберемся, на зайцев поохотимся...

— Обязательно поохотимся! На выходные приедешь, как поправишься, и поохотимся. А летом мы с тобой на кабана пойдем! И Лиходея возьмем. У них все равно на лесопилке нынче сплошь простои. Один фиг — без дела мается. А тут, слышь, — Мишка хлопнул себя по коленке, — заявил мне недавно: в город, говорит, поеду. В охранники подамся. Наши мужики, мол, с лесопилки собрались, а я чем хуже? Работа не бей лежачего: сутки работаешь, двое отдыхаешь. Так я ему живо хвоста накрутил! Какие, на хрен, охранники? Какой город? Он же, Иваныч, хуже ребенка. Ей-богу! Любая сволочь его облапошит. Да еще в блудняк какой-нибудь втравят. Охранник, блин... Так он, слышь, обиделся! Дня три пыхтел, не разговаривал.

— Ты, Миш, помягче бы с ним, — улыбнулся Головин.

— Да я что? Я ж для его пользы. Он уже в прошлом году чуть не вляпался в историю. Объявились тогда у нас доброхоты в деревне, убол-

тали его в соседнюю область поехать лес валить. «Черные лесорубы» — слышал? И наш, значит, с ними собрался. Так я его в баньку к Саврасихе заманил, вроде как печь истопить, а сам дверь лопатой подпер, пока вербовщики эти с деревни не свинтили. Он же лось здоровый, я разве с ним справлюсь? — Мишка рассмеялся. — А так бы щас в местах не столь отдаленных лесорубил. Этих-то красавцев накрыли потом, ага. И нынче Лиходей наш без работы совсем захандрил. Забегал тут к нему на днях — квасит. По тихой грусти...

— Миш, ты сам-то тоже, смотри...

— Чего?

— Ну... спиртным не шибко увлекайся.

— О-о-о! Опять... Я ж обещал! — Мишка приобнял соседа. — Не журись, Иваныч. Болей себе на здоровье, а об нас не беспокойся. Все путем будет!

На следующий день Михаил проводил Головина до станции. На прощание крепко обнялись.

— Ты, брат, держи оборону, — пошутил Игорь Иванович. — Не поддавайся буржуйам недорезанным.

— Ты про Флянтикова, что ли? А я на него жалобу в Гринпис нака- таю, чтоб над животиной не издевался. Мы-то потерпим. А вот скотину жалко. Ладно, Иваныч, прощевай!

Головин зашел в вагон. Электричка тронулась. Он выглянул в окно: Мишка одиноко стоял на перроне. Рука его, с зажатой в кулаке шапкой, была поднята в прощальном взмахе. Сердце Игоря Ивановича тоскливо защемило.

* * *

Перед самыми весенними каникулами у Головина опять прихвати- ло сердце. Довел он таки себя на работе. Доконал. Как ни зарекался не высовываться и беречь нервы — не удержался. С педсовета на скорой и увезли.

Две недели под капельницей на больничной койке провалялся. А как только малость отпустило, запросился на выписку. Лечащий врач и слу- шать не хотел, все инфарктом страдал. Договорились, что Головин дома отлежится, амбулаторно долечится. Дома, как известно, и стены помога- ют. А тут от одного запаха больничного, да на соседей болезных глядячи, захиреешь. Одним словом, уломал доктора.

Однако пациентом Игорь Иванович оказался несознательным: как выписался — сразу в Растеряево засобирался. Тамарка в слезы, ведь толь- ко-только оклемался! Но Головин одернул причитающую жену: не голоси, дескать, как по покойнику, мне там на свежем воздухе сразу полегчает.

Подъезжая к знакомой станции, Головин почувствовал, что ему и впрямь как будто стало лучше. Щурясь на яркое солнышко за окном элек- трички, он представлял, как, добравшись до дома, растопит печь, обогреет промерзшую за зиму избу, заварит себе чаю с мятой и смородиновым ли-

стом и станет просто пить чай, слушая, как гудит огонь в печи. А вечером пойдет в гости к Мишке. Будут они, сидя за столом, вести неторопливый мужской разговор. Выпьют Люськиной самогонки — так, чуток. Для задушевности беседы. «Чисто по ностальгии, — улыбнулся Игорь Иванович, — по тихой грусти...»

Пока он добирался от станции до деревни по узкой, протоптанной сельчанами тропинке, весь взмок. Солнце припекало. Слежавшийся снег вокруг покрылся ледяной коркой и перламутрово переливался под ласковыми весенними лучами. А над головой раздавался радостный щебет на-терпевшихся за зиму птах.

Головин с трудом отворил калитку. Пробрался по осевшему снегу к дому, постоял, облокотившись о перила крыльца. Отдышался, сходил в сарай за лопатой и — потихоньку, с передыхами — стал расчищать тропинку от крыльца к калитке. Время от времени он поглядывал на соседский дом. Странно... Запил Мишка, что ли? Двор заметён, крыльцо снегом завалено. Уехал куда?

Он уже заканчивал с расчисткой, когда подошла Люська:

— Здравствуйте, Игорь Иванович.

— Здравствуй, Людмила.

— Давненько не показывались. Все на работе? Заняты, поди, с ох-ламонами вашими, забыли нас совсем? Думала, на весенних каникулах приедете...

— Да я, Люда, приболел. На днях только из больницы выписался.

— Ну да, ну да... — Она отвела глаза.

— А у вас как дела? Что-то Михаила не видать. Снег во дворе, гляжу, не убран... Загулял, что ли?

Люська всхлинула.

— Ты чего, Люд? — Игорь Иванович с тревогой посмотрел на соседку, только сейчас обратив внимание на ее черный платок.

— Нету больше нашего Миши. Помер. В прошлую пятницу схоронили.

Головин, огушенный страшным известием, долго молчал. Наконец, придя в себя, с трудом выдавил:

— Как же так?

— Затосковал он в последнее время. Как ферму закрыли, так и затосковал. Мужик без работы — сам знаешь... Телевизор целыми днями смотрел, про политику все. Да Трофима слушал, «Аты-баты» свои... Не разговаривал ни с кем. Сидел и пил. А он же до этого три месяца — ни грамма. Я, говорит, Иванычу обещал. А тут Вова, паразит, какую-то отраву притащил. Лиходей проклятый! У самого ноги отнялись, еле от-качали. А Миша...

Игорь Иванович обессиленно опустился на скамейку у ограды:

— Так что же вы молчали? Почему не позвонили?!

— Миша не велел. Он ведь не сразу умер. В больнице еще сутки жил. Я с ним до конца была. — Люся опять всхлинула. — Так он строго-настрого наказал не звонить тебе, не тревожить.

— Да почему?!

— У Иваныча, говорит, сердце больное. Ему волноваться нельзя. Беспокоился.

Головин зачерпнул снега, отер лицо.

— Надо было позвонить. Надо было...

Люська осторожно присела рядом.

— Ты не думай, Игорь Иванович, мы Мишу по-людски похоронили, как положено. — Она вроде как оправдывалась. — Церкви-то у нас, сам знаешь, нет, так Саврасиха всю ночь над ним Псалтырь читала. Подкосила ее Мишина смерть, — Люська сокрушенно покачала головой. — Они ж если когда и ругались, так это так... шутейно. Любила она его. Своих-то детей Бог не дал, так она его точно сына родного... А как схоронили Мишу — совсем сдала, старая. Забегаю к ней после работы, приглядываю. Миши нет, вот и некому.

— А Вова? Вова как?

— Лиходей-то? Вот уж с кем натерпелась! Он ведь как узнал, что Миша помер от отравы его, так мы думали, умом тронется. Уж как кричал да бился! Сестра его боялась одного дома оставлять: как бы чего не сделал над собой. Осиротел он без Миши. Че уж говорить? Осиротел. За ним ведь, как за дитем неразумным, догляд нужен. Они ж с Мишей были как ниточка с иголкой. Каково Вовке теперь без него?

Головин достал из кармана пузырек, закинул под язык таблетку.

— Люд, а у тебя ключи есть от Мишиного дома?

— Зачем тебе?

— На память хочу что-нибудь взять. Можно?

— С собой у меня ключи, Игорь Иванович, — почему-то обрадовалась Люська.

Пробравшись к крыльцу по серому ноздреватому снегу, они обнаружили, что замок сорван. В доме кто-то основательно похозяйничал. Люська первым делом сунулась к ящичку с документами. Орденская книжка лежала в стопке бумаг. Сам орден пропал.

— Сволота! — выругался Головин.

— Это не наши! — дернула головой Люська. — Наши не могли. Залетные, видать.

В доме было пусто, холодно и неприятно. Кое-что из вещей, как водится, разобрали на память деревенские. На столе Головин заметил дембельский альбом. Смахнув пыль, раскрыл. С фотографии на него смотрел непривычно серьезный, совсем еще юный Мишка. В новенькой форме, с автоматом на груди, рядом знамя части. Фотография с присяги.

— Я возьму, Люсь?.. — спросил он осипшим голосом.

— Бери, Игорь Иваныч, бери.

Он последний раз окинул взглядом холостяцкое жилье своего товарища. Задержавшись в дверях, погладил дверной косяк — попрощался.

Вышли во двор.

— Айда, Игорь Иванович, ко мне, — предложила Люська. — Помянем Мишу. Да и ночевать у меня оставайся. Чего ты один в нетопленной

избе будешь? — Она с беспокойством поглядывала на бледного, осунувшегося соседа. — Гляжу, лихостит* тебя?

— Пойдем. Помянем. Только сначала на кладбище сходим. А ночевать не останусь. Домой поеду.

* * *

Как Люська ни уговаривала, ночевать Головин так и не остался. Отправился домой на последней электричке. Людмила велела сыну его проводить: очень уж неважно Игорь Иванович выглядел.

До станции шли молча. Митька простуженно шмыгал носом. Подошли вовремя: вдалеке как раз показались огни электропоезда.

Головин протянул руку:

— Ну что, Митя? Прощай. Слушайся мать. Ей, сам знаешь, нелегко. Один ты у нее теперь.

— До свидания, Игорь Иванович.

Митька по-мужски крепко тряхнул его руку в ответ.

— Как поступать соберешься — звони. Чем смогу — помогу. Телефон мой у мамы есть.

— Спасибо, — смущенно ответил Митька.

— Ну, бывай.

Головин взялся за поручни. Пройдя в вагон и сев у окна, взгляделся в темное стекло. На пустом перроне одиноко маячила щуплая фигурка. Митька не уходил. В тусклом фонарном свете было видно, как он зябко ежился и поджимал ноги в худых ботинках. Вот так же совсем еще недавно Головина провожал Михаил. Электричка тронулась. Митька, сделав несколько шагов, вдруг сдернул с себя шапку и, сжав ее в кулаке, вскинул над головой. Порывистый жест был до боли знаком. Игорь Иванович глухо застонал.

* * *

Приникнув лбом к холодному стеклу, Головин безучастно смотрел в окно вагона. Мимо проносились серые полустанки, заброшенные избы с заколоченными крест-накрест окнами, покосившиеся электрические столбы. Вдали, на фоне белеющего в полях снега, неприкаянно торчали черные скелеты деревьев.

Глядя на эту сирость и бесприютность, Игорь Иванович вспомнил рассказ Михаила о том, как умирала его мать. Она последние полгода лежащая была, не вставала совсем. Мишка сам за ней ухаживал, никого не подпускал. Последние несколько суток, перед смертью, не отходил от нее. Рассказывал, что мать несколько раз вытягивалась уже. Тогда он усаживал ее в постели, обнимал со спины и держал. Прижмет — и держит. Не отпускал. *Туда не отпускал!..* И так несколько раз. А она, удивлялся

* Лихостит (местн.) — знобить, лихорадить.

Мишка, маленькая, легонькая — как ребенок. Посидит он с матерью — она вроде ровнее задышит. А в последнюю ночь сморило его. Под утро очнулся, а она уж неживая. Михаил простить себе не мог, что не выдержал, задремал. Верил, что, не усни он тогда, жила бы мать.

Вспомнил Игорь Иванович эту историю, и так горько на душе стало! Горько, что не случилось ему быть рядом с Мишкой в последний его час. Обнял бы, прижал к себе — глядишь, и не отпустил бы. Удержал.

На одной из станций в вагон с шумом и хохотом ввалилась молодежь. Улюлюкая, перекрикиваясь и не обращая внимания на невольно напрягшихся пассажиров, компания с ходу облепила несколько лавок. У одного из ребят, в яркой нелепой шапке с помпоном, через плечо висела гитара. Девчонки, уютившиеся на коленях своих ухажеров, наперебой принялись просить его сыграть. Гитарист что-то им отвечал. Те закатывались от хохота, ничуть не смущаясь бабулек, которые с осуждением глядели на их немислимого цвета шевелюры, пирсинги в носу и коротюсенькие, едва прикрывающие срам, юбочки.

— От бесстыжие... — проворчала сидящая напротив Головина старушка. — Что из них только выйдет? О-е-ей...

Игорь Иванович отвернулся к окну.

Гитарист тем временем заперебирал струны. Гомон умолк. И, сдержив с головы дурацкую шапку, парень запел:

— Россия нас не жалует ни славой, ни рублем,
Но мы ее последние солда-а-а-ты...

Остальные дружно подхватили:

— И значит, надо выстоять, покуда не умрем.
Аты-баты, аты-баты...

Головин замер и, оторвавшись от окна, поднял на них повлажневшие глаза. Ах, ребятки, ребятки... Родные вы мои! А ведь он в последнее время, к стыду своему, во всем и вся разуверился. Покоя искал, мира... И теперь, глядя на поющих ребят, чувствовал себя дезертиром, бежавшим с поля боя. Надо же! В деревне думал отсидеться.

«Мы ж для них трава на обочине», — вспомнились ему Люськины слова. Ничего, ничего, Людмила... Не все потеряно. Рано играть отходную. Вот пока дети наши песни такие поют — есть для чего жить. И есть за что воевать. Есть!

А Растеряево... В Растеряево он больше не вернется — сил не достанет. Но часть его надорванного, измученного сердца навсегда останется на старом деревенском погосте с сиротливым холмиком и латунной табличкой на кресте: «Здесь лежит Герой России Михаил Жданов».

Александр ФРАНЦЕВ

ЧЕЛОВЕК НА ЧУЖБИНЕ

* * *

В коридоре запертая дверь
отрезает, словно по живому.
Грязным тюлем забранный апрель
проживи, не выходя из дому.

Там, за перекошенным окном,
целый мир устроен как попало.
Для чего ты просыпался в нем,
вылезая из-под одеяла?

* * *

Человек на чужбине прячется круглый год
от того, кто без стука ночью к нему войдет,
ствол к голове приставит, махая ксивой;
дождется его с работы или из кабака,
в подворотне скрываясь, чтобы наверняка, —
и в отчизну доставит силой.

Человек понимает: дальше так жить нельзя;
меняет явки, фамилии, адреса;
не зажигает свет, дребезжит засовом,
дверь запирая; думает: как же быть? —
обложили, как зайца, впору щенка купить —
будет кому ковылять за гробом.

«А живым я не дамся, — твердит, — не вернусь вообще
ни в каком виде, к этим, в параличе,
брежнеобрядцам гребаным, на гнилую
нитку рты зашивающим; и бог весть,
сколько уж там задохнулось у них — не счесть,
на всю-то одну шестую».

И снится ему — он в шестой палате лежит,
к железной привязан койке, и он кричит,
маму зовет: «Помоги, развяжи скорее!»
Мама приходит, трогает на ремнях замок:
«Ничего, — говорит, — ничего, засыпай, сынок».
Гладит по голове пальцами брадобреля.

* * *

Тот продуктовый по соседству с винным,
обшарпанный, с плакатом на стене,
мне помнится еще, — за маргарином
и за крупой... — но не хватило мне.

Вчерашний хлеб да курево без сдачи.
По телику со Штирлицем кино.
А ты тут стой и не моги иначе.
И вроде мог, но перестал давно.

* * *

Грязным дождем продолжается век,
снег на глазах убывает.
Ваше величество, Чуркин Олег,
как мне тебя не хватает!

Был ты за водкой ходок в магазин,
куревом брюк прожигатель.
Где ты, притонов блатных гражданин,
чумных пиров председатель?

Матом глуша нарастающий страх
смерти, на старом диване
жизнь проводя с Достоевским в руках,
с пачкою «Примы» в кармане, —

с тем и пропал, и не виден во мгле,
 в царстве разрухи и лени.
 Всё ли уже, на нетвердой земле
 взявши полбанки, до фени?

Чем еще жив, на какие гроши
 маешься, вечно свободен?
 Глянешь вокруг — и воротит с души,
 страх потерявшей Господен.

Здесь только ветер колышет кусты,
 шаря в колхозной пустыне,
 там, где твои не отыщут следы,
 где тебя нету в помине.

1990

Повалился на пол в гнилом пальто,
 к магазинской ругани глух и нем.
 В толчее кромешной — незнамо кто,
 с полвосьмого вставший — бог весть зачем.

За крупой прогорклою — килограмм
 в одни руки, — и до сих пор горчит.
 Кто бы знал тогда, что вот-вот по швам
 карта мира школьная затрещит.

Вызывали фельдшера. Таял снег
 с отсыревших валенок. Шла зима.
 Закрывали кассу. Кончался век.
 Скрежетали времени жернова.

* * *

Елене Александровой

Как мы дальше будем? Никак не будем.
 Удалим, забаним, в лицо забудем.
 Перебьем посуду и впредь не склеим.
 Ничего ни с кем уже не сумеем.

Соберем пожитки да сменим адрес.
Все равно откуда уже уставясь
двадцать раз на дню в новостную ленту,
понимать, что тебя в ней нету.

Жизнь идет, и времени кот заплакал.
Ну а то, что вилка упала на пол, —
так давно уже не про нас приметает,
и сбудется не про это.

* * *

...еще по двести сделай, — как там — vale? —
со средней школы, с горем пополам
заучено, — пока не повязали
волки, по старой памяти, а там —
как карта ляжет; срок перемогая —
на белый свет, случившись по УДО,
травы коснуться, где, как неродная,
земля горчит, не узнаёт никто,
по имени не помнит — после пятой
путевки в Воркуту, — когда сельмаг
колхозный взяли, — там уж и усатый
заехал в Мавзолей, а ты никак
забыть не можешь — все перед глазами
Инта, сорокаградусный мороз,
и ночь кругом, и трупы штабелями
уложены, да ссученный завхоз
бубнит под ухом: сколько там, в Речлаге,
у них позамерзало — всех вовек
уже не сосчитаешь, да бумаге
не привыкать: троцкист — не человек,
народишко никчемный, больше года
на общих не протянет — к Рождеству
и остальные вымрут, — вся порода
такая, мол; и двадцать лет: бу-бу
в мозгу, как заведенный, — не заткнется
с тех пор никак, — давно уж сам в земле,
а ты живи и слушай, чем придется
слух замыкая, словно мышь в золе
дни доживай, сапожничай в подвале,
а к вечеру — пол-литра натошак, —
глядишь, и пойдёт — чтоб не стояли
сердешные в глазах — хотя бы так.

* * *

Все корявее пишется, дышится
черт-те чем — ничего про запас.
Приблатненная разве посылится —
и придется как раз

эта песенка туберкулезная,
чей расхлябан размер,
словно дверь, за которой нетрезвая
толчея, где-то в СССР.

Там судьбою торгуют по записи,
в одни руки суют четвертак.
И страна с Колымою в анамнезе —
не отвыкнешь никак.

Валерий МОРОЗОВ

ЯМСКАЯ ГАРМОНЬ

Р а с с к а з

Утро раннее, а осень поздняя. Гулкая тишина стоит над деревней об эту пору. Ну, не совсем уж и тишина, как принято ее понимать. Приглушенные петушинные побудки, зовущий на дойку коровий мык... Звуки, с детства до того привычные, что их почти и не замечаешь.

А вот на трескучий звонок с улицы Иван Никитич шторку на окне отдернул.

«Смотри-ка, уже иней... Значит, скоро и снегу быть», — подумалось между делом.

За калиткой, держась за штакетник, размахивала белым конвертом почтальонша Нюра, вдовая худая бабенка с визгливым голосом бывшей пионервожатой. На ремне ее почтальонского баула был прикручен допотопный велосипедный звонок, им она вызывала к себе получателей корреспонденции. Почтовых ящиков у местных жителей не бывало сроду. Еще чего — деньги, что ли, лишние?

— Козырев! — закричала Нюра, завидев идущего к ней хозяина дома. — Пляши давай, старый греховодник! Из города письмо-то. С кем ты там завел шуры-муры, а?

— Нюра, когда уж ты угомонишься? Такая рань, у всех дети еще спят, а ты зеваешь на всю округу.

— Ты зато не зеваешь! Переписку тайную учинил. Адреса обратного на письме нету! С чего бы это?... Ладно, держи уж. — Она закусила тонкие губы и оттолкнулась от забора, выказывая обиду.

Вернувшись к себе, Иван Никитич вымыл руки, сел поближе к окну и, подавшись назад от листочка в клетку, стал читать. Письмо было от сына.

В тот день они с Мишкой ошкуривали на конном дворе березовые жерди на оглобли и ставили их в «костры» на просушку. Пришли рано и к полудню сделали уже изрядно. Горячее солнце, казалось, намертво зависло в обеденной поре. Иван Никитич зачерпнул с полковша воды, напился,

вылил остатки на крепкий кудлатый затылок и, утерев рукавом бороду, пошел под навес за куревом.

Вот тут Мишка ему и сказал:

— Не, батя, все! Финиш! Только в шофера!

Козырев-старший все понял сразу, но переспросил, сам не зная зачем, фальшивя голосом:

— Чего ты сказал, сынка?

— А все, говорю, — Мишка, видимо, решился. — Топоры в землю! Я уж сколько тебе намекал, не лежит у меня душа — плотником! — Провсовывая голову в рубаху, заорал вдруг: — Ну чего смотришь?! — Тут же, враз понизив голос, заторопился, не попадая в рукава: — К сеструхе поеду, к Анне. Там курсы, батя, с первого числа занятия. Не один ведь я в дорогу пускаюсь, Колька вон тоже едет. Евоные родичи хоть бы что, а к тебе все на драной козе кругами подъезжай! — И снова, срываясь на крик: — Пускать не будешь, сам уеду, понял? Чего я тут, на твоей конюшне, проклятый, что ли?

Рубаха наделась наизнанку: Мишка не знал, чем дело кончится, и нервничал.

— А вожжей ты давно не пробовал? — проговорил Козырев и сел. — Хошь, «намекну» поперек спины? Наменял он! На отца еще тон будет брать, сосунок! — И как в лоб треснул: — Сядь!

Медленно сворачивал сигарку, помогая одной руке мозолистыми обрубками другой, курил, глядел на дым и молчал.

— Ну, старших двух увезли — сосватали. Они, ладно, девки, что возьмешь? Про них и лапоть не звенит. А ты-то... Подмога, думал, на старости лет... — куда-то в дым, будто самому себе сказал наконец Козырев и опять надолго замолк.

Мишка немного выждал и снова подкрался исподтишка: сел рядом и попытался приобнять отцову костистую спину:

— Да чего ты, батя, на самом деле? Что я, в Магадан вербуюсь или за рубеж? Райцентр. Полста кэмэ туда-обратно... А, батя?

Иван Никитич затянулся самокруткой три раза кряду, поплевал в уголек и стал собирать инструмент.

— Не Магадан, это точно, да уж и не дом родной. Больно ты им там нужен. Рады-радехоньки: «Миша приехал на постой! Корми его, обстирывай!» Родни нынче много, да своих никого!

Постоял, подумал и, застучав стамеской по верстаку, повернул голову из-за сутулой спины:

— Но чтоб перво-наперво с санями мне подчистую закончил, понял?!

— Е-есть! — обрадовался Мишка. — Исполним как тренер велел, батя! Козыри мы или где?

И, благодарно ткнувшись лбом в потную отцовскую рубаху, рванул за ограду.

— Ко-о-озыри вы! — проговорил отец, рассыпая табак. — Сопли зеленые...

— Нет, ты скажи, а? Ты только подумай, Петрович! — Иван Никитич, в сырой от зарядившего вдруг дождичка телогрейке прямо на нателеную рубаху, без фуражки, оставив у порога грязные резиновые сапоги, стоял босой посреди избы своего соседа, конюха Арсения Петровича Мокина, держал на отлете руку с письмом, хлестал по нему левой клешней и восклицал:

— Что удумал, сосунок! Ведь ему в армию по весне! Он еще в жизни-то — как слепой вдоль городьбы. Так нет — куда люди, туда и Марья крива... Не хочу, вишь, учиться, хочу жениться!

Петрович сидел за дощатым самодельным столом, таскал щепотью кислую капусту из миски и, по поводу воскресенья и с жениного попустительства, «причащался». Спаситель недовольно хмурился на это из иконного угла.

— А чего ты, Ваня, елки, хочешь? — философски начал Мокин. — Нынче молодые на это дело куда как скорые. И как другу, Ваня, могу сказать: пушай. Пу-шай! Продолжатель рода, елки, женится, а он, вишь ли, — Петрович посмотрел на сосуд с самогоном, — в бутылку лезет. Темь! Давай-ка вот лучше по чуть-чуть. За радостный привет, елки.

Козырев недоуменно уставился на него. Он никак не предполагал, что самый близкий друг, к которому он пришел со своей печалью, примет не его сторону. Ища подмоги, переключился на Дусю, Арсеньеву жену.

— Дуся, ну с этим понятно, — кивнул он в сторону Петровича, — ему все по хрену метель! Он хоть завтра готов на свадьбе гульнуть. Но вот ты рассуди — уехал мой пострел и уже много где поспел. Давай попробуем понять, с башкой у него все в порядке? Слушай! — Он заязвил нараспев, взметывая листок над головой: — Нет-нет, ты только послушай, Евдокеюшка, какие речи мне сынок любезный шлет!

Подошел к окну и, далеко отодвинув руки, медленно прочитал:

— «Мы с Ларисой это решили твердо, так что прими, батя, как есть и не сердчай...» А? — повернулся, скривившись, к хозяевам. — Как есть, говорит, так и заполучи, отец родной! А чтоб посоветоваться с родителем, это они теперь в гробу видали? Ну не-е-ет! — и, запихивая письмо в карман, подался было к двери.

— Ваня! Иван Никитич! — спохватилась Евдокия. — Что ты? Ну что ты, батюшки мои? Сядь. Сядь, охолони! Ведь, может, оно и лучше, что так-то все? К тебе переедут. Миша шофером пойдет, да и ей, бог даст, работа найдется. А в армию заберут его — вместе будет и ждать не тягостно. Пока внука или внучку на ноги ставите, он, гляди, и обернется. Еще как заживете-то! Чего бы и противиться тебе, вдовому? Разве лучше бобылем доживать свой век? Мотаешься по пустому дому один, как зверь по клетке. Марию ведь не вернешь, и прежней жизни больше не будет. А уж Маша-то как хотела на внучат поглядеть да понянчиться, как мечтала, царствие ей небесное ...

Иван Никитич сел у порога на лавку и как-то поник плечами, словно постигая умом, что, наверное, и вправду бесполезны его порывы и про-

тесты. Медленно сунул босые ступни в резинники. Долго и отрешенно смотрел на стекшую с сапог мутную влагу и не выступал из лужиц.

Дусин говорок укачивал, как дождь, и всплывало перед глазами памятное прошлогоднее ненастье.

Перед рассветом выпал первый снежок. Иван Никитич встречал этого «первенца» ночью, ловил снежинки заплаканным лицом, выходя курить на воздух. Отдышавшись и протолкнув в живот тугой комок слез и табачной горечи, возвращался ко гробу и сидел на табурете опустив голову. Смотреть на мертвое лицо жены было невыносимо. Пламя свечи в изголовье покачивалось, меняя тени местами, и от этого создавалось впечатление потусторонней несуразности, — что человек словно бы просто спит, неслышно дыша, но почему-то в гробу. Козырев еле сдерживал себя: хотелось тронуть Марию за плечо и разбудить, вытащить дорогую свою половинку из этой ужасной и коварной несправедливости. Стряхивал наваждение и снова шел на крыльцо, отирая рукавом бороду, мокрую от слез.

А ближе к полудню засучил тонкими ножонками дождь, истерично втаптывая слишком нарядное снежное покрывало в грязь. Сапоги, колеса, копыта толкли у горького дома это месиво, делая его еще непролазнее. Потом небо стало истекать сплошной тяжелой моросью, и казалось, все оно собралось здесь, не достанет ему сил тащить дальше столько воды в своем провисшем брюхе, — и на округу с глухим шелестом рушились одна за другой плотные завесы мозголой мокряди.

С кладбища все шли как-то отдельно и молчали. Да и о чем говорить, господи... Впереди мокрые черные бабы, дальше — черные избы в мокрых косынках тесовых крыш и неуклюжих, набухших телогрейках срубов. Казалось, никаким огнем ничего тут не высушить, да и огня-то не вздуть...

— Ваня, да ты чего, елки? — Петрович тряс его за плечо. — Ваня! Да пошло оно все поехало! — Он сорвал с простенка балалайку: — Как у наши-ива гармониста че-рез гармонь сопля па-ви-исла!.. Ты давай тут не нюнь, елки. Ему радоваться велят, а он кобенится. Темь! Давай-ка вот по чуть-чуть...

— Налей. — Козырев снял локти с колен и виновато улыбнулся Дусе: — Натоптал я вам тут...

Свадьбу приурочили к двадцать третьему февраля. Накануне, дня за три, приезжала Анна, старшая дочь, и говорили, что да как. Первый день, мол, надо там праздновать, у них там вся родня и знакомые, столовую сняли. Ну а второй день, само собой, в доме жениха отгуливать.

Иван Никитич расспрашивал и с интересом слушал про молодую, про сватов, про Мишку, сказал, что в столовую не поедет — будет здесь ждать гостей, и дал Анне приготовленные деньги.

— Ну, пора мне. Ты уж, папка, давай тут... Люди они культурные. Штаны я тебе погладила, тете Дусе наказала — поможет, если что. Водки

много не бери — мы привезем... А за Мишку я довольная! Ну, ладно, оставайся... Чмок. Пошла я... Чмок. Да кого попало-то не зови! Чмок. Всё вроде...

Оставшись один, Иван Никитич походил по дому без дела, поглядел в окно раз — будто бы ждал, пока Анна отойдет подальше, поглядел другой, закинул дверь на крючок, прошел в горницу и, став на колени перед крашенным суриком комодом, вытянул нижний ящик.

Уже много лет он не держал в руках этот сверток. В редкие дни, бывало, наткнувшись случайно, разворачивал и звал Марию, если не было поблизости детей. Приобняв жену, поднимал он это маленькое чудо над головой и сильно встряхивал.

Казалось, разом лопались все стекла в доме на мелкие-мелкие льдинки — и каждая, падая, пела своим редким звуком: светлой радостью и печальной свирелью, берестяным посвистом и тугим церковным бархатом, отчаянной тальянкой и заунывной вьюгой, тишиной полей и закатными сполохами, далью и памятью, грустью и удалью. Каждая несла свою песню, сливая их в один немислимый солнечный аккорд, который, пронзив и заполнив собою все вокруг, не затухал, а уходил неспешно в высокую и синюю бездну, оставляя за собой тихий, медленно тающий след.

— А, мать? — смотрел он теплыми глазами на родное лицо, будто спрашивал молча: «А помнишь ли?..» — и Мария улыбалась грустно, прильнув щекою к его плечу.

Была это медная колодочка в виде резного коромыслица с восемью подвешенными к ней литыми колокольчиками. На колодочке продавлено: «Мѣдныя заводы Демидова. Артель “Шаровъ и сыновья”».

Умелая рука древнего мастера перебрала, наверное, сотни этих колокольцев, чуткое ухо взвесило тысячи звуков и их сочетаний, пока не вздрогнула, не замерла душа от ударившего созвучья — той неизъяснимой радостью, какой вздрагивает и замирает она у хлебопашца, что ранним утром увидел свое поле сплошь покрытым ярко-зелеными стрелками всходов.

Откуда привез эту диковину дед Ивана Никитича — Фрол Козырь, никто не знал, потому как не много у такого бирюка выспросишь. Лишь раз, в ласковую минуту, услышал Ванька от захмелевшего деда, что зовется это чудо — ямская гармонь. Мол, редкие ямщики в Москве имели такую и страшно этим гордились. И не для того эти гармони служили, чтобы в ночном метельном городе можно было за версту отличить тройку его сиятельства от тройки его превосходительства, объяснял внуку дед, а чтобы ямщики, узнавая друг друга по звону еще издали, могли, разъезжаясь в темноте, меж собой «поздоровкаться», проявив при сем «уважительность».

— Я им: «Здорово, Артемка!» — орал Фрол страшно, размахивая невидимым кнутом. — И они, собаки, мою гармонь издали слышат: «Доброго здоровьица, Фрол Аникеич!» Ясно тебе? Мне гармонь попала в руки покалеченная. У Оловянишниковых, на ихнем литейном,

мне ее долго страивали. Чтоб звучала, как надо. Это нам надо, ямщикам. А что до бар, так बारे они बारे и есть — дрыхнут себе под медвежьей полостью, как ребятишки малые. А на расейских дорогах мы хозяева! Понял? Ванька, понял?! Ни хрена ты не понял! А теперь давай-ка, шасть отселева, недоуздок ты веревочный...

Сам Фрол звал каждый бубенец по имени: Трескун, Соловейко, Болхарь, Шаркунец, как-то еще, Ванька запомятовал... Навсегда запечатлелось лишь это — название каждого непостижимо точно передавало извлекаемый звук. Если верить деду, только что отлитые колокольчики представлялись мастеру сами, людям не было нужды подыскивать им имена. Звон низкий — «мужик», высокий тон — «баба». Эта заглавная пара пела в терцию, а уже к ней, видимо, подбирались в ансамбль остальные, достигая согласного аккорда и чистого звучания.

— Ваня, чего ты ее все прячешь-то? — смеясь, говорила Мария. — Отдал бы ребятишкам, было бы по деревне звону да радости!

— Цас! — сердился Иван Никитич. — Нате, ломайте! Для баловства это, что ли? Сами с ней венчались — еще, гляди вот, и Мишку женим! Скоро уж год мужику. Жених, считай!

— Господи! — отмахивалась Мария и, промокая фартуком глаза, шла стирать жениховы пеленки.

Свадьба! Не такое уж и частое, по деревенским меркам, событие. Поэтому знают о нем заранее. Причем все до единого, от глухих стариков и старух до сопливых ползунков. Верно поется в песне: «От людей на деревне не спрячешься». С полудня, как подъехали дорогие гости, все в доме Козыревых пошло на разворот. Давно эти стены не видели такого шумного веселья! И как только под эту крышу могло вместиться столько всего?

Столы со всякой всячиной, разноцветные женщины и девки, лавки, покрытые половиками, потные мужики и парни, все как один в белых рубашках, синий ящик с пропастью громкой музыки, разнокалиберные стулья с пиджаками на спинках. Невесомая, в белой кипени свадебного платья, невеста, Мишка, не умеющий справиться с ролью жениха и новым костюмом, громкий разговор во всех углах, обрывки песен, поминутное «горько», смех, Арсеньева балалайка, частушки «с концовками» и придыхающая от натуги ливенская гармозень. И ребячьи рожицы в окнах, и звон посуды, и размах в движениях, и яркий свет, и сизый дым под самый потолок!

Иван Никитич сидел сбоку от Мишки, через длинного, наголо стриженного парня — дружка, наверное, — и урывками глядел, улыбаясь, на сына и тоненькую сноху. Мишка смущался немного, но его все же подбадривало то, что он в родном доме и вокруг много своих.

Невеста же, Лариса, пребывала, похоже, в постоянном неудобстве: поднять к застолью опущенное с самого начала лицо она стеснялась и ориентировалась в происходящем, лишь когда сдувала со лба белокурую накрученную челку. Потом, словно спохватившись, вдруг начинала тереть за рукав в удовольствие глазеющего на празднество Мишку, изо-

бражая этакое воркование. При поминутных, явно надоевших ей возгласах «горько» и не вставала уже, лишь подставляла жениху бледную щеку. А то вдруг вспоминала про мешающее, новенькое колечко и завинчивала его под столом на тонюсенький пальчик, и никак не могла завинтить до конца. Белесый локон на лобике смешно подпрыгивал, но взгляд из-под него был цепок и строг, иначе Мишка бы сумел-таки махнуть чего-нибудь спиртного. А не можно. За рулем.

Стриженный сосед Ивана Никитича то и дело вскакивал и, макая галстуком в тарелки, разливал водку по толстогубым стаканам.

— Так не пойдет, не пойдет! Давай-давай! — восклицал он, так далеко повисая над столом, что казалось, постаравшись, он сможет отсюда, из красного угла, налить кому-то в сених. Ему, наверное, сказали, чтобы «заводил».

Лысый, тщедушный отец невесты, высоко подняв в худой руке дымящуюся сигарету и рюмку одновременно, кричал поверх сплошного гама:

— Иван Никитич! Сват мой любезный! За детей? — и споро выпивал, как-то не обжегшись.

Супружница его, Клавдия, не отрывалась от холодца.

Мокин в который раз вскрикивал вместе с балалайкой:

— Эх, братишка, брат родной, да буйная головушка!.. — а дальше или не помнил, или бабы не давали развороту.

«Ох и быстро пьянеет, старый черт», — подумал Козырев и, отерев бороду, стал выбираться из-за стола.

Когда отошли с Петровичем до проулка, остановились. Полная луна, выныривая из полупрозрачных облаков, высвечивала всю округу голубоватым светом, отраженным от плотного снежного покрова, как от зеркала. Отсюда весь козыревский дом в ряду уличного порядка казался карнавальным фонарем, внутри которого все вертелось, звенело, смеялось и искрилось, отбрасывая на снег мерцающий яркий круг.

— Ну, брат Петрович, смотри, время уже поджигает. Как давеча договаривались, не забыл? — спросил Иван Никитич и запахнулся.

— Ваня, ты чего, елки, меня не знаешь? — пьяно удивился Мокин. — Да я тебе такую тройку отгрохаю, елки! Лысана — в корень, обоих гнедых — в пристяжку, и — эх! Сам бы еще с молодухой пропылил! Слышь, Ваня, — а давай я подлечу с разворотом? Уважь, а, Вань?

— Не, Петрович, я сам. Коней заложил и жди. Да не в розвальни, а в кошевку — в ту, в расписную, помнишь? На вот тебе на посошок, чтоб не скучал. — И, сунув Мокину в карман полушубка «шкалик», Козырев подался к дому.

— Пожалел, да? — бурчал ему в спину Арсений. — Гляди-гляди. Сам-то вот навернешься в сугроб и молодых вывалишь! Будешь тогда локти кусать, темь!

— Да иди уже, ворона ты старая! — засмеялся Иван Никитич. — Иди, а я после подойду. Вот с Мишкой поговорю и явлюсь. Проваливай давай, друг ты мой... сердепердешный!

В сенях одетыми стояли Мишка с невестой и сваты.

— Вот тебе на! — сказал Иван Никитич. — Гулять, что ли? Нет?

— Ванниктч, дорогой! — влез вперед сват. — Спасибо, спасибо и еще раз спасибо! Едем, милый мой, едем. Все у тебя чудесно, но...

Свата качнуло, а невеста чмокнула Козырева в бороду:

— Ночевать же негде у вас... — и добавила неслышно: — Папа...

«Ты скажи», — подивился Иван Никитич на «папу» и отодвинул животом Мишку к стене.

— Да вы чего, сынка? Я же хотел вас на лошадях, на тройке... сюр-приз вам свадебный... по деревне по всей, а? Как настоящая свадьба, русская... А?

— Да ты чего, какие лошади? — проговорил Мишка, выбираясь к выходу за своими. — Теперь не на лошадях ездят, батя, — на лошадиных силах. На самом ценном, что от них осталось.

Иван Никитич растерялся. Сглотнул шумно и двинулся следом:

— Так погоди... Вы чего с ней, завтра, что ли, приедете?

— Зачем? — спросил Мишка.

— Ну как же? Это... как его... — Иван Никитич стушевался вко-нец. — Как-то устраиваться на житье. Пристрой к дому ладить хотели...

— А-а-а! — засмеялся Мишка. — Так Анна тебе не сказала разве? Федор Алексеевич нам комнату оформил. Через автобазу. — И, сядя за руль, добавил: — Свадьба — с ходу новоселье. Скоростной век! Теперь ты в гости приезжай.

Пока прогревался мотор, Иван Никитич стоял у блестящей дверцы и, ничего не понимая, согласно мотал головой на все «до свиданья», «спасибо» и «счастливо оставаться».

— Ну, пока, батя, — сказал Мишка и включил передачу. — Наблюдай прием «троганье с места!» — И крикнул в открытое окно, газуя: — А ты говоришь — лошади!

Машина коротко буксанула, легко вышла на дорогу и, набирая скорость, стала удаляться, хлопая куском уцелевшей свадебной ленты в красной дымке задних фонарей.

Постояв недолго в оцепенении, Иван Никитич прошел в дом. Взял из рук стриженного бутылку, налил стакан и выпил. Посмотрел на парня, налил еще полстакана и снова выпил.

— От эт да! — поднял палец стриженный и икнул.

В сенях над дверью Козырев снял приготовленный сверток и, сунув за пазуху, вышел на волю. За спиной, перекрывая все звуки в доме, над-рывался нерусский голос.

«Сундук на окошке. Это ж надо, как орет, сволочь!»

В сторожке струилась чадом коптилка, и через мутное стекло было видно, что Петрович спит непробудным сном, растянувшись на лежаке. Иван Никитич заходить внутрь не стал, сразу открыл ворота и прошагал вглубь, к коновязи. Лошади, завидев его, засучили копытами, фыркая в предчувствии освобождения от нудного застоя. Козырев подвязал корен-

ному узду и, уже на ходу собирая вожжи, боком упал в кошевку. Тройка ходко дала из ворот.

Кони шли уверенно и сильно, будто делали привычную работу. Деревня вмиг осталась позади.

У поворота на тракт Иван Никитич невольно потянул вожжи вправо и остановил лошадей уже у кладбищенской ограды. Привязав узду коренного к воротному столбу, прошел к могилам, снял шапку. Здесь лежало все давешнее, ушедшее в небытие, население. Как нынче, в здравствующей деревне, он знал всех поименно, так и здесь, в деревне мертвых, почти все были знакомы ему не один год, а то и приходились какой-то родней.

Вон Коли Семина могилка, шабашили вместе в молодости по плотницкому делу. Рядом Даша, супруга его. Повыше — фронтовики в основном, там школьники ухаживают, дорожки чистят. Видны сквозь голые рябиновые стволы и родительские могилки.

А вот и Машина оградка.

— Маня, ты уж прости... Никогда не приходил к тебе выпивши. Ты не любила, ну я и не позволял. Только вот случай нынче такой... Упорхнул из родного гнезда наш с тобой последыш. Женился Мишка и из дома уехал. Как вот ты скажешь: стоит на него обижаться за это или уж отпустить?.. Не знаешь? Вот и я не знаю...

Иван Никитич осторожно снял ладонями снег с керамической фотографии и трижды поцеловал родное изображение. Долго стоял на коленях в сугробе, свесив на грудь кудлатую голову.

Затем поднялся и окинул дерзким взором небосвод, словно хотел выкрикнуть ему свою горечь и боль. Луна набросала по всему скорбному погосту длинные крестообразные тени, сдерживая ночного гостя от необдуманного.

Выправив тройку на широкий проезжий тракт, Иван Никитич остановился. Вынул из-за пазухи сверток, отбросил тряпку на снег и, подвывая гармонь к коренному на дугу, оглянулся. Луна польхала во всю свою колдовскую мощь. Дорогу, поле и деревню было видно ясней и отчетливей, чем днем, — такой ночью даже тени прозрачны. Гармонь легонько позванивала. Иван Никитич тронул лошадей, и они, почуяв настоящую твердь, стали набирать шаг.

Широко расставив ноги, Козырев распахнул полушубок, поднял свободный конец вожжей над головой, закрутил и, страшно, не узнавая голоса своего, закричал: «Аа-и-е-эх!», — с силой вытянул коренного по крупу. Одурев, лошади кинули было в мах, но он сдержал, умело перевел галоп на рысь, и тройка пошла. Да как пошла!

...Морозное небо дробится на поющие звезды, звездами горят на вывернутых назад мордах глаза пристяжных, звезды летят в лицо из-под мерцающих копыт, шальные звезды сверкают в очах бородатого ездока, и тысячи звездных искр сыплет ямская гармонь, трепеща под дугой, далеко вперед разливая свою неудержимую, яростную и печальную песню.

Евгений АРТЮХОВ

**ПЕСЕНКА О ЗОЛОТОМ
КВАДРАТНОМ МЕТРЕ**

ЗИФ

М. Молчанову

Ржавая цепь, шелушится зеленая краска,
спиц не хватает, навечно запнулся звонок.
Но все равно это детства любимая сказка —
мой двухколесный, роднее родни, «Горбунок».

Сколько дорог на твои намоталось колеса,
конь мой железный, ни разу не снявший седла!
Хлеба не просишь. Чуть масла, да разве насоса,
да для рогулечек руля хоть немного тепла.

ЗИФ. Город Пенза. Продукт сорок пятого года.
Хлебные карточки, звездочки свежих могил...
Все для народа! Конечно, и он — для народа,
чтоб поскорее народ от войны укатил.

...Пусть говорят: инвалид бережет инвалида,
строят беззлочно насмешки над нами в душе.
Как объяснить то, что в зеркальце заднего вида
вижу и то я, о чем и не помню уже?

* * *

Я маленький.
Лежу, болею корью.
Глухой чулан, и все красно вокруг.
Сейчас сказал бы — как залито кровью,
но мама рядом,
и не тот испуг.

Меня жалеют всей родней,
всем миром.
Мне студят лоб, но марля горяча.
Дед лается с каким-то бригадиром,
что лошадь не дал, чтоб везти врача.

Глаза слезятся от температуры,
но слышно мне в рассветной тишине,
как блеют овцы и кудахчут куры,
конечно же, справляясь обо мне.

Двор

Мы жили все в своем дворе,
словно щенята в конуре:
на всех подстилочка одна
и миска — два вершка до дна,
и шерсть в репьях, и хвост в снегу...
Но цепь припомнить не могу.

Жизнь разбросала без труда
кого — туда, кого — сюда.
Другим народцем двор оброс:
в нем каждый сам себе барбос.

Песенка о золотом квадратном метре

Сдай мне комнатку, улитка,
в винтовом своем дому,
ибо жить бездомным — пытка,
не желаю никому.

Если ни угла, ни крыши,
ни кола и ни двора,
значит — ты на свете лишний
и отклоняться пора.

Сдай мне комнату, дышленок, —
скорлупою поделись.
Хоть давно я не ребенок,
но берет за горло жизнь:
самому давно пора мне
выводить на свет птенцов,
да свистит дыра в кармане,
не связать никак концов.

Сдай мне угол, черепаха,
в костяном своем дому.
Натерпелся нынче страха,
а за что — и не пойму.
Душу изодрал на части
золотой квадратный метр.
Уползти бы от напасти
за сто первый километр!

Я коплю на комнатку
и во сне, и наяву.
«Сколько ждать?» — спрошу кукушку,
говорит: не доживу.
Ничегошеньки не стою,
сам не знаю, почему...
Для скворца скворешню строю
и завидую ему.

Михаил РАНТОВИЧ
БАБОЧКА, ЛЮПИН...

* * *

Живи, дыши, люби, не верь.
Какие тут еще причины?
Вот белка розовая — зверь.
А вот — кровавый куст рябины.

Нет, не Цветаева, но цвет.
В Сибири медленные зимы,
и с неба сыпется привет,
прекрасный и неугасимый.

* * *

Можно описать
голос или взгляд,
или эту прядь,
или все подряд,

бабочку, люпин,
облако в воде,
тех, кто мной любим
и спасен в беде.

Но увижу дым —
сразу замолчу.
Но словам земным
все ли по плечу?

Вымученных слов
у молчащих нет:
пусть опишет свет
метких мотыльков.

* * *

Не постигая, для чего живем,
он хоронить себя хотел живьем.

Но тополевы́й ленточник летал
и неба голубел металл.

И он увидел: женщина одна
ему сияла из окна.

И он тогда прислушался к лучу,
а тот сказал: «Печали я хочу».

* * *

Про фонари — они горят.
Про человечную беспечность.
Про тихий сонный снегопад,
над городом идущий в вечность.

Про своды, про свободу, про
прогрохотавший мимо поезд
голубоватого метро.
Про то, как стихло, успокоясь.

Про скользкий фантик ли, клочок.
Про что еще? Про что угодно.
Про колкой легкости глоток.
Про мысль, которая свободна.

Про воздух, про декабрь, про то,
что мы, родные анонимы,
в дубленках, куртках и пальто,
возможны и необъяснимы.

* * *

Где бессмертный смелый свет,
меченые встречи,
озаряющий привет,
непрерывность речи?

Радость силой не вернешь,
горя не приручишь.
Прошлое, скупая ложь,
даже ты не мучишь.

Неприятный человек,
горестно-счастливый,
я живу и вижу снег
с голубым отливом.

Светлана ГАВРИЛЕНКО

ДЕВЯНОСТО КНИЖНЫХ ЛЕТ

*К 90-летию Новосибирской государственной
областной научной библиотеки*

*...Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно —
Немой свидетель о заслуге.*

Н. А. Некрасов.
«Букинист и библиограф»

Начало

Новосибирская государственная областная научная библиотека (НГОНБ) отметила в 2019 году свое девяностолетие. Создана она была в 1929 году решением крайисполкома и имела на тот момент статус краевой. Новосибирск — стремительно растущий центр Сибкрая — сосредоточил на своей территории большинство партийных и административных учреждений, строящихся предприятий (Сибкомбайн, ТЭЦ и др.), вузов и научных учреждений. Возникла острая необходимость в открытии научной библиотеки с универсальным фондом. Вопрос о ее создании обсуждался и на страницах газет, и на совещаниях краевого руководства.

С 1925 года в Новосибирске обосновалось Общество изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС). Именно его члены П. К. Казаринов, Н. К. Ауэрбах, Н. В. Яницкая предпринимали первые практические шаги по сбору книг. В Государственном архиве Новосибирской области содержится большой массив документов по истории нашего учреждения. В «Справке» по истории библиотеки (опись 1, дело 138) отмечается вклад ОИС: «...Это общество собирало и концентрировало у себя все научные силы и материалы, издавало свои труды и имело свою библиотеку в 30 тысяч томов, унаследованную от библиотеки Алтайского горного округа... В 1928 году общество было ликвидировано... Библиотека, насчитывающая к тому времени 45 тысяч томов, была упакована в ящики и составлена в сарай во дворе...»

Формально библиотека начала свое существование 1 ноября 1929 года в помещении института народного хозяйства, содержалась на средства института и обслуживала студентов. Через месяц библиотека уже работала с читателями, их на тот момент было 35 человек. В том же году создан и отдел, отвечающий за хранение фондов, — отдел книгохранения.

В состав фонда вошли материалы не только Общества по изучению производительных сил Сибири, но и краевой Книжной палаты, ставшие основой фонда местной печати, и литература из фондов Академии наук, Государственного Русского музея, Государственного исторического музея, Наркомпроса и множества других организаций, а также из частных собраний. Формирование библиотеки происходило достаточно стихийно, работа по описанию и систематизации велась десятилетиями, фонды делились по специализации: образовался сектор ценной и редкой книги, ставший затем самостоятельным отделом, который хранит в своем фонде большую часть документов библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов. Сегодня эта часть собрания имеет статус памятника культуры федерального значения, и ее сохранение является приоритетным направлением деятельности по сохранению фондов. Сектор сохранности, созданный в 1979 году как сектор гигиены и реставрации, осуществляет контроль режимов хранения документов, проводит работу по консервации и реставрации.

Несмотря на свой статус и солидное собрание, библиотека долгое время кочевала из здания в здание, постоянно испытывая нехватку места. Книги хранились в подвалах зданий на Красном проспекте, 7, Красном проспекте, 26 (ДК им. Сталина), Красном проспекте, 163... Здания, спроектированного и оснащенного с учетом всех требований к хранению библиотечных материалов, к сожалению, у библиотеки нет и сегодня.

Строить или не строить?

«Впервые предполагалось построить здание в 1938 году — существовал проект, были отпущены средства, но строительство не начали, а средства были переданы на постройку театра оперы и балета»^{*}.

Архивы содержат документальные свидетельства обращения руководства библиотеки в высшие инстанции: «...областная библиотека продолжает работать в исключительно тяжелых условиях и это резко сужает деятельность. <...> До сего времени Областная библиотека не имеет своего здания и вынуждена ютиться в совершенно несоответствующем наличию книжного фонда и масштабу работы помещении клуба им. Сталина. Предельная теснота подвального помещения, где находится книгохранилище, лишает возможности в полной мере использовать богатые книжные фонды библиотеки...»^{**}

Следует отметить, что, несмотря на все трудности и невзгоды военного времени, библиотека развивалась и даже занимала одно из лидирующих мест в социалистическом соревновании библиотек.

23 декабря 1949 года Совет министров РСФСР принял решение о строительстве здания областной научной библиотеки в Новосибирске. Вновь создан проект, даже выделено место на пересечении улиц Советской и Фрунзе, но строительство так и не было профинансировано.

В 1958 году было совершено «бессмысленное и беспощадное» перемещение фондов библиотеки на Красный проспект, 163. В результате площади, за-

^{*} Бредихина Н. А. Исторический обзор: 1929—2009 гг. // Страницы истории. Областной научной библиотеке — 80 лет. — Новосибирск, 2009. — С. 30.

^{**} Ф. Р-1478. Оп. 1. Д. 42 (1945 г., август).

нимаемые библиотекой, сократились. 14 июня 1960 года Областное управление культуры принимает решение переселить библиотеку обратно на Красный проспект, 26, хотя здание на тот момент требовало капитального ремонта. Директор библиотеки Самойлов, отказавшийся перевозить фонды в аварийное здание, был тут же уволен. И библиотека приступила к немедленному переселению, вновь фонды, часть из которых так и не была упакована, складировались в различных местах, особенно в этой спешке пострадали фонды периодической печати. Все слышали высказывание «Один переезд равен двум пожарам». Смысл этой народной мудрости в том, что процесс переезда сопряжен со стрессами и суетой, вполне сопоставимыми со стихийным бедствием. К тому же когда собираешься в спешке, пакуешь вещи для перевозки бессистемно, то велика вероятность что-то потерять, забыть, испортить. О последствиях таких катаклизмов — ниже, в рассказе о восстановлении руинированных документов из коллекции сатирических журналов.

С появлением в Новосибирске ГПНТБ СО АН СССР вопрос о строительстве здания для областной библиотеки, пожалуй, и не поднимался до конца 60-х годов.

В 1969 году руководство области вновь его ставит: Сибирскому зональному институту экспериментального проектирования поручено подготовить проект, место на сей раз предполагалось на площади Маркса. И вновь из-за отсутствия финансирования проект был закрыт.

В 1985 году библиотеке было передано здание издательства «Советская Сибирь», в нем она находится и по сей день. Но, хотя здание и подверглось существенной реконструкции, оно не соответствует современным нормам: так, в нем технически невозможно установить системы климатического контроля, показатели температуры и влажности часто далеки от нормативных, а их резкие колебания ускоряют процессы старения материалов.

Вот как описывает ситуацию корреспондент газеты «Советская Сибирь» А. Нестеренок: «Сама по себе поговорка “в тесноте да не в обиде” безвредна. Но теснота в библиотеке не в радость. На каждой полке должно лежать друг на друге по три-четыре подшивки, лежит гораздо больше. Эти “мелочи” тоже сказываются на сохранности раритетов»*.

Проблема нехватки площадей для размещения фондов отдела книгохранения по-прежнему актуальна, хотя за последние годы сделано многое для оптимизации хранения. Без кардинальных мер проблему сохранности не решить, ведь здесь, как и в медицине, действует принцип «проще предотвратить, чем лечить», а «пациентов» на сегодняшний день минимум 20 тысяч.

Без нового здания наши раритеты будут постоянно подвергаться опасности, ведь над отделом редкой книги периодически протекает крыша, зимой влажность падает до 15 % и т. д.

Надежду вселяет то, что идея строительства нового здания поддержана губернатором Андреем Травниковым. Может, лет через пять будет построено новое здание для областной научной библиотеки и в нем будет современное, по последнему слову оборудованное хранилище и обязательно центр консервации документов площадью 500 квадратных метров.

* Нестеренок А. И не только «за грамоту»... // Советская Сибирь. — 1992. — 21 ноября. — С. 5.

О переплете, реставрации и других делах насущных

Срок жизни книги ограничивается уже на стадии ее производства выбором материалов и технологий. Старинные книги, напечатанные на тряпичной бумаге ручной выделки, в переплетах, изготовленных вручную, как правило, из кожи, замечательно сохранились до наших дней. Книги, издаваемые с конца XIX века, таким долгожительством похвастаться не могут. Виной тому технический прогресс и желание получать прибыль от издания книг: печатать и продавать книги в большом количестве можно, только уменьшив стоимость материалов и модернизировав производство, зачастую в ущерб качеству, но это делает книгу более доступной. Прогресс «подарил» нам бумагу с большим содержанием древесной массы и проволокошвейный переплет — головную боль всех переплетчиков, реставраторов библиотечных материалов и, естественно, библиотечкарей. При любых чрезвычайных ситуациях, например прорыве труб системы отопления, что далеко не редкость, такая книга начинает быстро разрушаться: в переплете ржавеют проволоочные скрепы, рассыпаются тетради, листы желтеют, становятся ломкими, выпадают. Такая книга — питательная среда для плесневых грибов, которые усугубляют процессы деструкции материалов. Жизнь книги заканчивается. Потому так актуален вопрос реставрации книг.

Формально сектор гигиены и реставрации был создан в библиотеке в 1979 году, и на момент создания в нем работали три сотрудника. Но в силу различных факторов штат сократился до переплетчика, которому помогали сотрудники отделов. При таком кадровом обеспечении не могло идти и речи о систематической работе по консервации фондов. Только когда решение проблем сохранения книжного культурного наследия получило реальную поддержку на государственном уровне, стало возможным изменить ситуацию. В 2010 году принято «Положение о сохранности библиотечных фондов», которое регламентирует обеспечение сохранности фондов на основе дифференцированного подхода к документам различной значимости, устанавливает общие и специфические требования к формированию, сохранению и использованию фондов, обеспечению их безопасности.

В 2010—2012 годах два сотрудника проходят обучение в Академии переподготовки работников культуры, искусства и туризма по специальности «Менеджмент сохранности фондов». В 2012-м сектор получает не только двух квалифицированных специалистов, но и нынешнее название — сектор сохранности фондов. В его штате — заведующий сектором, библиотечкарь 1-й категории, выполняющий ремонт документов, и переплетчик на полставки. Помещение было очень маленьким, без водопровода, но, несмотря на трудности, сектор начинает функционировать не стихийно, а планомерно: ведется мониторинг режима хранения, формируется база данных поврежденных изданий, проводится фазовая консервация фондов отдела ценной и редкой книги, в частности документов из коллекции Кольвано-Воскресенских заводов.

В 2013 году министерство культуры НСО выделяет средства на приобретение оборудования для реставрационной лаборатории: вытяжного шкафа, аквадистиллятора, светового стола, резака, пресса, биговальной машины, приборов контроля температурно-влажностного режима и пр. Администрация библиотеки выделяет большое помещение, в котором проводится реконструкция: подведены водопровод и канализация, полностью заменена электропроводка, проводит-

ся установка и подключение оборудования. В библиотеке внедряется система менеджмента качества, а потому сразу же разрабатывается документационное обеспечение работы: технологические и рабочие инструкции по всем основным процессам и операциям, инструкции по технике безопасности для оборудования, которое сразу же вступило в эксплуатацию. Существенную помощь оказали методические рекомендации Национальной программы сохранения библиотечных фондов России, а также интернет-ресурсы центров консервации, таких, например, как Дальневосточный и Карельский республиканский центры консервации фондов.

В это время как раз шла реорганизация отдела основного книгохранения (передвижки фондов, штрихкодирование и установка радиометок), в процессе которой поврежденные издания выявлялись в больших количествах. В 2013 году в сектор для ремонта и переплета было передано более 1600 документов, из них порядка двухсот поврежденных плесенью. Поднять такой массив два с половиной человека не смогли бы, встала проблема не только нехватки кадров, но и явно недостаточной квалификации имеющихся. В 2014 году добавилась еще одна штатная единица, и постепенно сложилась система распределения обязанностей: дезинфекция, реставрация, переплет.

В 2013—2014 годах финансирование библиотеки не позволяло направить на обучение сотрудников сектора, но мы писали ежегодно заявки на участие в федеральной целевой программе «Культура России (2012—2018 годы)» — как на стажировки сотрудников, так и на реставрацию отдельных документов редкого фонда. По нашей просьбе сотрудники центра консервации документов ГПНТБ СО РАН осенью 2014 года провели для всех работников сектора сохранности фондов краткосрочную стажировку. Эта стажировка не только позволила совершить качественный рывок в работе, но и повысила самооценку членов коллектива: мы убедились, что наши упорные самостоятельные занятия принесли плоды и основами профессии мы владеем. В 2015-м получила одобрение наша заявка на стажировку в Федеральный центр консервации библиотечных фондов, где под руководством художника-реставратора центра был выполнен полный комплекс мероприятий по реставрации бумажной основы документа из коллекции Колывано-Воскресенских заводов. Была восстановлена книга «Славные деяния Фридриха Великого», сильно поврежденная плесенью: крышки переплета и бумага в правом нижнем углу документа на всю толщину блока подверглись деструкции, покрытие с крышек было частично утрачено, видны были рукописные листы, из которых эти крышки сделаны, они и заинтересовали специалистов. Поездка в Санкт-Петербург была очень насыщенной, специалисты центра помогли в решении вопросов, скопившихся у нас со времени открытия лаборатории.

Конечно, хотелось бы иметь все и сразу. Развитие материально-технической базы сектора необходимо, так как услуги наши востребованы и за пределами библиотеки: помимо выполнения государственного задания по консервации фондов отдела ценной и редкой книги, текущему ремонту и переплету документов для отделов, имеющих подсобные фонды, на договорной основе проводились работы по дезинфекции книг из библиотеки Новосибирского государственного художественного музея, для Мошковского краеведческого музея в 2018 году были отреставрированы две книги, реставрируются и книги из частных библиотек новосибирцев.

В минувшем году большая работа проводилась к открытию Интерактивного музея книги, все документы в витринах музея прошли подготовку к экспонированию: очищались от загрязнений переплеты, жировалась кожа.

Фонды библиотеки активно переводятся в цифровой формат, что дает свободный доступ к наиболее интересным документам. Но на практике иногда приходится работать с поврежденными изданиями, которым оцифровка может нанести существенный вред. Тут вступает в силу приоритет сохранности над доступностью: оцифровка документа откладывается, и принимается решение либо о реставрации, либо о консервации до лучших времен, когда новые технологии оцифровки позволят работать с этим документом, не вызывая повреждений.

При оцифровке коллекции сатирических журналов начала XX века были выявлены несколько документов, находящихся в очень ветхом состоянии. Сильно поврежденные плесневыми грибами, при малейшем прикосновении к листам документы буквально ломались. Было решено их отреставрировать. Еще пару лет назад эта задача была бы невыполнима: ей не соответствовали ни материальная база сектора, ни квалификация и опыт сотрудников. Благодаря успешному освоению современных технологий и опыту, полученному в процессе стажировки в Российской государственной библиотеке по направлению «Реставрация руинированных документов», за два месяца были отреставрированы 20 журналов разной степени повреждения: они очень бережно очищались, разбирались и промывались между листами специального нетканого материала, это позволило избежать дальнейших повреждений и утрат. После промывки реставраторы скрупулезно восполнили утраты и продублировали ветхую бумагу тонкой и прозрачной реставрационной бумагой. В результате кропотливой работы журналы были оцифрованы и вернулись в фонд отдела ценной и редкой книги. Они хранятся теперь в микроклиматических контейнерах — коробах из специального бескислотного картона, защищающих документы от влияния вредных факторов окружающей среды, таких как пыль, ультрафиолетовое излучение, перепады температуры и влажности и пр.

Через наши руки проходят не только журналы, сравнительно небольшие по объему, но и вполне солидные издания (некоторые по 700 и более листов). Работа с любым документом, требующим реставрации, проводится по тому же алгоритму, только время работы увеличивается пропорционально объему и характеру повреждений и может занимать многие месяцы. Реставрация не терпит форсирования событий: если деформированные деревянные крышки нужно выдерживать не менее двух отопительных сезонов под грузом, то лучше заранее смириться с длительным ожиданием, чем, поспешив закончить работу, через год вновь получить книгу практически в том же состоянии, что и до реставрации.

Кто же главный враг книги?

В библиотечной среде популярно высказывание «Главный враг книги — библиотекарь», принадлежащее якобы корифею отечественного библиотековедения Э. Р. Сукиасяну. В каждой шутке есть доля шутки, но и не меньшая доля правды: ремонт силикатным клеем, скотчем, неправильная расстановка и упа-

ковка при перемещениях и т. д. приводят к серьезным повреждениям, сокращают жизнь книги, увеличивают время (и стоимость!) ее реставрации. Зачастую это делается без злого умысла, вроде бы в силу вполне объективных причин: по незнанию или из-за отсутствия других материалов для ремонта, нехватки места в хранилище, отсутствия времени для качественной упаковки... Но в результате все равно виноват библиотекарь, о чем и свидетельствуют выдержки из архивных документов, в частности отчета за 1941 год, которые приводит в пример А. Н. Юмина: «В вопросе охраны книжных фондов не было проявлено нужного упорства и находчивости для предохранения книг от порчи грызунами. При клубе (им. Сталина, где располагалась библиотека. — А. Ю.) имеется продовольственная база, которая является рассадником крыс и мышей. Но в этом году клуб не принимал никаких мер против грызунов, и их развелось очень много. Библиотека испробовала много всяких способов уничтожения грызунов, но поскольку она эту работу вела одна, должного эффекта не получилось...»*

Трудно представить, в чем еще должны были проявиться упорство и находчивость: пригласить крысолова или развести там побольше кошек?

Свидетельствуют документы и о читательских грехах. В отчете за 1944 год: «Библиотека выявила и хорошо знает свои недочеты. В 1945 году мы будем бороться за их устранение. Читателям нужно помочь библиотеке и в первую очередь покончить с позорным явлением, еще имевшим место в 1944 году: хищение книг, газет, вырезывание и вырывание листов, надписи на книгах и т. п. Все читатели должны мобилизоваться на борьбу со злостными книговредителями, пробравшимися в нашу библиотеку...»**

Читатели во все времена бывают разные. Один оставляет аккуратные карандашные пометы и затем тщательно конспектирует выделенные фрагменты в блокнот, а другой без тени сомнения выдирает листы, и это даже в нашу цифровую эпоху, хотя можно достать из кармана смартфон и сделать снимок.

Во все времена библиотекари старались воспитывать читателя: правила, памятки, закладки призваны напомнить, как нужно обращаться с книгой. А такие проекты нашей библиотеки, как «Воспита́й читателя», «Интеллектуальная мастерская “Книжный шкаф”», призваны формировать в читателях любовь к книжному наследию, и мы активно участвуем в их деятельности.

С первых дней открытия в отделе книгохранения реставрационной лаборатории она оказалась в центре внимания СМИ: журналисты обеспыливали фонды в комплексе для щадящей очистки библиотечных и архивных материалов, удаляли скотч со страниц, ремонтировали книги на мастер-классах... Такой мощный промоушен не остался без последствий: на отдел буквально обрушилась лавина звонков от жителей города, желающих научиться ремонтировать книги. Мы откликнулись на призыв новосибирцев циклом мастер-классов «Вторая жизнь любимых книг». В рамках проекта «Интеллектуальная мастерская “Книжный шкаф”», созданного при поддержке Фонда Михаила Прохорова, десять новосибирцев под нашим руководством прошли весь путь сотворения книги — от изготовления бумаги до создания книги в твердом переплете, причем мраморную бумагу для обложки своей книги каждый сделал сам! Цикл из пяти мастер-классов стал серьезной проверкой наших организаторских

* Юмина А. Н. НГОНБ в контексте истории // Страницы истории. Областной научной библиотеке — 80 лет. — Новосибирск, 2009. — С. 65.

** Там же.

и педагогических способностей. И по сей день мы сохраняем дружеские отношения с нашими участниками: общаемся в соцсетях, помогаем при необходимости советами.

Сейчас приемы простой реставрации активно осваивают наши коллеги, чтобы самостоятельно осуществлять мелкий ремонт документов из подсобных фондов своих отделов. Это позволит хотя бы немного разгрузить сотрудников сектора сохранности и сосредоточиться на более серьезных задачах. Ведь второго рождения ждут сотни замечательных книг.

Хранители сибирской истории

Одно из самых перспективных направлений сегодняшней работы НГОНБ — краеведение. По определению С. И. Ожегова, краеведение — это изучение отдельных местностей страны с точки зрения их географических, культурно-исторических, экономических, этнографических особенностей. А по сути своей, как сказал писатель Виталий Бианки, краеведение есть жизневедение — приобретение знаний из окружающей нас жизни и передача их людям. Именно такая работа по накоплению и передаче знаний ведется всеми областными и краевыми библиотеками. В Новосибирской областной научной библиотеке специализированный отдел официально открылся совсем недавно — 1 сентября 2015 года, но краеведческая деятельность велась библиотекой на протяжении всех 90 лет ее существования.

Большая заслуга в деле создания и функционирования Сибирской (позднее — Западно-Сибирской) краевой научной библиотеки принадлежит Пантелеймону Константиновичу Казаринову, который был не только библиографом, но и историком-краеведом. Он не только стал первым директором учреждения, но и активно участвовал в создании его фонда — именно при его участии в Новосибирск была перевезена из Барнаула уникальная коллекция «Библиотека Колывано-Воскресенских заводов», которая и в настоящее время является жемчужиной фонда ценной и редкой книги НГОНБ. Также Пантелеймон Константинович обратился во все крупнейшие книгохранилища страны с просьбой помочь новой библиотеке с книгами. Просьба нашла отклик — началось интенсивное пополнение книжного фонда из Государственной книжной палаты, Библиотеки Академии наук и других крупнейших библиотек страны. Наследницей этого уникального собрания является ныне Новосибирская государственная областная научная библиотека.

В 1932 году были заложены основы краевой библиографии, которая до 1938 года была основным содержанием работы библиографического отдела. Весь материал о Сибири обследовался и учитывался с предельной полнотой. К определению Сибири применялся самый широкий подход: от Урала до Тихого океана.

В пятидесятые годы библиотека выступила инициатором координации библиографической деятельности библиотек Западной Сибири. Это положило начало зональному объединению библиотек в области краеведческой библиографии. Начали издаваться краеведческие библиографические пособия: «Периодика Западной Сибири», «Литература о Западной Сибири» и др. Закономерным стало появление в феврале 1961 года отдела зональной краеведческой библиографии, координировавшего краеведческую работу библиотек по всей Западной

Сибири. Это направление развивалось и в течение следующих лет, в большой степени ориентируясь на потребности читателей.

В настоящее время можно назвать следующие направления краеведческой работы:

- выявление информации о Новосибирске и Новосибирской области и предоставление ее пользователям через систему каталогов, краеведческих библиографических изданий и баз данных по краеведению;
- справочно-информационное обслуживание пользователей по вопросам краеведческой тематики;
- научно-исследовательская работа по краеведению;
- просветительская работа в области краеведения;
- методическое обеспечение краеведческой деятельности библиотек региона.

Это если говорить сухим канцелярским языком. Но стоит внимательнее присмотреться к работе библиотекарей-краеведов. Ведь литература об области не просто выявляется и предоставляется пользователям, каждая книга, так или иначе связанная с нашей областью, проходит через руки библиотечных работников. Книги внимательно просматриваются или прочитываются от корки до корки. Так же внимательно изучаются издания местных СМИ. Все самое интересное, что удастся выявить краеведам-библиографам, описывается согласно ГОСТам и вносится в «Объединенную базу краеведческих статей», которая существует с 1997 года и объем которой на сегодняшний день составляет более 100 000 записей. Помимо электронных баз данных, надежным помощником в работе для историков, студентов, учащихся и специалистов различных сфер деятельности является традиционный карточный каталог. В нем собрано около 360 000 описаний, в том числе около 12 000 рукописных карточек и примерно столько же вырезок из периодических изданий разных лет. С 2012 года каталог не ведется, но им продолжают интересоваться краеведы и историки.

Если наш пользователь ограничен во времени или не знает, с какой стороны подступиться к сложным систематическим каталогам, то для него на сайте библиотеки доступен раздел «Спроси библиографа», из которого все вопросы, так или иначе связанные с регионом, переадресовываются краеведам. Иногда нашим специалистам приходится перелопатить огромный массив всевозможных документов, чтобы в полной мере удовлетворить поступивший запрос. Также вопросы поступают к нам и через Новосибирский краеведческий портал. Наши пользователи не только изучают представленные материалы, но и с удовольствием делятся своими и даже иногда исправляют допущенные нами ошибки. Особенно часто интересуются населенными пунктами, известными людьми, имеющими отношение к Новосибирской области, традициями народов, проживающих на ее территории. А если принять во внимание, что область наша является правопреемницей огромного Сибирского края (включавшего современные территории Новосибирской, Томской, Кемеровской областей и Алтайского края), то зачастую справиться силами библиотечных работников просто невозможно, необходима помощь архивистов.

Сотрудники отдела краеведения охотно участвуют в исследовательской работе, сотрудничают с библиотеками других регионов, Москвы и Санкт-

Петербурга. Они стараются взять у соседей все самое лучшее, чтобы обеспечить наших пользователей максимумом полезной информации. С таким же удовольствием краеведы-сибиреведы делятся собственным опытом. Многие проекты осуществляются в сотрудничестве с другими учреждениями культуры и науки. Так, в области хорошо знают выпускаемый НГОНБ и Государственным архивом Новосибирской области «Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области». Это ежегодное издание, которое помогает в изучении истории родного края.

Традиционным направлением краеведческой работы было и остается литературное краеведение. Оно связано с изучением творчества авторов, которые писали и пишут о нашем крае или творили здесь, и приобщением к нему читателей. В своей повседневной практике библиотекари стараются пропагандировать творчество земляков-новосибирцев — местных поэтов и писателей, в библиотеке часто проводятся мероприятия с их участием, работают клубы для начинающих писателей, литературные объединения. Проводятся встречи и в рамках «Краеведческой лектория». В качестве лекторов приглашаются известные политики, ученые, историки, краеведы и т. д. В экологическом просвещении также очень важным является краеведческий компонент. Именно поэтому на каждом мероприятии, посвященном проблемам охраны природы, уделяется большое внимание экологии Новосибирской области и города Новосибирска, особенно проблеме сохранения ресурсов рек и озер области, заповедников, памятников природы. Практически все мероприятия сопровождаются показом презентаций, для создания которых в ряде случаев используются материалы электронного архива краеведческих документов.

В настоящее время все большую популярность получают электронные коллекции краеведческой тематики. Только за три последних года было создано несколько крупных электронных коллекций: «Новониколаевск в огне революции» (к 100-летию революционных событий и Гражданской войны в Сибири), «Комсомол Новосибирской области» (к 100-летию ВЛКСМ), «Спортивная жизнь Новосибирской области». Неизменным интересом пользуется коллекция «Жизнь Сибири», в которую входят документы по всем отраслям жизни в Сибирском регионе. Помимо научных изданий, в коллекциях есть блоки художественной литературы. Прелесть подобных коллекций в том, что воспользоваться ими может каждый желающий в режиме 24/7, для этого не нужно даже быть пользователем НГОНБ, нужно только иметь доступ к сети Интернет.

В заключение хотелось бы отметить, что краеведение — вещь очень интересная, занимательная, открывающая такие пласты знаний, о которых часто мы даже и не подозреваем. Изучайте историю родного края, ведь как нельзя жить в стране, не зная ее языка, так нельзя жить в регионе, не зная его истории.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ПОЛИЦИИ ВАСИЛИЙ ШУШАКОВ: «ГВАРДИЯ БЫЛА ЭЛИТОЙ ВО ВСЕ ВРЕМЕНА!»

Шушаков Василий Сергеевич — уроженец Алтайского края. Начал службу в органах внутренних дел в 1992 г. После окончания Омской высшей школы милиции работал в уголовном розыске и криминальной полиции Омска. В 2005 г. был назначен начальником УВД по Центральному району Новосибирска, в 2009-м — заместителем начальника УВД по Новосибирску. С 2011 г. работал заместителем начальника полиции МВД России по Новосибирской области. В 2016 г. приказом директора Федеральной службы войск национальной гвардии РФ генерала армии Виктора Золотова Василий Шушаков назначен начальником Управления Росгвардии по Новосибирской области. Живет в Новосибирске.

— Василий Сергеевич, только что, вручая мне буклет о целях и задачах Росгвардии, вы сказали: напечатан он для тех, кто недавно пришел в ваши ряды, — чтобы, утром проснувшись, открыли, почитали и вспомнили о том, где и зачем служат... А ведь наверняка был момент, когда и вы так же — проснулись и вспомнили, что с сегодняшнего дня уже служите в Росгвардии...

— Это верно, был такой момент... Указ о создании Росгвардии был опубликован 5 апреля 2016 года, и после того, как Верховный главнокомандующий В. В. Путин подписал его, всю весну и лето шел процесс приема-передачи зданий, сооружений, техники, личного состава... Как вы знаете, часть подразделений, входивших до указа в структуру МВД, была передана Росгвардии. Это подразделения вневедомственной охраны, лицензионно-разрешительной работы, СОБР, ОМОН, авиационный отряд специального назначения... На все это, конечно, требовалось время. И потому днем рождения Управления Росгвардии по НСО стало 30 сентября 2016 года — согласно приказу директора Федеральной службы войск национальной гвардии РФ. Соответственно, проснулся я в качестве начальника Управления 6 октября...

— Признаться, я практически ничего не знаю о вашей службе, потому вполне могу сказать, что в разговоре с вами отражаю обывательскую точку зрения. И вот мне, как обывателю, совершенно непонятна логика Верховного главнокомандующего — для чего нужно было вычленять из МВД перечисленные вами подразделения, объединяя их под отдельным командованием? В чем государственная необходимость?

— Вопрос, конечно, не праздный. Вот уже более трех лет Национальная гвардия существует, а большая часть населения имеет весьма туманное представление о том, что это за структура. Некоторые считают, что Росгвардия находится в системе МВД, иные — что в подчинении Министерства обороны... И это понятно: ведь простому человеку оно, в принципе, неинтересно! Для гражданина важно, чтобы в стране был порядок и безопасность, чтобы он мог спокойно пройти по улице в любое время суток, чтобы, вернувшись домой, не застал свою квартиру разграбленной, а в праздник уверенно мог гулять с семьей по городу, зная, что его дети не попадут под каток какой-нибудь разъяренной митингующей толпы... Тем не менее, я согласен: люди должны знать, кто бережет их покой, обеспечивает их безопасность и находится на переднем крае, в окопах этого фронта — зачастую в прямом, а вовсе не переносном смысле! И хотя решения Верховного главнокомандующего военными не обсуждаются, я все же поясню: внешние вызовы, то и дело возникающие перед Российской Федерацией, политика наших так называемых западных партнеров, работа самых разных фондов, направленная на расшатывание внутривнутриполитической ситуации в стране, — все это более чем наглядно нам было продемонстрировано за последние годы! К чему может привести попустительство подобной деятельности, мы с вами видели на примере Украины. Вполне очевидно, что третья мировая война уже идет! Как в «холодном» ее выражении, так и в самом что ни на есть «горячем»! Если выстроить в цепочку все так называемые локальные конфликты, горящие сейчас на планете: будь то Донбасс, Сирия, Ирак или Ливия — мы увидим, что в мире спокойствия практически нет! И в большинстве своем «горячие точки» стали таковыми не оттого, что кто-то вторгся в поlyingающие ныне страны, а по причине так называемых «цветных революций», которые, как нам с вами уже хорошо известно, режиссируются отнюдь не внутри дестабилизируемых государств, а извне.

Подобные методы борьбы, направленные на ослабление геополитических конкурентов или ликвидацию неугодных государственных режимов, рожают и соответствующую стратегию противодействия. Там, где эта стратегия не была вовремя разработана, от государств не осталось ничего, кроме территорий, наводненных вооруженными бандами. Наша страна за тысячу лет своего развития несколько раз переживала подобное: взять хотя бы Смутное время или Гражданскую войну начала прошлого века... Вопрос: хотим мы повторения этого испепеляющего и экономику, и население опыта? Конечно, нет! А если так, то внутри государства должен быть кулак, готовый отразить внутреннюю, направленную на развал экспансию. Если такого кулака не будет, так называемая «митинговая демократия» вновь захлестнет Россию, как это было накануне февраля и октября 1917 года, как это случилось в 1991 году. Спрашивается, становится ли наша страна от подобных потрясений сильнее? Нет.

Статья первая Федерального закона о войсках Национальной гвардии гласит: Росгвардия — это государственная военная организация, созданная для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Акцентирую ваше внимание на словах «государственная и общественная безопасность»! Что такое «общественная безопасность»? Это, прежде всего, мирная жизнь внутри страны!

— **Мирная жизнь внутри страны, как известно, может быть обеспечена разными способами...**

— Я понимаю, о чем вы. Федеральным законом «О войсках национальной гвардии РФ» четко обозначены девять задач, выполнение которых на нас возлагается. Первыми по списку, а значит приоритетными, идут следующие: участие в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, охрана важных государственных объектов и грузов, участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом... Четвертой по счету задачей является участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции. Далее — задачи по обороне Отечества, борьбе с терроризмом, содействие пограничникам, надзор за оборотом оружия и — по решению Президента России — обеспечение безопасности высших должностных лиц.

— **Не совсем понятно, почему вам вменили в обязанность регулировать оборот оружия наряду с более масштабными задачами?**

— Тут как раз все просто... Как известно, лучше учиться на чужих ошибках, нежели на своих: пример все той же Украины показал, что обеспечение общественной безопасности и контроль за оборотом оружия среди гражданского населения и ЧОПов — совершенно взаимосвязанные функции. Ведь с чем столкнулась правоохранительная система Украины? Там во времена Януковича каждый олигарх имел, да и сейчас имеет, свою частную, вооруженную до зубов армию. К чему это привело — общеизвестно.

— **А разве мы в этом смысле далеко ушли от украинцев? Достаточно вспомнить 1990-е годы...**

— С девяностыми годами нынешнее положение дел сравнивать нельзя. Если помните, тогда шла война в Чечне, наводненной оружием. Кроме того, шло массовое воровство «стволов» самых разных калибров — вплоть до гранатометов — с армейских складов. Сейчас ситуация нормализовалась. Того безумия, что творилось на просторах страны, уже нет. Частные охранные фирмы с лицензиями в Новосибирской области работают — это верно. И их много — более пятисот, солидная цифра. И в пользовании у данных организаций находится более полутора тысяч единиц различного оружия, в том числе и автоматического. Но все они осуществляют свою деятельность под нашим контролем.

— **Соответственно, простой человек, например охотник, желающий приобрести оружие, идет теперь в вашу структуру, а не к участковому? И еще сопутствующий вопрос: не получается ли отныне так, что сотрудник**

полиции, желающий проверить, как хранит на подведомственной ему территории свое оружие тот или иной гражданин, нарвется на отказ сотрудничать со стороны обывателя на том основании, что участковый не имеет отношения к Росгвардии?

— Нет, первичные документы гражданин как раз предоставляет именно участковому. Если у кого-то складывается впечатление, что после создания войск Национальной гвардии никакого сотрудничества наших структур с МВД не подразумевалось, то это впечатление ошибочно. Мы не можем не сотрудничать — это непреложная данность. Без межведомственного взаимодействия эффективная работа попросту невозможна. Ведь в конечном итоге и Росгвардия, и МВД работают с людьми и для людей! Это — сверхзадача. И потому не может участковый на своем участке не иметь права проверить оружие у того или иного владельца. Конечно, он имеет такое право! В целях безопасности, в целях общественного спокойствия... И это естественно! Достаточно сказать, что все мероприятия, проводимые органами МВД по задержанию вооруженных преступников или просто по задержанию в ходе реализации оперативных материалов, обеспечиваем мы. Не так давно наша группа СОБРа совместно с сотрудниками ГУ МВД выезжала в один из районов Алтайского края для задержания подозреваемого в убийстве. Практически ни одна их операция не обходится без нас... Со своей стороны, и мы в своей работе стараемся по максимуму использовать потенциал МВД.

— А как насчет в свое время навязшей в зубах межведомственной конкуренции?

— Между нами ее нет. Росгвардия не борется за показатели. Статистика, конечно, есть — считать всегда полезно и нужно, а вот показателей — нет!

«Палочной» системы, спроса по так называемому показателю по АППГ — аналогичному периоду прошлого года — с нас нет. В МВД немного другая специфика: вопрос раскрываемости преступлений был, есть и останется на повестке всегда. От этого в МВД уйти невозможно. Для нас же главный показатель — стабильность в регионе и безопасность его жителей. Если, не дай бог, что-то на нашей территории произойдет, то это будет минус нам. Не только нам, конечно, — всем! — но в первую очередь нам.

— Что имеется в виду под словом «произойдет»?

— Думаю, сценарии того, что может произойти, всей стране известны. Можно вспомнить так называемую «революцию», назначенную господином Мальцевым на 5 ноября 2017 года... Ведь общеизвестно: те, кто платит, заказывают музыку. А те, кто деньги получает, всякий раз стараются доказать свою состоятельность плательщикам. И показателем состоятельности получателей является уровень дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране. Ну а если для каких-то сил существует такой показатель, как уровень дестабилизации, то доброжелателями нашего государства их назвать нельзя. Следовательно, и государство, и общество просто обязаны позаботиться о том, чтобы существовала структура, для которой приоритетным показателем был бы уровень стабилизации. В противовес. А как же иначе в демократическом обществе? Вот мы и есть такая структура.

— **Василий Сергеевич, я уже слышу возгласы ваших возможных оппонентов...**

— Которые скажут, что я, мягко говоря, не прав?

— **Именно.**

— Вы понимаете, быть может, в иной ситуации я бы в чем-то и согласился с моими нынешними оппонентами, если бы не знал некоторых нюансов. Взять хотя бы ту самую «потешную», на первый взгляд, «революцию» Мальцева образца 2017 года. Ведь мало кто знает, что мы тогда задержали в Новосибирске полтора десятка его сторонников, у которых были обнаружены бутылки с зажигательной смесью, оружие, маски... Спрашивается, для чего? В «Зарницу» играть? Ответ очевиден. И что же — власть и ее структуры должны были стоять и смотреть на эти, с позволения сказать, «игрушки»? А если та бутылка с коктейлем Молотова прилетела бы к одному из моих оппонентов в окошко квартиры? Я бы с интересом послушал его мнение о зажиме демократии в этом случае. Даю вам гарантию — он принялся бы на всех углах кричать о том, что власть «бессильна», что «не может защитить граждан», «не в силах обеспечить» и т. д.

— **Ну, теперь уже общеизвестно, что несистемная оппозиция работает в России на профессиональной основе...**

— Вы это правильно подметили. Критерием их полноценности перед наблюдателями является, конечно, массовость протестных акций. А массовость достигается самыми разными, порой изощренными способами. Если брать качественный состав тех, кто выходит на несогласованные митинги в Новосибирске, то в большинстве своем это любопытствующие или те, кто «всегда за любой сабантуй без поножовщины». В основном — молодежь. Очень трудно представить, что та молодежь, которая участвует в этих, с позволения сказать, мероприятиях, является идейно мотивированным сообществом. У этих молодых людей нет жизненного опыта, зачастую нет элементарных знаний по устройству общества, нет того, что есть у людей зрелых, — стержня! Отсюда вывод: они идут по улицам с плакатами и лозунгами либо только потому, что им в жизни не хватает драйва, либо — по более простой причине: их просто используют втемную. А скорее всего — и то и другое в одной корзине! И тогда это вопрос, касающийся уже вовсе не войск Национальной гвардии, — это вопрос воспитания подрастающего поколения.

— **И все же, все же... Давайте сделаем так: я поставлю перед вами очень прямой, даже лобовой вопрос, а вы попробуете так же прямо на него ответить!**

— Хорошо.

— **В первые месяцы после подписания президентом указа о создании войск Национальной гвардии России либеральный интернет взорвался криками примерно такого содержания: «Путин собирается воевать с собственным народом внутри государства и для этого создает специальные войска!» Вы хотите на это что-нибудь возразить?**

— Вы не сказали ничего нового. Практически сразу после моего назначения на нынешнюю должность в одном из блогов было написано примерно следующее: «Назначен главный сатрап Новосибирской области Шушаков, который в 2009 году цинично и жестоко подавил мое правосознание». Не стану называть фамилию этого гражданина, чтобы не делать ему лишнюю рекламу. Но расхожую фразу из фильма Рязанова: «Сатрапы, душители свободы!» — в наш адрес так называемый «креативный класс» употребляет сплошь и рядом. Да и вообще — что бы нового в стране ни происходило, названные товарищи в этом тут же принимают за выискивание некие кремлевские инсинуации... А я хочу в информационное пространство вбросить свой вопрос!

Почему кто-нибудь из жителей страны не выступит в прессе и не заявит о том, что он не хочет жить в стабильном государстве? Ответ: потому, что мы только что этого наелись до отвала в 1990-х годах и повторения не желаем! Я уверен: кроме жалких остатков «семибанкирщины» и им подобных никто такого желания не выскажет! А раз так, то давайте посмотрим: сколько гибнет в год сотрудников правопорядка, чтобы обеспечить эту стабильность, гарантировать безопасность тех же «креативщиков», их семей и их детей? Мало кто ответит. А между тем счет по всей стране идет на сотни!

Или — какое количество террористических актов предотвращено в России? Этого тоже никто не знает! А сколько нейтрализовано подпольных групп боевиков на территории Российской Федерации? Ни одному либералу это не интересно!

Почему никто об этом не думает, когда идет речь о Росгвардии? Почему все криком кричат о несчастном бойце, ударившем девушку в запале потасовки при предотвращении беспорядков в Москве, но никто не возмущается действиями наших французских коллег в их битвах — в истинном смысле битвах! — с «желтыми жилетами» на улицах Парижа? Или отчего никому дела нет, когда в прогрессивной Европе, в Барселоне, испанская полиция на глазах у журналистов «отвешивает» дубинками и правым, и виноватым, и молодым, и старым, и юношам, и девушкам так, что нам и не снилось? Я уже не говорю о том, что вытворяют в толерантной Америке полицейские, всаживая по тридцать пуль в чернокожих подростков, лишь только им покажется, что у пацанов есть оружие...

Ответ на эти вопросы прост: гораздо легче огульно говорить, что все плохо в России, чем попытаться во всем разобраться.

— А если не секрет — каким арсеналом располагают войска вашего ведомства в регионах? Что они могут?

— Скажу так: арсенал у нас достаточный для реализации задач, которые я перечислил в начале разговора. Хотя на момент формирования службы три года назад мы располагали тем же, что было в наличии в МВД. Какое-то время у нас была острая необходимость в эффективном оружии нелетального действия и специальных средствах. Сейчас эта проблема практически решена.

Но не стоит думать, что мы «заточены» исключительно на противодействие несогласованным акциям. О совместных действиях с МВД я уже говорил, также не нужно забывать и о том, что проблему Северного Кавказа пока тоже никто не отменял...

— Северного Кавказа, вы сказали? Прошу прощения...

— Вы, я вижу, удивлены. Тем не менее это реальность — наши подразделения по-прежнему выезжают в командировки на Северный Кавказ. Каждый год — в течение почти тридцати лет! Уже несколько поколений сотрудников сменилось, а мы все еще ездим туда. И каждая такая служебная командировка — это выполнение конкретных боевых задач.

— Но каких? Ведь войны на Кавказе уже давно нет!

— Полномасштабных боевых действий нет. А вот террористы, экстремисты, боевики еще остались — с этой публикой не договоришься и с помощью оружия нелетального действия не справишься. В отношениях с ними существует только один убедительный аргумент с нашей стороны — реальная боевая работа. В наших командировках в те края бывает все: и боестолкновения, и изъятие оружия, и обезвреживание взрывных устройств... Телевизор ведь смотрите! То и дело там новости: в таком-то селении обезврежена группа боевиков, скрывавшихся в частном доме... Чья это работа? Бойцов Росгвардии! Да и у нас тут хватает подобных ситуаций. С той лишь разницей, что в Сибири нашими «клиентами» являются, как правило, не нанятые кем-то террористы, а обычные преступники: совершили преступление, залегли на дно в какой-нибудь квартире, а когда поняли, что разоблачены и вот-вот будут схвачены, баррикадируются с угрозами перестрелять и взорвать всех, а еще, глядишь, и заложников берут. Или — персонажи, помахавшие «на пьяной бытовой почве» ножом направо-налево, смертельно ранившие людей, а потом осознавшие всю тяжесть содеянного...

— Смешно.

— Смех-то смехом, конечно, но, когда мы заходим к такому товарищу, нам не до веселья, поскольку там, бывает, трое окровавленные лежат, а у горла четвертого он нож держит... Радует лишь то, что хоть этому четвертому жизнь спасаем!

А было еще и так, что группа принявших ислам неофитов славянской национальности занималась тем, что зарабатывала всеми способами деньги для своих единоверцев, будоражащих российский Кавказ, и отсылала им все заработанное. Попутно планировали в Новосибирске захват органов внутренних дел... Этим пришлось в натуральном смысле штурмовать. Когда их взяли, обнаружили такой арсенал оружия и взрывчатки, что им можно было обеспечить целый отряд. Правда, это было еще в 2011 году. Но мы не делим свою историю на «до» и «после» формирования Росгвардии. Некоторые наши отряды были сформированы еще в Советском Союзе и работают до сих пор.

— В нашем разговоре как-то в тени остается и еще одно ваше подразделение — вневедомственная охрана.

— Ну отчего же в тени? Это — уважаемая служба. Хотя бы потому, что существуют они вот уже более шестидесяти лет! И тоже работают не за страх, а за совесть. Достаточно осознать, что их потери в мирное время составляют двенадцать человек. Вот вам простой счет... А почему так? Да потому, что ребята из вневедомственной охраны всегда первыми реагируют на любой сигнал, любой

телефонный звонок и выезжают по нему первыми. Часто не зная, что ждет их на месте. И именно от их первоначальных действий зависит то, по какому сценарию ситуация будет развиваться в дальнейшем. Это, скажу я вам, огромная ответственность. И большое наше счастье, что службу эту несут люди высокопрофессиональные. Во всех отношениях.

— **Кстати, о профессионализме. Я помню, как в начале 2000-х брал интервью у многих высокопоставленных сотрудников МВД, которые в открытую сокрушались, что вынуждены принимать на службу практически всех желающих, поскольку заработок у рядового состава тогда был мизерный...**

— Да, порядка восьми тысяч рублей в месяц.

— **...и по этой причине нормальные, перспективные ребята в органы МВД вовсе не стремились. В тех условиях это, конечно, было объяснимо. Но однажды генерал-полковник Сковордин, начальник Главного управления МВД по СФО, на полном серьезе сказал мне, что уверен: пройдет совсем немного времени, и в органы правопорядка сотрудников будут принимать по конкурсу. Сбылось ли предсказание генерала? Испытываете вы сегодня кадровый голод?**

— Скажу сразу: некомплект у нас очень небольшой. Как говорится, в рамках рабочей погрешности... Но у нас и очень жесткий отбор. А отбор сейчас осуществляется такой же, как в МВД: помимо медицинской комиссии, идет исследование пригодности к нашей службе на полиграфе. Это необходимо, поскольку дает возможность проверить кандидата на причастность к преступлениям, преступным сообществам, пристрастие к алкоголю, наркотикам и прочей гадости... И конечно, с каждым претендентом на наши погоны скрупулезно работают психологи ЦПД (Центра психодиагностики), предлагая пройти множество тестов. На этом этапе отсеивается очень большой процент кандидатов. Иногда бывает даже так, что парень пройдет и «медицину», и полиграф: здоров как бык, не привлекался, не участвовал, не употреблял, — а на ЦПД завалится... Но что тут сделаешь? У нас должны работать люди надежные во всех отношениях. Бывает даже так, что отслужившие срочную службу в спецназе Министерства обороны приходят к нам и — не соответствуют требованиям, предъявляемым для службы в Росгвардии! Мы порой жалеем о некоторых отсеявшихся ребятах: готовы бы взять, но раз не прошел — значит, не прошел. Ничего не поделаешь.

— **Послушать вас, Василий Сергеевич, так можно подумать, что на крыльце Управления очередь стоит из желающих поступить в Росгвардию...**

— Очередь не очередь, но скажу прямо: стремление служить в спецподразделениях у российских парней не отпало. И это меня очень радует! Стремление есть — несмотря на то что все прекрасно знают: служба сопряжена с боевыми задачами, командировками на Кавказ, риском для жизни в мирное время. В первоначальных списках желающих служить у нас стоят десятки фамилий.

Возвращаясь к вашему вопросу о «нулевых» годах: тогда счет кандидатов шел на единицы. А сейчас — да, конкурс есть. Другой вопрос, что не все его проходят... Но это уже не к нам претензии, а к уровню жизни населения, к здравоохранению... Даже к тому, что ежедневно показывают по телевизору! Не будь столь жесткого отбора по медицинским и психологическим показателям — молодые люди, как вы выразились, стояли бы на нашем крыльце в затылок друг другу.

— А не случается разочарований среди личного состава? Из разряда: «Тут, оказывается, еще и пахать надо!»

— Практически нет. Я всегда говорю нашим новичкам: вы идете к нам не работать, а служить. Служить Родине! Поэтому слово «работать» забудьте! А что такое служба? Служба — понятие, предполагающее все тяготы и лишения, которые нужно — что? Правильно: стойко преодолевать! Да, государство заключает с человеком контракт, по которому должно перед ним выполнить определенные обязательства, и это напоминает наем на работу. Но есть такое понятие, как приказ! Есть такое понятие, как долг! Есть, в конце концов, честь бойца, офицера! Это в контракте не прописано. Но оно все есть! Человек, встающий на защиту своей Родины, без глубокого понимания своей миссии не сможет ее защищать — это доказано всей историей нашей страны. И на срезе такого вот понимания у нас с новобранцами разговор короткий: «Ты готов выполнять долг? — Готов! — Тогда вперед! А если не готов, то — извини...»

— Раньше эту работу проводили замполиты. Или в Росгвардии нет подобной должности?

— Ну как же нет? Есть, конечно... Только называется она немного иначе: заместитель командира по работе с личным составом. И она крайне необходима в условиях нынешнего общества.

— Какие вы интересные вещи говорите! Помнится, даже в советское время в армии были авторитетные маршалы и генералы, утверждавшие, что комиссары-политруки-замполиты — лишняя обуза для вооруженных сил и что гораздо было бы лучше без них! В ельцинское время тоже продвигались идеи, что люди с оружием, находящиеся на службе государства, должны быть вне политики... А сейчас — что же? Все наоборот?

— Вопросы воспитания личного состава, тем не менее, никто не отменял. А сегодня, я вам скажу, они приобрели еще большую актуальность, нежели за всю историю российских вооруженных сил.

— ?

— Сейчас объясню. Судите сами: при монархии в армии была должность полкового священника, а Русская православная церковь являлась институтом государства. То есть человек, до того как был рекрутирован, воспитывался в религиозном обществе, затем приходил в армию — и ему там батюшка тоже объяснял, что такое хорошо, а что такое плохо. После Великой Октябрьской революции и вплоть до 1991 года все без исключения военные и военизированные подразделения, ведали ли они внутренними делами или вопросами

обороны, тоже имели комиссаров или заместителей командиров по политчасти. А воспитанием допризывников в Советском Союзе занимались почти с детского сада: школа, октябрятская организация, пионерия, ВЛКСМ, КПСС, Осоавиахим и ДОСААФ, в конце концов! В новой же России на идейно-нравственное воспитание подрастающего поколения оказывает влияние улица, телевизор и Интернет. Семья, в которой родители работают с утра до ночи, надеется на школу, а школа официально от всякого воспитания дистанцируется, так как она теперь не учит и не воспитывает, а оказывает образовательные услуги... Вопрос: на кого еще можно положиться в этом деле? Не на кого!

В итоге молодой человек, выходящий в большой мир из образовательного учреждения и родительского дома, имеет такую кашу в голове, что мама не горюй! И точно такой же молодой человек приходит на службу к нам. И уже мы обязаны его воспитывать! Ему двадцать пять лет, а с ним еще работать и работать... Поэтому без замполитов, как их раньше называли, в нашей системе не обойтись.

— Если вспомнить Советскую армию, то в ней в большей степени новобранец получал заряд бодрости и патриотизма от старослужащих, нежели от политработников... Особенно в частях, размещенных в Афганистане.

— Это верно. Но у нас сейчас идет смена поколений. Люди, прошедшие военные конфликты и войны, уходят. Вот уж кого патриотизму и тому, что в этой жизни почем, учить не надо. Каждый из них — готовый политработник высшего разряда. Но они уходят. Кто устал, кто по здоровью, кто по иным причинам... Им на смену приходят пацаны с совсем иными ценностями в головах.

— Возникают проблемы чистоты рядов?

— Конечно! Молодежи России нужны, очень нужны квалифицированные идейные наставники! Ведь мы своих бойцов не с луны берем — они приходят к нам из российского общества. И вот мы принимаем на службу людей, которым болячки общества не чужды, это ведь естественно! И они должны хорошо служить этому обществу. А чтобы хорошо служить, они должны становиться лучше, чем были в гражданской жизни. Спрашивается, кто должен их сделать лучше? Где взять этого волшебника или гипнотизера, который бы — бац! — и каждого проходящего к нам с улицы пацана делал бы в одночасье лучше? Нет такого волшебника... И что же делать? Спору нет, надо воспитывать! Но воспитание идейного борца, бойца, рыцаря без страха и упрека — процесс не одномоментный. Иногда целой жизни не хватает, чтобы воспитать такого... И вот какой-нибудь такой боец или офицер служит. И совершает ошибки. Иногда — ошибки роковые. Иногда — даже преступления. Когда подобное случается, на всех углах начинается крик и шум... Пресса неистовствует... Разнокалиберные депутаты и общественники выступают на всех каналах, обличая преступников и коррупционеров в погонах... И т. д. и т. п. Но отчего же никто и никогда не скажет о том, откуда он взялся, этот преступник в погонах? Отчего никто не задумается на тему, что пришел-то он служить из общества потребления, где и стремление к легкой наживе, и преступность, и коррупция также присутствуют? И присутствуют

в еще большей степени! Почему же, надев на плечи погоны, боец в одночасье должен измениться? На каком основании? Что на него должно снизойти, чтобы он, облачившись в форму, вдруг стал честнейшим человеком? Ведь весь его предыдущий жизненный опыт давал ему совсем иные нравственные ориентиры или — в лучшем случае — вовсе никаких ориентиров не давал! На эти вопросы ни у общественников, ни у депутатов, ни у прессы нет ответов... А оплеухи в адрес и наших сотрудников, и сотрудников МВД — есть!

Конечно, мы ведем среди росгвардейцев воспитательную работу. Одно слово «гвардия» уже обязывает ко многому! Во все времена гвардия была элитой любых войск. И личному составу мы всегда стараемся внушить: ребята, вы должны соответствовать этому высокому званию! Вы первые по зову Родины должны встать и пойти, куда прикажут.

Мы стремимся воспитать в наших бойцах чувство гордости за свою службу и, как следствие, ответственности за страну — вот что для нас главное. Я вам честно скажу: русский, российский воин силен прежде всего не выучкой, не экипировкой, которой порой не хватает, не пищевым и не денежным довольствием, а силой духа. Самое главное в ОМОНе, в СОБРе, в любом подразделении — отрядный дух.

Мы почему побеждаем всех врагов? Потому что в нашем человеке велика эта непонятная для иноземцев сила — сила духа! У противника — иное дело: они могут не пойти на операцию, если им, к примеру, не выдали на полдник полагающееся по нормам мороженое. У нас такое представить невозможно. Если есть в подразделении отрядный дух — ребята сделают невозможное! Расшибутся, но выполнят задачу. Таков русский человек.

Именно поэтому страна наша непобедима!

Беседовал Андрей Челноков

Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет

Александр ФЕДОРОВ

ВЗГЛЯД ЗА МИЛЛИОН ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Естественно-научные коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея (зоология, ботаника, геология и палеонтология) располагаются в одном из его филиалов — Музее природы (Вокзальная магистраль, 11). Эти коллекции включают в себя образцы, собранные в основном в Новосибирской области, и дают представление о характерных для данной территории флоре, фауне, горных породах и минералах, а также о палеонтологических находках.

Коллекции начали формироваться еще в первые годы существования музея, с 1920-х годов — пополнение шло за счет экспедиционной работы сотрудников музея, случайных находок жителей Новосибирской области, передачи образцов в дар научными сотрудниками биологических и геологических институтов или посредством закупок; на данный момент все естественно-научные коллекции совокупно насчитывают около 14 000 единиц хранения.

Палеонтологическая коллекция содержит около 2500 единиц (из которых около 250 находятся в постоянной экспозиции Музея природы) и не ограничивается окаменелостями, собранными на территории Новосибирской области, включая в себя также и образцы, найденные в других регионах Сибири, а также в Африке, США, Монголии, Германии и других странах. Эту коллекцию можно разделить на две части — палеоботанику (вымершие растения) и палеозоологию (вымершие животные).

Палеоботаническая часть содержит в основном палеозойские растения возрастом 400—200 млн лет — древние хвощи, плауновидные растения, папоротники и псилофиты; остатки растений представляют собой отпечатки листьев, семян, стеблей и коры, а также окаменелые фрагменты стволов. Среди них есть и отпечатки в кернах — цилиндрических образцах горных пород, извлеченных из скважин посредством бурения. Экспонаты собраны в различных регионах Сибири, в том числе и в Новосибирской области.

Палеозоологическая часть представлена коллекцией костей и зубов позвоночных, а также остатками беспозвоночных животных. Среди позвоночных можно выделить два крупных блока — мамонтовая фауна и мезозойские рептилии.

Мамонтовая фауна представлена костным материалом млекопитающих плейстоценовой эпохи (40—10 тыс. лет назад): мамонтов, первобытных бизо-

нов, древних лошадей, пещерного льва и других; самыми многочисленными являются остатки мамонтов — около 400 единиц (в основном кости конечностей, позвонки, коренные зубы и бивни). Наиболее ценные находки среди них — скелет самки мамонта и череп самца. Далее костные остатки можно распределить таким образом: первобытные бизоны (верхние части черепов, отдельные роговые стержни, кости конечностей, позвонки, сборный скелет), носороги (череп, фрагменты нижних челюстей, кости конечностей, зубы, позвонки, сборный скелет), плейстоценовые лошади (череп, фрагменты нижних челюстей, зубы, кости конечностей). Также имеются малочисленные костные остатки пещерного медведя, бурого медведя, овцебыка, пещерного льва, тура и гигантского оленя.

Второй блок позвоночных составляют кости мезозойских рептилий, и наиболее многочисленные из них (около 250 единиц) — остатки динозавров из Кемеровской области (Шестаковский яр, ранний меловой период, 130 млн лет назад). Большая их часть принадлежит пситтакозавру сибирскому, но есть и фрагменты костей стегозавра, зауропода и небольшого хищного динозавра, вид которого не установлен.

Кроме того, в коллекции имеются немногочисленные остатки динозавров и других рептилий, не относящиеся к Шестаковскому яру: окаменелая кожа динозавра, яйца зауропода, кости и зубы мозазавров, скелет ихтиозавра, а также отпечатки скелетов рыб.

География позвоночных получается следующей: кости и зубы представителей мамонтовой фауны собраны в Новосибирской области, большинство костей динозавров привезено из Кемеровской области, а небольшое количество остатков древних рептилий доставлено из Марокко, Германии, Китая, Монголии и США.

Коллекция беспозвоночных представлена в основном ископаемыми фрагментами морских животных палеозоя и мезозоя, причем большую часть составляют трилобиты и раковины моллюсков. Остатки трилобитов — окаменелые панцири и отпечатки панцирей в горных породах — демонстрируют разнообразие этой группы беспозвоночных. Моллюски же представлены окаменелыми раковинами, и в основном это раковины двустворчатых, хотя присутствуют раковины и брюхоногих, и головоногих; среди последних — наружные раковины аммонитов и внутренние раковины (ростры) белемнитов. Имеется также коллекция раковин брахиопод — морских беспозвоночных, похожих на двустворчатых моллюсков. Оставшаяся часть коллекции представлена кораллами и многочисленными образцами морских лилий, строматолитов, губок и археоциат. Беспозвоночные собраны в Новосибирской области и других регионах Сибири.

Обобщая, можно сказать, что в коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея представлены все три геологические эры: палеозой, мезозой и кайнозой. Древние растения и морские беспозвоночные — палеозой, динозавры и некоторые морские беспозвоночные — мезозой, а мамонтовая фауна — кайнозой; в основном вся палеофлора и палеофауна собраны на территории Сибири, но также присутствуют и окаменелости, привезенные из других стран. Большая часть последних находится в постоянной экспозиции.

Самый ценный экспонат — скелет самки мамонта — является одной из ранних находок (он был обнаружен в 1940 году), а уже позже, в 1960-е, стала формироваться коллекция палеозойских растений и животных. Образцы передавались в музей научными сотрудниками Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМС),

основанного в Новосибирске в 1950-е годы; наиболее активно такое пополнение фондов осуществлялось в 1980-х. Параллельно с этим не переставала формироваться и коллекция костных остатков млекопитающих мамонтовой фауны. В связи со строительством новой экспозиции музей с 2011 года стал активно закупать различные палеонтологические образцы и из других стран.

* * *

Выше мы уже говорили о случайных палеонтологических находках, сделанных, как следует из определения, непреднамеренно — например, во время отдыха на берегу реки или при производстве строительных работ. Так вот, палеонтологические образцы, которые поступали в музей этим путем, представляют собой в основном остатки плейстоценовых млекопитающих (ледниковый период). Кости и зубы данных животных — самые доступные и многочисленные среди всех палеонтологических находок Новосибирской области.

Палеозойских морских животных или древние растения случайно обнаружить не так-то просто, для этого нужно знать места выхода соответствующих горных пород на дневную поверхность и специально туда ехать — как правило, эти места находятся вдали от населенных пунктов и не особенно привлекательны для случайного прохожего. Кости же млекопитающих ледникового периода встречаются гораздо чаще — особенно на обрывистых берегах рек, в том числе Оби; в основном такие находки люди приносят в музей осенью, когда уровень воды снижается, обнажая обширные участки дна. Кроме того, остатки животных ледникового периода обнаруживают при рытье котлованов и в речном песке, который поднимают со дна для строительных работ, — кости, особенно крупные, хорошо заметны среди песка и выделяются за счет темного цвета (от светло-коричневого до черного), вызывая интерес у людей и сразу наводя на мысль, что это что-то древнее.

Казалось бы, словосочетание «случайная находка» звучит не очень солидно, однако такие находки порой превышают значимость тех, что были сделаны во время экспедиций; хорошим примером является череп пещерного льва, который находится в постоянной экспозиции музея.

Череп обнаружил житель Новосибирска Г. Н. Ходаровский; важность находки в том, что остатки пещерных львов довольно редки по сравнению с остатками крупных травоядных животных ледникового периода, поэтому череп льва с хорошей сохранностью является большой ценностью.

К случайным, но ценным находкам можно отнести и череп самца мамонта, который также присутствует в экспозиции музея. Этот череп был найден в 1930-е годы при строительстве Новосибирского института военных инженеров транспорта (ныне Сибирский государственный университет путей сообщения) на территории размещения нынешнего Приборостроительного завода. Изначально большая часть передней части черепа была разрушена и отсутствовали бивни, но в 2013 году палеонтологом И. Е. Гребневым проведена реставрация, в результате которой недостающие части были добавлены, а бивни — установлены.

Таковы находки случайные. Цель же экспедиций музейных работников — целенаправленный поиск палеонтологического материала. Поэтому экспедиции снаряжаются либо в те места, где уже совершались находки, либо просто в определенную местность — для разведки потенциально перспективных территорий.

Важнейшая палеонтологическая экспедиция Новосибирского государственного краеведческого музея состоялась в 1940 году, когда во время раскопок в деревне Вахрушево (Коченевский район) был найден скелет самки мамонта, ныне ставший нашей «визитной карточкой».

В последующие десятилетия подобных специальных экспедиций в силу различных причин практически не проводилось, лишь в начале и середине 2000-х годов сотрудниками музея осуществлялись поездки с целью съемок научно-популярных фильмов о палеонтологических находках в Новосибирской области. Сбор окаменелостей во время этих поездок проходил не целенаправленно, а скорее просто сопровождал съемочный процесс. Но с недавнего времени целенаправленный поиск палеонтологического материала возобновился, и достаточно удачными были палеонтологические экспедиции музея в 2015—2019 годах — в этот, казалось бы, небольшой период времени были открыты новые местонахождения остатков мамонтовой фауны, палеозойских растений и палеозойских морских животных, а также были собраны фрагменты окаменелых стволов деревьев, отпечатки листьев кордаитов, отпечатки и окаменелые раковины брахиопод, фрагменты морских лилий, кости и зубы представителей мамонтовой фауны (среди последних есть и чрезвычайно редкая находка — первый молочный зуб мамонта). Все указанные образцы пополнили палеонтологическую коллекцию музея.

Кстати, пополнение музейных коллекций может происходить и с помощью закупки — приобретаются музеем, как правило, те образцы, которые нельзя найти на территории Новосибирской области, либо те, которые являются для нее довольно редкими. При закупке ориентируются на привлекательность экспонатов с учетом того, как они будут смотреться в постоянной экспозиции или на выставке.

К образцам, которые можно привести как пример удачных закупок, относятся трилобиты из Марокко, США и Ленинградской области, остатки динозавров: кости, зубы, окаменевшая кожа (Монголия, Китай), скелет ихтиозавра (Германия), фрагмент горной породы с морскими лилиями (Марокко), сборный скелет шерстистого носорога и др.

Активная закупка окаменелостей происходила в 2011—2014 годах — перед открытием новой экспозиции, но не прекратилась и в дальнейшем: последнее приобретение было в начале 2019 года — у новосибирского палеонтолога И. Е. Гребнева был куплен сборный скелет первобытного бизона, который также был размещен в экспозиции.

...Много лет Новосибирский государственный краеведческий музей сотрудничает с коллективом Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья, внесшим огромный и неоценимый вклад в создание музейной коллекции палеозойских растений и палеозойских морских беспозвоночных. С 1960-х годов и до настоящего времени научными сотрудниками института передавались в дар образцы, собранные ими в экспедициях, — так сформировалась практически вся коллекция палеозойских морских животных и палеозойских растений.

Остатки палеозойских растений (хвощей, плаунов, папоротников, псилофитов) обнаружены в Новосибирской и Кемеровской областях, Красноярском крае, Республике Хакасия, Алтайском крае и переданы в музей к. г.-м. н. С. А. Степановым, д. г.-м. н. В. С. Сурковым, В. Е. Сивчиковым. Большая коллекция трилобитов была собрана к. г.-м. н. Т. В. Пегель, С. А. Степановым

и к. г.-м. н. С. Г. Гореловой в Красноярском крае, Якутии, Алтайском крае, Новосибирской области, Республике Алтай и в дальнейшем также поступила в наш музей. Раковины брахиопод, двустворчатых моллюсков и аммонитов были переданы С. А. Степановым, Л. Г. Перегоедовым (сборы в Республике Алтай, Якутии, Кемеровской области, Красноярском крае, Новосибирской области, Казахстане, Тюменской области). Кораллы, найденные С. А. Степановым и к. г.-м. н. В. И. Красновым в Красноярском крае, Кемеровской области, Горном Алтае и Республике Коми, тоже пополнили наши фонды, равно как и коллекция строматолитов (Якутия), переданная С. А. Степановым. Также есть образцы, переданные научными сотрудниками Института нефтегазовой геологии и геофизики им. Трофимука СО РАН: коллекция ростров белемнитов и часть коллекции аммонитов (Якутия, Саратовская область) были переданы д. г.-м. н. С. В. Мелединой и к. г.-м. н. Т. И. Нальняевой. Некоторые кости млекопитающих мамонтовой фауны передал в дар музею палеонтолог, к. б. н. С. К. Васильев — специалист по мамонтовой фауне, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (в основном кости были переданы им в 1980-е годы, когда будущий ученый был школьником).

* * *

В экспозиции любого музея можно выделить экспонаты, которые определяют его облик и выделяют среди других; главная характеристика такого экспоната — аттрактивность, т. е. привлекательность. Это предметы, мимо которых невозможно пройти, они притягивают к себе внимание — их еще можно назвать «ударными» экспонатами. В Новосибирском государственном краеведческом музее самые примечательные образцы, среди которых есть даже уникальные, в основном представлены в постоянной экспозиции.

В Музее природы современная экспозиция действует с 2013 года, сменив устаревшую, которая была построена еще в 1974 году, — сначала открылись залы с птицами и млекопитающими Новосибирской области, а в 2014-м к ним добавились залы палеонтологии и геологии.

Структура всей экспозиции — систематический показ музейных предметов. Звери и птицы в зоологическом зале сгруппированы по отрядам и семействам в соответствии с современной биологической систематикой, а минералы и горные породы в зале геологии образуют группы «Горячие горные породы», «Индустриальное сырье», «Химическое сырье», «Ювелирные и поделочные камни».

В палеонтологическом зале образцы также образуют группы (например, «Папоротники», «Хвощи», «Трилобиты», «Рептилии Шестаковского яра», «Мамонтовая фауна»), однако цель экспозиции — наиболее подробно отразить эволюцию живых организмов от начала палеозойской эры (около 500 млн лет назад) и до конца ледникового периода (около 10 тыс. лет назад). Это было достигнуто путем сочетания местных находок с образцами из других регионов; последние дополняют общую картину эволюции, ведь фрагментарность геологической летописи определенной территории не позволяет полностью раскрыть процесс развития жизни на планете и плавно, без перерывов связать все геологические периоды. По причине того, что определенные окаменелости (скажем, кости динозавров) на территории Новосибирской области не встречаются, музей заполнял такие пробелы посредством закупок палеонтологического материала — иначе было бы трудно максимально наглядно показать такую геологиче-

скую эру, как мезозой, а ведь именно динозавры являются наиболее известными ее представителями.

Образцы для палеонтологической экспозиции отбирались, естественно, с учетом их аттрактивности, и демонстрируемые сейчас наиболее выдающиеся экспонаты (целые скелеты, черепа и другие окаменелости без значительных повреждений) полнее раскрывают определенную тему, так как привлекают внимание посетителей и лучше запоминаются. Конечно, можно показать просто фрагменты раковин моллюсков или фрагменты костей мамонтов, но такие экспонаты будут малоинформативны и скучны... Окаменелости с неполной сохранностью не дают исчерпывающего представления о внешнем виде животного или растения и понятны только специалистам, поэтому для экспозиции отбирались образцы с максимально возможной сохранностью. Рассмотрим самые «ударные» экспонаты из палеонтологической коллекции музея.

Оешский мамонт

Если говорить о позвоночных животных, то самым ценным для любой музейной экспозиции является полный скелет, так как он дает законченное представление о внешнем виде животного и в силу этого наиболее привлекателен. В экспозиции Музея природы таким экспонатом является скелет самки мамонта, который был найден в 1940 году в Коченевском районе Новосибирской области на берегу реки Оеш близ деревни Вахрушево.

Тогда двое деревенских школьников, Петя Глебов и Миша Мыльников, отправились искать деревянную палку для игры в лапту и обнаружили торчащий из берега реки правый бивень мамонта. Они рассказали о находке школьному учителю, а тот, в свою очередь, сообщил в Краеведческий музей.

Скелет самки мамонта (Оешский мамонт)

Скелет самки мамонта (Оешский мамонт)

Прибывшие в Вахрушево сотрудники музея и геологи совместно с жителями деревни произвели раскопки, в результате которых был обнаружен практически полный скелет мамонта, сразу же доставленный в музей. Так как животное погибло, увязнув в топком берегу реки, то все кости сохранились целыми и располагались в анатомическом порядке. Сначала из-за скромных размеров скелета и небольших бивней находку определили как скелет молодого мамонта, но при более внимательном изучении было установлено, что скелет принадлежит взрослой самке, которую сотрудники музея в дальнейшем назвали Матильдой.

Однако вскоре началась Великая Отечественная война, в течение которой скелет хранился в разобранном виде, и лишь в 1950-е годы он был смонтирован в экспозиционном зале музея — правда, за время хранения некоторые кости были утрачены...

У этой мамонтихи довольно большой «экспозиционный стаж»: с 1950-х годов и до 1972 года скелет выставлялся в одном из бывших зданий музея — доме купца Маштакова (Красный проспект, 9), а затем музей переехал на первый этаж недавно построенного здания (Вокзальная магистраль, 11), где в 1974 году открылась новая экспозиция; в этом помещении скелет мамонтихи Матильды находится до сих пор, пройдя уже две реставрации.

Первая реставрация проведена в 1974-м палеонтологом Н. Д. Оводовым — была сделана консервация костей, изготовлены муляжи стоп и ребер, а также искусственно наращена правая альвеола (часть черепа, в которой находится бивень). Альвеола была разрушена деревенскими школьниками, когда они вытащили обнаруженный ими бивень.

Вторая реставрация проведена в 2009 году палеонтологом И. Е. Гребневым — кости были обработаны современными укрепляющими составами, изготовлены новые крепежные конструкции и установлены новые муляжи стоп вместо предыдущих. А в 2011 году был проведен радиоуглеродный анализ скелета, зафиксировавший его точный геологический возраст — 26 000 лет.

В 2013 году скелет мамонта экспонировался в музее Северска на выставке «Мамонт в городе»; он был доставлен туда вместе со скелетом шерстистого носорога и другими окаменелостями, и в течение нескольких месяцев местные жители знакомились с мамонтовой фауной и с палеонтологией в целом.

В 2014 году недалеко от Вахрушева мамонтихе Матильде был установлен памятник, на открытие которого были приглашены все жители деревни, в том числе и Т. М. Летягина (директор Вахрушевской основной общеобразовательной школы), дочь одного из первооткрывателей Оешского мамонта — Михаила Мыльниковца.

Скелет Оешского мамонта сочетает в себе и привлекательность, и научную ценность, но, кроме того, он обладает еще и культурной — как объект, отражающий определенный этап в истории Новосибирской области, и выполняет просветительские функции.

В 2020 году исполняется 80 лет со дня находки Оешского мамонта, и, кстати, интересен тот факт, что почти все время экспонирования скелета в залах музея дата его находки была указана неверно: после Великой Отечественной войны старая книга поступлений, в которой регистрируют музейные предметы, была утеряна, а при внесении информации в новую книгу в 1948 году произошла ошибка — датой находки был указан 1939 год. И лишь только в 2009-м была установлена подлинная дата обнаружения самого известного экспоната Новосибирского государственного краеведческого музея.

Череп пещерного льва

Помимо полного скелета животного, важным объектом для изучения является также и череп. В отличие от отдельных костей скелета, он несет в себе много информации: по черепу можно представить облик животного, чем оно питалось (хищное или растительноядное) и многое другое.

Череп пещерного льва

Череп пещерного льва, находящийся в нашей экспозиции, является редкой находкой; он был передан в дар музею жителем Новосибирска Г. Н. Ходаровским, который в 2002 году обнаружил его в размытом берегу реки Мосихи (приток Ини) на территории дачного участка.

Определение геологического возраста черепа выполнено в 2012 году при содействии научного сотрудника Института истории и этнографии, к. б. н. С. К. Васильева — по данным радиоуглеродного анализа, он составляет около 19 000 лет.

Костные остатки пещерных львов довольно редки, а черепа с хорошей сохранностью встречаются еще реже, и сейчас в экспозиции Краеведческого музея данная находка существенно дополняет картину ледникового периода для наших посетителей, ведь если мамонт более-менее знаком широкому кругу людей, то череп льва часто воспринимается как что-то необычное. Действительно, трудно представить, что когда-то на территории Сибири обитали львы!

Коллекция трилобитов

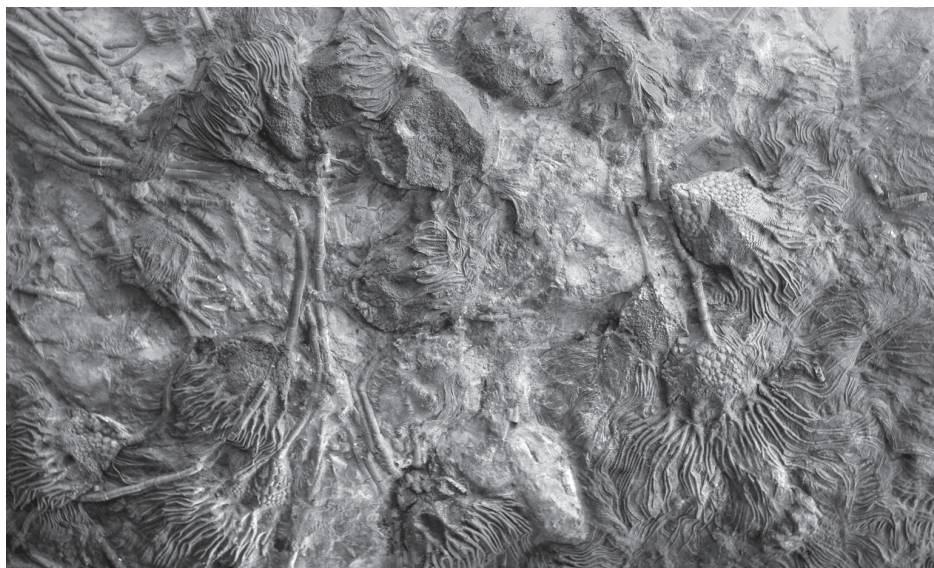
Большим экспозиционным и выставочным потенциалом обладает коллекция трилобитов, приобретенная музеем в 2014 году, — это отпечатки в различных горных породах и окаменелые панцири, весьма разнообразные по цвету, форме и размерам. Многие из них обладают шипами и причудливыми выростами, а настоящим украшением данной коллекции являются трилобиты из Ленинградской области, среди которых можно выделить наиболее яркие образцы — крупный фрагмент известняка с многочисленным скоплением панцирей трилобитов ксеназафусов и фрагмент известняка с панцирем трилобита азафуса Ковалевского, причем последний является довольно своеобразным, так как на его голове имеются длинные глазные стебельки, на вершинах которых находились глаза.

Многообразие и аттрактивность приобретенных музеем трилобитов вдохновили наших сотрудников на создание выставки, целиком посвященной этим интереснейшим древним существам. Азафус Ковалевского стал прототипом для символа выставки — трилобита Тришки, который был изготовлен в виде большой мягкой игрушки, а сама выставка получила название «Тришка и 33 трилобита» — на ней посетители узнавали о том, кто такие трилобиты, об их образе жизни, разнообразии форм и размеров, географии находок и о многом другом. Также специально для выставки была изготовлена диорама с реконструкцией дна девонского моря.

Проходила эта выставка летом 2014 года и была настолько успешной, что в дальнейшем побывала в большинстве районных музеев Новосибирской области, после чего экспонировалась в музее «Город» (Барнаул) и в Бердском историко-художественном музее. Помимо этого, была изготовлена сувенирная продукция с трилобитом Тришкой: футболки, значки, наклейки, детская книжка-раскраска и др.; также изображения Тришки присутствуют в палеонтологическом зале музея около витрин и на сенсорных экранах.

Скопление морских лилий сцифокринитес в известняке

Морские лилии, несмотря на свое название, являются все-таки животными, а не растениями, — это родственники морских ежей и морских звезд, существуют они с палеозоя и дожили до наших дней. Данный экспонат интересен тем,

Скопление морских лилий сцифокринитес в известняке

что обладает очень хорошей сохранностью. Окаменелость была приобретена музеем в 2011 году.

Главная особенность лилии сцифокринитес — пузырь (лоболит), наполненный газом. Обычно морские лилии прикрепляются стеблем ко дну и в таком виде, действительно, напоминают растения. Но у сцифокринитес вместо прикрепительной части стебля был газовый пузырь, что давало ей возможность передвигаться в толще воды.

Скелет ихтиозавра в сланце

Экспонат представляет собой фрагмент сланца прямоугольной формы, в котором находится скелет ихтиозавра, лежащий на левом боку (приобретен музеем в 2012 году). Скелет частично очищен от вмещающей породы, что дает возможность рассмотреть отдельные кости.

Ихтиозавры — морские рептилии, существовавшие на протяжении почти всей мезозойской эры. Внешне этот ящер похож на рыбу, что и дало ему название, ведь «ихтиозавр» в переводе с латыни означает «рыбоящер».

Скелет ихтиозавра в сланце

Скопление фрагментов скелетов пситтакозавров сибирских в известняке

Экспонат представляет собой фрагмент горной породы, в которой лежат три неполных скелета пситтакозавров сибирских — в основном это кости конечностей и хвостовые позвонки.

Пситтакозавры жили в раннем меловом периоде (примерно 130—100 млн лет назад) на территории современной Азии. Это были двуногие травоядные динозавры с высоким и мощным клювом, что и дало им название: в переводе с греческого «пситтакозавр» означает «ящер-попугай».

Пситтакозавр сибирский (один из крупнейших пситтакозавров) обитал на территории современной Кемеровской области. Характерная особенность данного вида — довольно крупные заостренные костные выросты на скуловых костях черепа.

Пситтакозавры были приобретены музеем в 2014 году, а заняли место в экспозиции в начале 2019-го, причем специально для них была смонтирована витрина «Рептилии Шестаковского яра». Кроме непосредственно скелетов, в данной витрине представлены также отдельные кости конечностей и позвонки пситтакозавров, фрагменты позвонков стегозавра, кости зауропода и части скелета хищного динозавра, вид которого не установлен.

Все эти находки были сделаны в геологическом обнажении «Шестаковский яр» (или «Шестаково-3»), которое представляет собой обрывистый берег реки Кии (Чебулинский район Кемеровской области). Шестаковский яр сложен породами мелового периода, в которых, кроме вышеуказанных находок, обнаружено большое количество других меловых животных: разные виды

Витрина с фрагментами скелетов пситтакозавров сибирских в известняке

хищных динозавров, крокодилы, ящерицеобразные, птицы и млекопитающие. Задний план витрины полностью занимает рисунок, выполненный кемеровским палеохудожником А. А. Атучиным, изобразившим группу пситтакозавров на фоне ландшафта Кемеровской области мелового периода.

Сборные скелеты шерстистого носорога и первобытного бизона

Скелеты древних животных, где все кости принадлежат одной особи, являются редкостью, поэтому в музеях довольно часто выставляются скелеты сборные, то есть собранные из костей разных особей одного вида.

Скелеты шерстистого носорога (приобретен в 2011 году) и первобытного бизона (приобретен в 2019 году) были закуплены музеем у палеонтолога И. Е. Гребнева. Располагаются данные экспонаты в экспозиции и вместе со скелетом мамонта составляют единый комплекс крупных травоядных млекопитающих ледникового периода.

Реконструкция пещерного медведя

Данный экспонат не входит в состав палеонтологической коллекции, однако стоит его упомянуть как один из ярких экспонатов в палеонтологической экспозиции. Реконструкция была выполнена в таксидермической мастерской в 2011 году, и на ее изготовление ушло четыре шкуры бурого медведя.

Реконструкция пещерного медведя

* * *

Начав формироваться в первой половине XX века за счет поступления костных остатков млекопитающих ледникового периода, палеонтологическая коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея со временем пополнилась и более древними образцами. На данный момент в ней достойно представлены все три геологические эры фанерозоя — палеозой, мезозой и кайнозой.

За всю историю нашего музея жители Новосибирской области передали в дар множество костных остатков древних млекопитающих (среди которых есть и редкие образцы, например, мамонтовой фауны), обнаруженных в разных местах и ситуациях, в том числе и при строительстве Академгородка. Таким образом неравнодушные люди сделали большой вклад в формирование палеонтологической коллекции музея, за что им огромное спасибо!

Многие палеозойские и мезозойские ископаемые, собранные на территории Сибири, поступили в музей от научных сотрудников геологических институтов — так были сформированы коллекции морских беспозвоночных и древних растений. А в последние годы в ходе экспедиций научных сотрудников музея палеонтологическая коллекция пополнилась новыми образцами, были открыты неизвестные ранее местонахождения морских беспозвоночных, растений и костных остатков плейстоценовых животных, и в это же время происходила активная закупка окаменелостей, которые теперь стали украшением постоянной экспозиции.

Важно отметить, что наша палеонтологическая коллекция — это не просто склад окаменелостей, которые десятилетиями пылятся на полках. Эти предметы живут: они демонстрируются на выставках и различных музейных мероприятиях, из них формируется постоянная экспозиция.

Палеонтологическая коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея является одной из самых востребованных, так как история развития жизни всегда будет актуальна и интересна посетителям.

Яна САФРОНОВА

АЛКОГОЛЬ, КОТЫ И НЕМЦЫ: МАЛЕНЬКИЕ ИТОГИ «БОЛЬШОЙ КНИГИ»

Названы лауреаты «Большой книги», одной из самых престижных (и весомых — призовой фонд составляет 5,5 млн рублей) премий по литературе. В 2019 году победу одержали: биография об авторе одной книги Венедикте Ерофееве; роман про котика; сочинение о непростой судьбе поволжского немца в России.

* * *

Незадолго до финала (на объявлении короткого списка премии) председатель жюри Дмитрий Бак гордо презентовал финалистов: «Можно говорить о том, что нет претендентов “по сумме заслуг”. Это литература, которая заставляет думать, литература про нашу современность. И у премии здесь особенная роль. Сохраняя лидирующие позиции в современном литературном процессе, “Большая книга” обращается прямо к читателю, когда он входит в книжный магазин».

Литература про нашу современность, которая обращается прямо к читателю? Тогда что есть наша современность и почему в итоге она равняется прошлому?

Абстрагируясь от содержательного наполнения, о чем речь пойдет позже, взглянем на фактологию. И обнаружим: из двенадцати книг короткого списка девять изданы в «Редакции Елены Шу-

биной» в составе «Издательства АСТ». В том числе и все без исключения призеры: первое место — «Венедикт Ерофеев: посторонний» Олега Лекманова, Михаила Свердлова, Ильи Симановского, второе — «Дни Савелия» Григория Служителя, третье — «Дети мои» Гузель Яхиной. Можно сказать, конечно, что это лучшая редакция на земле и результат, напоминающий рейдерский захват «Большой книги», связан с качеством выпускаемого продукта — но ведь читателю и альтернативы никакой не предоставляют, чтобы он сравнил и решил...

Господство издательского холдинга «Эксмо-АСТ» нарушают только два произведения* (одно вышло в журнале «Новый мир», второе — в издательстве «Время»), и ни одно из них на бумажном носителе приобрести нельзя. Вот и получается редакционная коллегия в конце года: собрались торжественно в зале Дома Пашкова и подвели итоги ударной работы «Редакции Елены Шубиной»!

...На сайте редакции я увидела картинку: молодая девушка лежит в нимбе из девяти книг шорт-листа «Большой книги», а рядом красуется логотип и внушительный хэштег #МояБольшаяКнига2019 — ну а чья же еще, Елена Даниловна? За это можно быть спокойными.

* Ольгерд Бахаревич, «Собаки Европы» и Александр Гоноровский, «Собачий лес».

Особенно хорошо отработали в этом году по трем направлениям, действительно учитывая читательский запрос.

Книга о Ерофееве отвечает потребностям чаянием людей постарше, для которых поэма «Москва — Петушки» в свое время была желанным и не всегда доступным самиздатом. Роман «Дни Савелия» Григория Служителя рассчитан, разумеется, на молодежь — во-первых, извините, коттики, во-вторых — бесконечные хипстеры, тусеры, растаманы, ну и, в-третьих, переверните книгу: там фото красивого актера Служителя в окне, а рядом, на стене, — его нарисованный чуть ли не в полный рост портрет. Ну как такое визуальное изобилие пропустить — не прочитать, а потом и не запостить в социальные сети? Подарок женщинам — роман «Дети мои» Гузель Яхиной: тут, как и в ее предыдущем бестселлере «Зулейха открывает глаза», многое посвящено трепетному выкармливанию ребенка (на этот раз не из пальца кровью, а просто краденым молоком), неразделенной любви, стоическому одиночеству мужчины.

В итоге — полный охват: мужчины постарше, молодежь, женщины. Если вы вдруг относите себя ко всем целевым аудиториям сразу или просто интересуетесь литературой, то в книжном магазине, где «“Большая книга” обращается прямо к читателю, когда он туда входит», вас ждет неприятный сюрприз... (Вообще-то говоря — действительно, обращается: сразу после объявления результатов в одном из центральных книжных магазинов Москвы прямо около входа установили специальный стенд с произведениями лауреатов премии, пройти мимо просто невозможно.) Если суммировать затраты на книги лауреатов, выйдет две тысячи рублей с копейками. Дороговато, конечно, но на то они и большие книги. Так что же нас ждет там, за красочными, отлично проработанными обложками?

«Эрос вообще выпадает...»

Констатируя победу биографии, жюри одной из главных премий страны не могло не понимать, что оно подтверждает бессилие художественной прозы. Это простое уравнение, которое решит каждый начинающий литературный математик.

В предыдущих сезонах первую премию за поп-fiction присуждали только Льву Данилкину с книгой «Ленин. Пантократор солнечных пылинок» — это случилось в юбилейном для Октябрьской революции 2017 году, а в течение шести лет до этого побеждали художественные произведения. Но если заглянуть в совсем уж далекое прошлое, то биографии лауреатов еще дважды: «Борис Пастернак» Дмитрия Быкова и «Лев Толстой: бегство из рая» Павла Басинского. То есть после шести лет поиска того самого романа наступает эра архива, биографии, даже — филологии. Не самой литературы, а разговора о ней: ведь книга о Ерофееве — это наполовину литературоведческое исследование. Выстраивается и пантеон из достойных: Пастернак, Толстой, Ленин, Ерофеев. С каждым разом выбор все неочевиднее, в этом году — и вообще явно спорный.

Венедикт Ерофеев — автор одного из первых образцов постмодернистской прозы в России, поэмы (как он сам ее называл) «Москва — Петушки». Еще из законченного у Ерофеева — пьеса «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора», которая не осталась в истории русской литературы, а профессиональными читателями была единодушно признана неудачей; все остальные черновики, наброски и якобы утерянные произведения существуют только как часть писательской кухни автора. Поэтому, когда критики начинают говорить о работе, написанной Лекмановым, Свердловым и Симановским, они в основном останавливают внимание на личности самого Ерофеева.

Ну а о чем тут еще рассуждать, если позиции биографа недостаточно, а жизнь героя представляется как красивый гимн свободе на излете? При этом Олег Демидов на Rara Avis пеняет авторам за то, что не упомянули о некоторых знакомствах Венедикта Васильевича*.

Биография выполнена уже привычным для Олега Лекманова и Михаила Свердлова методом, который они применяли в исследовании о Сергее Есенине: создается полифония голосов, мнений и оценок, из которых как бы «вырастает» личность, а авторы выступают в роли «отборщиков, тематических классификаторов, а также проверщиков всего этого материала на фактологическую точность». Это похоже на работу компьютера — невероятно обученной и профессиональной, но все-таки машины. Каждая рецензия о «Постороннем» начинается с признания безусловных заслуг авторов в бережной обработке большого количества материала. Трудно поспорить, но... Разве это не является первостепенной и обязательной задачей биографов?

Интересно же становится, когда авторы «показываются» из текста и намечают концепцию личности Ерофеева. Пунктиром, еле видной чертой, пытаюсь как бы уловить неуловимое: «Мы же все-таки попытаемся — бережно и избегая штампов — предложить осторожные варианты ответа на вопрос: какие “чувства и мечты” были по-настоящему важны для Ерофеева?» Сверхзадача, несмотря на все оговорки, высока: разгадать человека.

Одна из составляющих загадки — причина алкоголизма Ерофеева, природа слома. Об этом в книге — много и подробно. Почему он пил и зачем, как превратился из подающего надежды золотого медалиста и будущего прекрасного филолога в разгильдяя. Все оказывается

по-человечески просто: «Объяснение поведения Ерофеева, которое хотим предложить мы, еще проще... именно на зимних каникулах в Кировске Венедикт узнал, что его отец смертельно болен и жить ему осталось недолго». У Ерофеева умирает отец. Но справедливости ради стоит сказать, что у многих умирали родственники...

Далее уже смелее нам объясняют следующее: «В мемуарный рассказ Владимира Муравьева о пьянстве Ерофеева и его расставании с филологическим факультетом МГУ многократно вплетено слово, которое мы предлагаем считать рабочей разгадкой ключевой внутренней загадки Ерофеева: “Самым главным в Ерофееве была свобода”».

Да, вот теперь понятно, почему он пил и не писал! Так он стремился к свободе...

Но подождите — почти на трехсотой странице биографы чуть сворачивают в сторону: «Поскольку в главе, рассказывавшей про недолгий университетский период Ерофеева, мы сами писали о тогдашнем алкогольном радикализме Ерофеева как об одном из способов достижения им абсолютной свободы, отметим, что идеологическое и бытовое пьянство в ерофеевском случае на первых порах вполне мирно уживались. Однако с середины 1960-х годов бытовое пьянство исподволь начало отвоевывать себе все больше и больше места». Так, значит, до 1960-х пьянство было вменяемым стремлением к свободе, а после — стало обычным приземленным запоем? Но нет, заканчивается книга громким резюме: «О свободном человеке, которому довелось жить в несвободное время в несвободной стране, мы и попытались рассказать в этой книге». В итоге виновато время, страна и бог весть что еще...

Да и нет здесь никакой концепции, взгляда и вывода, не пытаются биографы рассказать о личности Ерофеева, которая была «выше его книг», не стремятся и по-

* Демидов О. Биография Ерофеева: о чем не сказали исследователи? // Rara Avis: [сайт]. URL: https://www.rara-rara.ru/menu-texts/biografiya_erofeeva_o_chem_ne_skazali_issledovatelii

казать широкому читателю, чем хороша лучшая его работа. Они просто действительно влюблены в предмет своего исследования, потому любят каждый артистичным жестом Ерофеева — приводят бесчисленное количество воспоминаний о том, как он полулежал на диване во время пьянок, какие у него были голубые глаза, как выразительно он читал стихи бархатным голосом... А за всем этим — история одной потерянной жизни.

Писательская биография — это в том числе отношение к написанному, к людям вокруг, слово, которое творец несет в мир. Ерофеев — фигура неоднозначная, часто его суждения в книге опровергаются и не принимаются на веру: то давал интервью, когда был мертвецки пьян, то просто приукрасил и переврал факты.

В комментариях к тексту, которые могли бы составить отдельное внушительное приложение, встречаются уточнения, что тот или иной фрагмент был купирован по просьбе родственников из-за несоответствия действительности. Приходится постоянно гадать: всерьез Ерофеев или нет, правда это или фикция?

Читаем выдержку из записной книжки: «...мне ненавистен простой человек, т. е. ненавистен постоянно и глубоко, противен и в занятости, и в досуге, в радости и в слезах, в привязанностях и в злости, и все его вкусы, и манеры, и вся его “простота”, наконец». Понять, где вместо высказывания — жест, а вместо человека — поза, крайне сложно. А после таких заявлений не очень-то и хочется.

В филологических главах, которые чередуются с биографическим материалом, о сути речи не заходит — они герметичны и изолируют себя от читателя. Это мелкоинструментализированное исследование, где авторы рассуждают о количестве личных притяжательных местоимений, ищут коды, коллекционируют отсылки, и в конце концов продраться через текст становится почти невозможно: «Эрос вообще выпадает, угадываемый

лишь в тошнотворных метонимических намеках: ясно, что моторная лодка председателя — субститут ладьи вагнеровского Лоэнгина; можно предположить, что председательские чирьи — травестия мотива телесной порчи, угрожающей рыцарю Грааля во втором действии оперы; любовная же линия оперного сюжета так и остается в бормотании Митрича неразрешимым “иксом”, ключ к которому приходится ловить в самой гуще гробианистского гротеска».

Бывает, что молодые авторы вставляют в прозаический текст свои стихи: может быть, хоть здесь прочтут, — та же история и с композиционным решением «Постороннего»: ну жалко ведь главы из диссертации, которые видела только комиссия, вдруг и взыскательный читатель их не пролистнет?

Основной филологический прием в исследовании текста Ерофеева — систематизация делением на слои и уровни. Почти в каждой исследовательской главе читаем: «Состояние героя и мира “с перепоя” раскрывается на трех уровнях текста и подтекста»; «В сценах от дозы “Российской” до дозы “Кубанской” одновременно выстраиваются два плана “упоминательной клавиатуры” — план русской идеи и план западноевропейской формы». Разумеется, затем каждый слой и уровень подробно анализируется, и в том же стиле биографы подходят к основному выводу из литературоведческой части.

Исследователи, помимо внутренней загадки Ерофеева, увлечены и целью раскрыть тайну его главного текста. Обе оказываются неуловимо тождественны: «Во всяком случае, в начальных главках “Москвы — Петушков” можно найти одно из ключевых слов — то, которое приближает к ней (к тайне. — Я. С.), то, с помощью которого ее “удобнее всего рассмотреть”. Это слово — “бездна»». Кажется, чуть выше мы уже читали нечто подобное. Авторы идут дальше и выделяют три бездны, к которым подводит чи-

тателя Ерофеев. Это — «бездна повседневного опыта», «бездна отцовства» и «бездна Эроса». Правда, не совсем ясно, зачем они здесь возникают; возможно, из устоявшейся привычки все классифицировать.

К общему размытому понятию свободы добавляется не менее общее — бездна. Оказывается, что «в кульминационной части каждого из Веничкиных манифестов намечен для читателя прорыв в бездну». А нужен ли он ему, читателю, был, этот прорыв? Вместо ответа на загадку — общее место. А может, загадки и тут просто не было?

Филологический подход к тексту близок и самому Ерофееву, усердному читателю, неплодовитому писателю — его парижский приятель Александр Бондарев вспоминает, что перед публикацией комментариев к сочинениям Ленина «Моя лениниана» Венедикт Васильевич добавил туда слово «маленькая» и мотивировал тем, что «подумают еще, что я больше крупных вещей не напишу». Жил в этом страхе, что подумают, да так и не написал. Ни одного из многочисленных институтов не окончил, по свидетельствам биографов: «Наделенный от природы прекрасными способностями, Ерофеев почти всегда быстро, нахрапом, достигал первых блестящих результатов и ими вполне удовлетворялся. Все, что требовало усидчивости и долгого, однообразного труда, приводило Ерофеева в уныние, и он, при всей своей тяге к систематизации, остывал и бросал начатое». Вот и «Москву — Петушки» создал быстро и сразу, для круга близких друзей. Взял прочитанный материал, талантливо скомпилировал, наконец закончил художественную курсовую, вывод из годов отрывистого и жадного самообучения. Литературный феномен «Москва — Петушки» вызывал особенный ажиотаж в условиях запрета: тогда все описанное и сочиненное в книге казалось свежим и беспрецедентно дерзким.

Поэт Юрий Кублановский так вспоминает о первом чтении произведения вслух: «А мы замороженно слушали и дослушали, “не наблюдая часов”. В самиздате много уже чего ходило тогда. Но такого жанра, такого головокружительного бурлеска — не встречалось». Тогда превосходство первенства волновало, но этого, думается, недостаточно для главной литературной повестки дня сегодняшнего.

Кстати, помимо основного списка победителей, «Большая книга» проводит народное голосование. Первое место в нем заняла Гузель Яхина, второе — Григорий Служитель (и это в обратном порядке соответствует их расположению в листе лауреатов), а третий приз читатели отдали Евгению Водолазкину с романом «Брисбен». Для биографии Ерофеева места, что было ожидаемо, не нашлось — книга «Венедикт Ерофеев: посторонний» заполняет образовавшуюся литературную пустоту, удовлетворяя вкусовые предпочтения ученого жюри. Можно считать, что сейчас речь шла о нулевой точке отсчета, а далее мы поговорим о победившем романе, который хоть и уместился на второй строчке, но стал лучшей художественной прозой нынешнего сезона «Большой книги».

«Мой кот мыслит именно так, как я того хотел»

Из всего литературного материала, имеющегося в призовой тройке премии, книга Григория Служителя «Дни Савелия» более всего подходит под определение прозы о современности. Писательский дебют молодого актера оказался беспрецедентным: в этом году книга побывала в длинном списке крупного «Национального бестселлера», отметилась в шорт-листе не менее внушительной «Ясной Поляны» и даже была отмечена призом зрительских симпатий.

Автор предисловия Евгений Водолазкин, сосед Служителя по премиальным

делам, рассказывает о том, как он впервые познакомился с рукописью начинающего автора: «Дело было не в коте (котов я люблю бесконечно), а в качествах самого текста. В нем не было обычных для начинающего литератора петухов — звучал мощный, спокойный голос мастера». Евгений Германович — профессиональный филолог, именно поэтому уже со второго абзаца он бьет на поражение и заранее снимает все возникающие по ходу чтения вопросы. Ведь дебютный текст Служителя — высокий образец текста начинающего, в котором петухи дневали и ночевали.

В «Днях Савелия» повествование ведется от лица кота с человеческим сознанием — Савелия. Он умен, начитан, музыку предпочитает классическую, о людях судит иронически, гуляет сам по себе. На протяжении всего произведения кот путешествует от хозяина к хозяину, иногда стройная размеренность композиции прерывается, и он попадает то в кошачью коммуны, то под пресс тяжелого сапога злобного старика.

Главная формальная характеристика здесь — однообразие: на четырехстах страницах развития не наблюдается, автор помещает героя в ситуацию, быстро описывает окружающих людей, «изымает» его и ведет дальше. По такому принципу сюжетные витки можно накручивать бесконечно, располагать их в случайном порядке, добавлять любые интересные типы — получается детский конструктор, детали к которому докупаются.

Но речь кота пестрит литературными отсылками — прежде чем писать книгу, Служитель почитал! Поэтому по всем правилам современного текста в середине помещается глава «Записи Белаквина», которая призвана разграничить историю на «до» и «после» страшного звериного избиения.

Маленькая струйка потока сознания журчит по белым страницам. Отрывки

озаглавлены как записи художника, но встречаются и хрупкие мысли анонимной девушки, и бунтарские заявления любителя зимних курток: «Холода наступали. А заплатили мне только три косяря. Ваников ноль. И баблосов ноль. Короче, денег нет, но вы держитесь. А парку, сука, хочется». Зачем-то автор распарывает лоскутную ткань текста, и становится еще очевиднее, как и где она крепится.

Последняя судорога, попытка смены повествовательной точки зрения происходит ближе к концу: историю любви к хозяину рассказывает не Савелий, а его возлюбленная, кошечка Грета, но все идет своим чередом: хозяйка-стриптизерша резко и мимоулетно вышучивается, а кошка от нее убегает.

Многие критики, очарованные обаянием Савелия, пытались искать параллели между ним и другими литературными котами. Анастасия Лясникова, например, в февральском номере журнала «Знамя» за прошлый год проводит сопоставительное исследование с гофмановским котом Мурром*, а Михаил Визель на портале ГодЛитературы.РФ, напротив, заявляет, что Служитель нашел третий путь между Мурром и «Королевской аналостанкой» Сетона-Томпсона, книгой про реальную кошку**. Но, кажется, все-таки не в семействе кошачьих тут дело — по способу организации материала «Дни Савелия» напоминают скорее... древнеримский роман про осла.

Роман Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» датируется II веком. Главный герой, юноша, увлекающийся колдовством, по ошибке превращается в осла, и в животном облике он, как и Савелий, переходит от хозяина к хозяину, становится свидетелем анекдотических ситуаций, изнутри видит падение нравов

* Лясникова А. Выше на четыре лапы // Знамя, 2019, № 2.

** Визель М. Что планируют читать в отпуске сотрудники портала ГодЛитературы.РФ? // Год Литературы: [сайт]. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/letnee-chtenie-goda-literatury>

древнеримского общества. Композиционная особенность произведения Апулея — вставные новеллы, которые у Служителя тоже в наличии: старый кот Ботман решает поведать молодежи об истоках происхождения своего рода, берущего начало в португальской епархии.

Забавно, что даже в древнем литературном памятнике антропоморфность осла мотивирована — раньше он был человеком, Григорий же Служитель на читательские вопросы отвечает с апломбом: «Когда мне на полном серьезе предъявляют претензии, что мой кот мыслит не очень-то по-кошачьи, у меня ладонь начинает неотвратимо тянуться к лицу. Это моя собственная игра, и правила к ней придумал я сам. Мой кот мыслит именно так, как я того хотел»*. Моя книжка — мои правила, не нравится — напишите свою.

И если у Апулея осла с хозяевами связаны ситуации, то предметом насмешки и куража кота из «Дней Савелия» становятся непосредственно люди. «Любовь к хрупкому миру» обнаруживает в книге Сергей Оробий**, а затем доискивается до «любви и нежности, которая связывает всех существ»***. Может, мы читали разное?

Громкий писательский дебют актера Служителя забористо зол и максималистичен: все люди, которых встречает на своем пути кот, убогие и ограниченные — но таковы они не по природе, а по авторской воле. Высокомерную горькую усмешку вызывает каждое действие: «Пассажиры уткнулись в мобильные телефоны и играли в змейку, тетрис, мини-покер, припоминали количество выпитого

* «Налево — сказку говорит». Интервью Кларисы Пульсон с Григорием Служителем // Год Литературы: [сайт]. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/nalevo-skazku-govorit-grigoriy-sluzhi>

** Оробий С. Кот раздора // Лит-ра.инфо: [сайт]. URL: <http://lit-ra.info/kolonka-sergeya-orobiya/kot-razdora/>

*** Оробий С. Книги июня: кот Савелий, история пчел и неидеальная няня // «Литературно»: [сайт]. URL: <https://literaturno.com/overview/knigi-iunja/>

накануне, улыбались, повторяя шутки из вчерашнего “Урганта”, прикидывали, позволяют ли осенью их скудные накопления отправиться куда-нибудь с семьей». Но это еще что! Порой сладкая интонация сбивается на истерику, и то ли автор, то ли кот начинают предъявлять претензии: «В чем они могли исповедоваться перед священником, в каких прегрешениях созначаться? Но каждый раз в воскресенье они все так же исправно выполняли свой долг. Облегчали совесть, выплескивали вон из себя накопившуюся скверну, как застоявшийся чай из стакана. Разбредались по домам и готовили себе яичницу с сардельками, а потом заедали растворимый кофе печеньем “Юбилейное”». Заметьте, в конце каждого спича — материальный акцент. Скудные накопления, яичница с сардельками...

Люди в «Днях Савелия» невыносимы в общей массе, что уж говорить об отдельных персонажах? Владельцы котокафе Сеня и Люба: одному после употребления кислоты на время отбило память, вторая за этот период прижила ребенка от хозяйина секунд-хенда; стриптизерша Света в поисках богатого папика; увлекающаяся йогой и правильным питанием Галя, которая всю жизнь проводит в борьбе с лишним весом, — сознательно суженная автором выборка героев...

Однажды на своем пути кот Савелий встречает молодого гастарбайтера Аскара, который подбирает его, лечит, холит, лелеет, а в ответ на заботу получаем следующее: «Барана они в этот раз так и не зарезали, а пошли пить пиво в ближайший “Бургер Кинг” у метро “Октябрьская”. Там они надели на головы по картонной короне, угощали друг друга длинными картофелинами, посылали друг другу смски по-русски и пускали в пиво через соломинку пузыри». Ха! Картонная корона, смски по-русски, вот же хохма! Так это звучало в голове у автора? А когда я это читаю, на меня веет холодом презрения и малодушия.

Портретные характеристики у Служителя скупы и немногословны, они строятся на деталях внешней атрибутики. Лучше всего это просматривается, когда герой встречает человека на улице. Поставлена писательская задача — воссоздать образ в нескольких словах: «Юноша с бородкой и усиками, заостренными кверху, снимал нас на телефон, а девушка в очках в толстой оправе достала из коляски младенца и присела рядом. Младенец неопределенного рода был одет в комбинезончик с кошачьим полосатым хвостиком и кошачьими же ушками накапошоне». Тут ключевое, конечно же, борода и очки непременно в толстой оправе. Сейчас мы понимаем, зачем Служителю эти уточнения: он так указывает на семейство хипстеров, но через десять-двадцать лет мы забудем, кто такие хипстеры, и детали станут просто словесным мусором, за которым ничего не стоит.

Похожая ситуация с пейзажными зарисовками и топонимическими упражнениями — города в книге много, но улицы, по которым путешествует котик, только называются, описание подменяется быстрой сменой локаций, все они прописаны пунктирно. Стилистический навык тоже иногда сбивает, возникают ненамеренные гиперболы: «Слезы стекали по щекам на ладони, с ладоней на локти, с локтей на колени, с коленей на кеды и наконец свободно летели на пол спортзала». Мощные слезные железы!

Одним словом, «спокойного голоса мастера» пока не слышно, скорее — обиженный фальцет новичка. А вот с котами здесь и правда все в порядке, и, когда Служитель пишет конкретно о них, остается только умиляться. Но ведь когда берешь в руки книгу лауреата премии, ожидаешь иного, большего — в конце концов, если хочется умилиться коту, можно посмотреть на его изображение в Интернете, а не тратить три часа драгоценного времени на чтение. И Служитель, как знаток

большого города, должен это понимать: ускоренный темп, дефицит времени...

«Все это незаметное глазу копошение...»

Гузель Яхина — бывалый боец, ее появление в тройке победителей не вызывает удивления, разве что вопрос: а почему только третья? Ответ на него, впрочем, лежит на поверхности: в 2015 году дебютная книга писательницы «Зулейха открывает глаза» уже получала «Большую книгу». И «Ясную Поляну» получала. А еще в этом году на экраны выходит восьмисерийный телевизионный фильм с Чулпан Хаматовой в главной роли, снятый все по той же «Зулейхе».

Второй роман Яхиной ждали с нетерпением — сумеет ли автор, начинавший со сценариев, преодолеть сопротивление богатства русского языка, сможет ли выйти за рамки наработанных сюжетных схем? Дождались и заметили: «Дети мои» — снова о тяжелой судьбе малой народности в годы правления Сталина, только теперь раскулаченные татары сменились поволжскими немцами; сюжетные перипетии неотвратимо и откровенно напоминают роман Евгения Водолазкина «Лавр» (дух Водолазкина так и витает над финалом — то предисловие напишет, то событийную канву одолжит); Яхина расписалась, предложения стали длиннее, обильно добавились элементы магического реализма.

Закономерность в выборе материала можно списать на родовое, как это делает Дмитрий Бак: «Яхина имеет свою нишу в литературе — это проза, густо замешанная на личном и наследуемом опыте». Иными словами: первая книга была посвящена бабушке, вторая — дедушке. Вот только что Гузель Шамильевна будет делать, когда родственники закончатся?

Сюжетные переключки с Водолазкинским тоже можно с большим натягом

отнести к общим истокам русской литературы, а с магическим реализмом на русско-немецкой почве просто смириться... Но если сложить все вместе, то получается коктейль из заимствований, чужих интонаций, образов, перепевков.

В поисках объяснения феномена писатель Наталия Курчатова даже приходит к выводу, что проза Яхиной — постмодернизм без игрового начала, просвещающе пустой и громоздкой*. Но это объяснение видится слишком сложным: Яхина — профессиональный беллетрист, хорошо чувствующий и знающий свою аудиторию, Яхина умеет увлекательно повествовать и расставлять акценты, пишет сугубо развлекательную прозу.

Та же Наталия Курчатова рассказывает, как ее друг возразил на то, что победительница «Большой книги» является издательским проектом: «...мне очевидно, что вы ни разу не видели толп читательниц на ее встречах... да, это преимущественно успех у женщин, но это несомненный успех — тем более что и читают в России в основном женщины».

Но ведь и издатель не глуп, он изначально разглядел в текстах Яхиной именно это: на встрече со студентами в издательстве «Эксмо» редактор отдела современной прозы признавалась, что залог успеха романа «Зулейха открывает глаза» — в правильном определении гендерных ролей героев; дальше на это уже можно наращивать что угодно — главное, чтобы была крепкая история любви и панорама заново отстраиваемого совместного быта.

В «Детях моих» все в наличии: шульмейстер Бах, школьный учитель в поволжской колонии немцев, однажды получает загадочную записку, призывающую его на «тот» берег, обросший легендами и сказаниями. Там его ждет злой

богате́й-отец и красавица-дочь, которую он станет обучать грамоте через ширму. Отец уезжает, дочь сбегает, молодые начинают жить вместе в отшельничестве...

Параллельно захватывающему сюжету развивается еще одна линия — почему-то вдруг текст перемежают главы, описывающие несколько дней из жизни Сталина. Зачем, почему? — задаются вопросом читатели.

А там ведь на самом деле все сказано прямым текстом — вождь, которого по имени нельзя называть, волею случая оказывается в немецком селении, где ощущает себя так: «Многое в Покровске оказалось одной высоты с *ним*: и электрические столбы, и дома, и деревья, и даже пожарная каланча. <...> Раздражали горожане — низкорослые, на лицах всего два выражения: либо искреннего простодушия, либо сосредоточенной прилежности». Сталин в стране лилипутов. И его бесят немцы. Учитель Якоб Бах — маленький человек. Большой тиран летит на самолете над рекой, а в это время песчинка Бах плавает на лодке. По Яхиной, немцы в России становятся разменной монетой политики и личной неприязни человека, который ощущает себя выше собственного роста.

Немцев в «Детях моих» и правда остается только пожалеть. Вот еще одна ключевая сцена романа — Бах и его возлюбленная Клара обживают хутор, никого не трогают, как вдруг! Вламываются бандиты и насилуют девушку. Негодяев трое — один калмык, двое русских, и боятся они красного комиссара. Спи, дитя, а Гузель Яхина расскажет тебе сказку о том, что русские немцев насильовали... Причем больше на страницах романа эти действующие лица не появились. Идеология откровенно «торчит» из романа и утяжеляет его добавочными главами, как и все необязательное: имена из области искусства — Бах, Гофман, Вагнер, Гримм, — в них нет никакого скрытого смысла, персонажей так зовут для анту-

* Курчатова Н. Гузель Яхина. «Дети мои». Большой русский постмодернизм // Год Литературы: [сайт]. URL: <https://godliteratury.ru/projects/guzel-yakhina-deti-moi-bolshoy-russk>

ража и узнавания; приводятся обширные тексты сказок, но, если их убрать, ничего не поменяется; имеются эксклюзивные тематические названия годов и рубрикатор в конце книги: «Год Спрятанного Хлеба», «Год Бегства», «Год Большой Плотины» и т. д. Похоже на упражнение из учебника по информационному стилю, где главное — четко организовать текст графически и вести читателя по структуре, ему ведь так легче.

Яхина любит придумывать, творить образы и парадоксальные ситуации, но, когда дело касается психологической стороны вопроса, теряется и уходит от решения. Во время родов Клара умирает, Бах кладет ее в холодильную комнату, где она лежит и лежит себе во льду, на хуторе разворачивается сюжет воспитания и принятия чужого ребенка, а она все лежит... Спустя долгое время Клару наконец хоронят: «Бах все-таки решил посмотреть на нее долгим взглядом, но увидел одну только отстраненность и равнодушие: ничего не хотела сказать Клара на прощание. Присел рядом, хотел было подобрать подходящие слова — но слов таких не нашел: за месяцы лихорадочного сочинительства и беспрестанной заботы об Анче разучился разговаривать с любимой женщиной». Драматическая ситуация высочайшего накала, похороны единственной любви всей жизни, женщина была настолько дорога Баху, что рука не поднималась закопать ее тело! И тут — слов просто не находится, внимание переключено... А все потому, что писательнице стала неинтересна эта линия, она уже занялась другой. Но недостаточно просто кинуть труп жены на льдины, а потом ходить на него смотреть. В прозе Яхиной отсутствует родовая мифологическая основа: она не прожила этот миф, а просто придумала сказку.

Срабатывает защитный механизм магического реализма; если тот же Маркес берет подобную историю, то он ведет ее

от начала и до конца, замечая магию обыденного, но не забывая о психологической достоверности.

Попытки создать клубящийся, странный мир иной раз превращаются в гротеск и очевидную неловкость: «Но познавшая радость свободы Анче не желала больше быть спутницей — она хотела изучать *большой* мир сама, перемещаясь на собственных четвереньках, ощущая его собственными ладонями и пробуя на вкус собственным языком. Стоило двери распахнуться — и девочка змейкой юркала с крыльца на траву: устремляясь то на задний двор, то в лес, то в сад». Это — отрывок о младенце, хотя больше напоминает человека-паука.

То же самое с описанием центральных взаимоотношений Баха и Анче — Гузель Яхина балансирует на грани, показывает читателю, как стоически Бах принимает не своего ребенка, как в конце концов начинает ощущать себя заботливым отцом. А потом автор опять пытается ввести экзотическую неоднозначность и — срывается в пошлость: «Бах прижимал к груди девочку — маленькую, почти невесомую — и чувствовал одновременно так много разных и важных вещей, как никогда прежде: ток древесных соков от корней к стволам и веткам, подрагивание молодых листьев под оболочкой почек, согревание земли на пригорках и сонное шевеление в ней семян, клубней и спор. Все это незаметное глазу копошение — колебание, дыхание, трепет — все отзывалось в нем, все волновало, словно происходило не снаружи Баха, а внутри».

Может возникнуть ощущение двусмысленности приведенного отрывка, но чуть позже читаем: «Васькин трепет оставался неразделенным — как, впрочем, и чувства самого Баха. Оба они, старик и мальчик, были теперь два товарища по неразделенной любви к Анче». Выстраиваемый каркас отношений отца и дочери начинает шататься, становится

совсем уже непонятно: так какого рода эмоциональную связь пытался показать нам автор?

Новое произведение Яхиной распадается на две части, и к первой, идеологически окрашенной, можно применить высказывание В. В. Кожина из статьи «Искусство живет современностью»: «Искусство, исчерпывающееся критикой предшествующего исторического периода, не открывает нового, оно берет уже известное и живет за чужой счет». Вторую же, магически-романтическую, смело можно читать в очереди к врачу, а затем смотреть в качестве нового вечернего сериала с красивой актрисой.

Тем, кому это интересно, остается еще и ждать третьего романа, питая робкую надежду, что в нем Гузель Яхина наконец представит свой писательский взгляд на современную действительность.

* * *

В поисках информации о победителях «Большой книги» заходим на официальный сайт премии. На первой странице — две колонки: «Новости премии», «СМИ о премии». Открываем вторую — интересно же, что люди пишут о большой литературе, а там — сплошь растерянность и недоумение.

В материале «Комсомольской правды» журналист Денис Корсаков отзываясь о прозе лауреатов комплиментарно*, но когда дело доходит до первого места, искренне удивляется: «Венедикт Ерофеев: посторонний», безусловно, хорошая книга, подробная и неплохо написанная биография, в которой большое место уделено литературоведческому анализу бессмертной поэмы «Москва — Петушки»... Но лучшая книга года? Да еще с огромным отрывом? Главную «Большую

книгу» и раньше получали биографии... Но это были книги куда более яркие и действительно ставшие большими событиями, чего о «Ерофееве», при всех его несомненных достоинствах, язык сказать не поворачивается». Вторит ему Михаил Пророков в «Коммерсанте»: «Но что широкому читателю до литературоведческой монографии, которую и не всякий профессиональный гуманитарий осилит?»**

Литературный критик Алексей Колобродов в статье на портале «Культура», последовательно и четко говоря о низком уровне премиального процесса, приходит к следующему выводу: «“Большая книга” — самая наглядная иллюстрация кризиса в нашем литературно-премиальном деле, притом о литературе как таковой и издательском бизнесе подобного объективно говорить нельзя (там, безусловно, наличествуют и прогрессируют иные проблемы). Премиальная энтропия и взрывное развитие, пусть нелинейное, книжной индустрии драматически противоречат друг другу. Премия, считающаяся в русской литературе главной, перестала словесность сколько-нибудь адекватно отражать»***.

То есть все всё прекрасно понимают, всем всё очевидно. А присутствие процитированных статей на официальном сайте «Большой книги» означает либо то, что оргкомитет премии разделяет общие настроения, либо неряшливость PR-службы, которая не вычитывает материалы, прежде чем размещать их на сайте. Ведь это репутационный провал: читатель заходит на портал и тут же узнает, что читать лауреатов, в общем-то, не стоит. Меры по самоликвидации приняты, спасибо за предупреждение.

Действительно, «Большая книга» уже который год красноречиво сигнализирует

* Корсаков Д. Лучшей книгой года назвали биографию Венедикта Ерофеева // «Комсомольская правда», 11.12.19. URL: <https://www.kp.ru/daily/27066/4135312/>

** Пророков М. Романы посторонились // Коммерсантъ, 12.12.2019 (№ 229), с. 11.

*** Колобродов А. Премиальная энтропия // «Культура»: [сайт]. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/obozrevatel/305267-premialnaya-entropiya/>

о кризисе в литературном процессе, но в этом сезоне еще и окончательно становится рекламной площадкой для «Редакции Елены Шубиной». Победившие произведения — то, как видят литературу несколько конкретных редакторов, которые нашли их и подготовили к печати.

Если принять трех финалистов за среднестатистическое, то можно констатировать: в премиальной литературе нет ни героя времени, ни качественной попытки его найти. Ироническое наблюдение кота из «Дней Савелия» за судьбами людскими снизу вверх явно таковым не считается, метания онемевшего

полусказочного немца родом из прошлого века — тоже вряд ли. О биографии, которая существует в иных жанровых координатах, а к тому же выбирает предметом символ принципиально иного времени, в этом контексте рассуждать также не представляется возможным. Без героя нет и картины мира, которая бы сложилась вокруг него и через него, — остаются только отголоски и случайные всполохи, обрывки текстов. Отсутствие интереса к своему времени и роли человека в нем несовместимо со званием главного писателя и главной книги страны.

Расходимся, нас... обманули.

Евгения ШАДРИНА-ШЕСТАКОВА

ПЯТЬ МИРОВ НОВОСИБИРСКА

...Жесткое, темное кресло зала ожидания; мой самолет задерживается, и у меня есть время дописать текст. Как многие рисующие люди, я способна словами лишь фиксировать фрагменты, поэтому пишу в пути, частями: пока иду, еду в метро, лечу, пока меня везут — мозг собирает буквы в слова, а слова — в предложения. Это как настройка радиоприемника — вроде звуки разные, но все связано в единую картину.

Мне хочется рассказать о молодых художниках Новосибирска, но о молодых сорокалетних: официальная граница молодости художника — 35 лет, и такая творческая молодежь у нас есть, и тема эта теперь востребована, что радует — ведь лет двадцать назад городу было не до нас, рисующих, — ни до молодых, ни до старых. Сейчас, к счастью, молодые нужны: есть стипендии, гранты, проекты, информационная поддержка, но я хочу поговорить об очень близких для меня авторах, о моем поколении — хотя это слово и кажется мне смешным: как будто фигуры, стоящие на коленях или по колени в чем-либо...

* * *

За последние два-три десятилетия сформировалось странное, а может быть, и настоящее поколение художников, которые выросли и выучились ремеслу, находясь в общем безвременье, накрывшем страну. Мы росли как трава — как хотели и могли. Уникальная ситуация: нам чрезвычайно повезло — каждый из нас мог стать действительно самим собой. Никто

нас не формировал, не деформировал — свобода!

Художником быть хорошо, это профессия без возраста, а нам — вообще замечательно, ведь мы проскочили все официальные возрастные категории, мы — просто художники. Обычно осознание того, что ты уже вырос, неприятно удивляет, разочаровывает человека, ему хочется спросить: что, уже? Он только-только начал понимать, что это все — большая игра, что она интересна, а его уже назначили ведущим в этой игре, и все теперь зависит только от него, и можно (даже необходимо!) самому придумывать правила. Приходит понимание того, что все это — максимум, и так будет уже всегда, а потом, позже, только хуже — добавятся старость и боль...

А художникам, конечно, легче: как и любой творческий человек, художник всегда сам придумывает игры, и ему некогда отвлекаться от процесса, некогда стареть. Знаете, художник вообще-то редко выползает из мастерской, его труд требует одиночества, от суеты теряется какая-то основная нить... Поэтому нас вроде и нет в городском пространстве. Нас и правда немного в Новосибирске, человек 250 действующих авторов всех возрастов на 1 700 000 жителей города. Мы, как невидимые «рыцари в сияющих доспехах», держим оборону, обозначаем наш город на визуальной карте мира.

Эти не самые адаптированные в социуме персонажи, художники, благодаря своей чувствительности к окружающему, обрабатывают, фиксируют, исследуют поле общей реальности и переводят его

из физического, бытового состояния в материю духовную, эмоциональную, чтобы затем — о чудо! — вновь превратить в физическую материю, но иного свойства — в искусство. Художники создают эдакую «культурную почву», на которой потом прорастут научные открытия, изобретения, желания, мечты, дизайн, мода в конце концов. И поскольку художники решают важнейшие вопросы мироздания, я расскажу вам о пяти планетах — точнее, о пяти мирах, существующих параллельно в нашей общей реальности. Эти миры удивительны, их создатели — мои друзья и коллеги по цеху.

Рассказ о каждом я начну с краткой биографии, потому что все эти, казалось бы, банальные «родился, учился, окончил» — как важные метки высот на географической карте: именно они меняют русло реки, но при этом не создают саму реку: начало творчества — в истоке, оно рождается вместе с человеком, а в конце пути вливается в мировой океан. Правда, русло можно перекрыть и убить реку, если та слаба...

Но создатели миров, о которых я расскажу, наполнены внутренней силой, они — те немногие, кто сохранил себя и выжил в профессии.

Нурлан Тайиров

Родился в 1978 году в Петропавловске, учился в НГАХА (1998—2004 годы, кафедра монументально-декоративного искусства, отделение живописи). Художник-монументалист, работает с частными заказами в области храмового искусства (мозаика, иконопись, стенопись), фасадной и интерьерной росписи, занимается станковой живописью и графикой.*

С 2016 года — член Союза художников России (секция живописи).

* Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия. Прежде — Новосибирский архитектурный институт. В настоящее время — Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств.

Мир Нурлана Тайирова — царство гармонии. Гармонии во всем. Это благодатный мир равновесия, здесь нет тяжести, а теплый свет приветствует бархатистые поверхности. Бесконечная, сложнейшая и неповторимая игра мягких оттенков: цветовая палитра безупречна, тональности цвета музыкально сочетаются так, что я слышу эту музыку — прохладную, легкую... Цветы, птицы, сфинксы, нимфы, греческие боги обитают в этом мире, и где-то там, вон за тем облаком, прямо сейчас руки Хлои превращаются в ветви лавра...

Невозможно построить этот мир прямыми линиями — только дуги, которые наслаиваются, вступают в неторопливую беседу и множат изображение, как если бы мы посмотрели вокруг глазами стрекозы: все становится декоративной, утонченной мозаикой света на водной глади. Конечно, глаза зрителя с радостью наслаждаются изысканным колоритом: теплым, сдержанным, на полутонах, но основа этого мира — прежде всего безупречная композиция. Строгий, безошибочный каркас. Свободные от натурального описания подробностей фигуры парят, их движения подобны танцу, замершему на секунду, — но секунда длится вечность...

Нурлан — мой коллега, художник-монументалист, и он потрясающе точный, талантливый мастер композиции, чья важность, красота и ясность для решения больших плоскостей в пространстве города — основа того, чему нас учили в НГАХА. Нам очень повезло — наши учителя были и есть потрясающие художники. Научить быть художником нельзя, можно только помочь научиться, помочь образоваться творческой личности — это и есть, как мне кажется, суть образования в искусстве.

Композиционное мышление монументалиста всегда узнаваемо в творчестве, но отточенные решения Нурлана Тайирова удивляют меня каждый раз. Он востребован и как живописец, и как монументалист: множество прекрасных мозаик и стенописей создано его руками (светские фасады, интерьеры, храмовое искусство, иконопись).

Янина Болдырева

Родилась в 1986 году в Новосибирске, в 2009-м окончила НГАХА (кафедра монументально-декоративного искусства, отделение живописи). Художник-монументалист, фотограф, занимается станковой графикой. Принимала участие в создании и организации фестиваля научного стрит-арта «Графит науки» и арт-маркета «Дёрн».

...Поэзия и искренность пронизывают ужасную, чужеродную для автора поверхность этого мира — монохромные пейзажи вспыхивают открытым цветом, узнаваемые образы уставшего «взрослого» бессмысленного бытия, осыпаясь сухой листвой и штукатуркой, растворяются в туманах.

Художнику легко быть еще и гениальным фотографом, поэтому фотографии Янины молчаливы, чисты по решению — безупречная абстрактная композиция, пустота... Зритель зачастую является единственным жителем этого мира, ведь это мир после людей.

Графика Болдыревой — ручная не только по исполнению, но и по характеру: сочетание академического образования, профессиональных навыков и удивительно наивного, почти детского взгляда. Здесь, возможно, важно и то, что тема, разрабатываемая автором, лежит на границе мира художника и общей социальной действительности — чувствительные оболочки художника закипают, плавятся, лопаются от жестокости, несправедливости внешнего бытия. И это больно...

Я чувствую эту боль, когда вижу работы Янины Болдыревой, именно благодаря условности, кажущейся наивности изобразительного языка. Обнаженность каркаса рисунка, линии прерывистые, они сыплются, громоздятся...

Черно-белое рисование — шуршащий хор, и локальные цветовые акценты — сольный голос. Звук голоса превращается в красную птицу. Красная птица

наблюдает сверху чужой, странный, дурацкий мир глупых людей и парит, почти не взмахивая крыльями. Янина хочет изменить общую действительность, сделать мир лучше. И он слушается ее — меняется, становится лучше. Яркий пример такого изменения — стрит-арт-фестиваль «Графит науки», придуманный и воплощенный в жизнь Яниной Болдыревой и Зосей Леутиной: ведь не было до них такого в Новосибирске! А теперь это принадлежит каждому жителю города и меняет наше будущее.

У Янины Болдыревой есть и авторские монументальные проекты, самый сильный из которых — цикл росписей стен заброшенных военных казарм, где художник, действительно, создает мир после людей, как будто с трудом и болью вспоминая: как это было? Образы проступают прямо на разрушенных стенах, сливаются с неровностями и трещинами, перетекают в пейзаж, прорастающий травой. Ощущение труда и странной потери возникает у зрителя, и главная причина — осознание того, что распад мира еще не остановлен. И он не может быть остановлен художником — тлен поглотит и произведения искусства, созданные на поверхности нашей реальности. То, что мы видим сейчас, уже уничтожено в будущем...

Малые формы монументального искусства — это авторские книги Янины: они продуманы до мельчайшей детали, как маленькие настольные театры, где сочетаются графика, фотография, текст и дизайн.

Зося Леутина

Родилась в 1973 году в Новосибирске, в 1995-м окончила Новосибирское государственное художественное училище (театрально-декорационное отделение), в 2004-м — НГАХА (кафедра монументально-декоративного искусства, отделение живописи). Работает как художник-муралист, художник-принтмейкер и график.

Руководитель первой в Новосибирске открытой студии печатной графики. Принимала участие в создании и организации фестиваля научного стрит-арта «Графит науки» и арт-маркета «Дёрн».

С 2018 года — член Союза художников России (секция графики).

По поверхности сухой ветер разносит ветви, травы, иглы... И эти иглы оставляют след на песке, бумаге — ровный, рассеянный свет ведет диалог с линиями на снегу. Мир графики, строгий и свободный, где как будто эхом разносятся голоса...

Создатель этого мира отстранен, он не присутствует здесь, но зафиксированная им прозрачная реальность стройна и холодна, оставаясь при этом самой близкой для художника: родные люди, знакомые места... Ежедневные бытовые ситуации Зося Леутина превращает в символы, знаки, а иногда почти что в текст. Небольшие графические листы, идеально найденные композиции, силуэты фигур, цвет открытый и локальный, жесткая, стройная линия резца, ясность высказывания — Зося всегда хотела заниматься именно печатной графикой, но эта манера появилась раньше, еще на учебных эскизах к стенным росписям. Узнаваемый авторский стилизованный изобразительный язык близок к формам древнерусской стеной росписи, а храмовая иконопись и стенопись — корень творчества для всех русских художников.

Большое количество работ выполнила Леутина в частных и общественных зданиях (например, роспись интерьера Дворца бракосочетаний), при этом всегда ее отличал высокий профессионализм и стремление к эксперименту: различные техники, сложные сочетания материалов... И не только в изобразительном искусстве — она и музыкант, и фотограф.

Проект арт-маркета «Дёрн» в соавторстве с Яниной Болдыревой и Ольгой Таировой (как и «Графит науки») впервые дал горожанам возможность напря-

мую контактировать с художниками — и не только новосибирскими. Желающих участвовать в арт-маркете с каждым разом все больше, что очень важно, потому что изолированность художников, сложность доступа к покупке их работ — это искаженная, неестественная ситуация. У зрителей есть желание приобрести произведения искусства, а художникам, конечно, необходимо продавать свой труд, и арт-маркет «Дёрн» — путь, позволяющий им встретиться. Заниматься таким социальным проектом — подвиг для рисующего человека.

Сергей Беспмятных

Родился в 1970 году в городе Бакале (Челябинская область). В 1995 году окончил Новосибирский архитектурный институт по специальности «Архитектура гражданских зданий». Живописец, график, книжный иллюстратор, автор пространственных объектов и инсталляций.

С 2015 года — член Союза художников России (секция графики).

Добро пожаловать в самый красочный, самый громкий, звонкий и удивительный мир! Цвет здесь великолепен и открыт, это восторг, фейерверк, роскошество и праздник. Здесь нет слова «нельзя», здесь все подчиняется только воле создателя, а создатель этого мира — неутомимый исследователь, для которого вопросы важнее ответов.

Вопрос — это движение, ответ — остановка, поэтому в художественном мире Сергея Беспмятных все и вся находится в движении, все бурлит и перемешивается, принимая то забавные, то странные, то устрашающие формы. А самые главные жители здесь — вы не поверите! — киты. Удивительные, добрые, сказочные, и нет им равных...

Вот как сам автор характеризует свое творчество: «Работаю в манере “психомеханического формализма” и “механикопсихического реализма”, где главной

ценностью является композиция, цвет-форма с изображением полуабстрактных персонажей-объектов, выражающих различного рода эмоциональные чувства». Смешение биологических форм и механики создает напряженное поле действия; в больших и малых графических листах Сергея, заполненных изображением полностью, всегда происходит что-то чрезвычайно важное и событие раскрыто для зрителя, как инструкция к игре, в которую нас приглашают. Это очень позитивное и искреннее творчество! Театр художника, в котором сочетание языка архитектуры, инженерии и человеческого образа создает неповторимый эффект.

Работы Сергея Беспмятных известны во многих странах, люди с восторгом принимают его выставки, но покупают произведения чаще все-таки зарубежные зрители...

Евгений Заремба

Родился в 1968 году в Омске. В 1992-м окончил художественно-графический факультет Омского педагогического института им. Горького. Живописец, график.

С 2010 года — член Союза художников России (секция живописи).

О, это весьма убедительный мир! Мир как событие: первобытный ландшафт до появления растений, животных и человека — здесь силы, субстанции, напряженные материи ведут бесконечный диалог, вступают в борьбу, противостоят, кипят, сталкиваются, поглощают друг друга, сливаются в единое целое, а огромные пространства и дикие стихии насыщены светом. И этот свет наполняет смыслами происходящее — плотный, осязаемый, он единственный обитатель этого мира, и у зрителя есть уникальная возможность созерцать свободу первич-

ного мира без узнаваемых объектов и бытового содержания...

Фигуры, персонажи — это сама живопись. Краска, которая перестала быть краской, перешла в иную материю. Так просто — и совершенно невозможно...

Удивительно, что большие холсты Зарембы, наполненные абстрактным театром, берут начало из общего, привычного для нас визуального пространства — глаз художника безупречно вытягивает из него потрясающую красоту фрагментов мира.

А мастерство, с которым автор рассказывает нам об этих событиях, вызывает восторг! Сложная техника многослойных лессировок создает отношения изумительные по тонкости и естественности — только в масляной живописи возможны такие эффекты. Но всегда остается вопрос: как автор это делает? Как вообще возможно такое волшебство?

...Я познакомилась с Женей не так давно (года четыре, как он переместился в Новосибирск), но наше общение очень ценно для меня. Все рисующие люди по структуре соприкосновения с миром очень схожи. Мы можем быть чрезвычайно разными людьми, создавать диаметрально противоположные вещи — и при этом даже слова не нужны, чтобы понять друг друга.

Работы Евгения Зарембы выставляются и продаются по всему свету, но при этом он теперь — новосибирский художник.

* * *

Думаю, никто не становится художником внезапно или специально — это данность, которая почти не зависит от человека. Так есть, и все. Смешно, но у художника (притом что, возможно, это самая свободная профессия из всех) нет выбора — если он стал художником, то невозможно перестать быть им, не потевряв себя...

АВТОРЫ НОМЕРА

Артюхов Евгений Анатольевич родился в 1950 г. в Реутове Московской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Саратовское высшее командное училище МВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского. Работает в войсковой печати. Полковник в отставке. Заслуженный работник культуры РФ, почетный сотрудник МВД. Автор двух десятков поэтических книг. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Гавриленко Светлана Васильевна — заведующая сектором сохранности фондов отдела основного книгохранения Новосибирской государственной областной научной библиотеки.

Кекова Светлана Васильевна родилась в 1951 г. на Сахалине. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Доктор филологических наук. Автор более десяти книг стихотворений, литературоведческих книг и статей, посвященных творчеству Н. Заболоцкого, А. Тарковского, В. Ходасевича, В. Набокова, Ф. Достоевского, философов Ф. Степуна и С. Франка, поэтов-обэриутов и др. Стихи Кековой переведены на все европейские языки. Лауреат многих литературных премий. Член Союза российских писателей. Живет в Саратове.

Короткова Наталья Сергеевна родилась в 1974 г. в Бердске Новосибирской области. Окончила факультет психологии Новосибирского гуманитарного института. Работала психологом в реабилитационных центрах для инвалидов. В настоящее время директор по персоналу торговой компании. Публиковалась в журналах «Дон», «Сибирские огни», «Молодая гвардия» и др. Живет в Бердске.

Морозов Валерий Геннадьевич родился в 1944 г. в Шадринске Курганской области. Окончил Высшую профсоюзную школу культуры (СПб), дополнительно обучался на сценарном факультете ВГИКа (Москва). Печатался в журналах «Север», «Московский журнал» и др. Автор сборников прозы и поэзии. Член СП России. Живет в Ногинске Московской области.

Прашкевич Геннадий Мартович родился в 1941 г. в с. Пировском Красноярского края. Прозаик, поэт, переводчик. Автор романов «Секретный дьяк», «Носорукий», «Теория прогресса», биографических книг о Жюлье Верне, Уэллсе, Брэдбери и др. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат ряда отечественных и международных литературных премий. Живет в новосибирском Академгородке.

Рантович Михаил Сергеевич родился в 1985 г. в Кемерове. Студент заочного отделения Кемеровского института культуры. Работает библиотекарем. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Сафронова Яна Владимировна родилась в 1997 г. в Смоленске. Учится в МГИК по специальности «Литературное творчество». Критические и публицистические статьи публиковались в журналах «Наш современник», «Москва», «Нижегород», «Подъем», «Роман-газета», «Бельские просторы» и пр. Лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в Долгопрудном.

Федоров Александр окончил Новосибирский государственный педагогический университет (Институт естественных и социально-экономических наук). Старший научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея (филиал «Музей природы»). Живет в Новосибирске.

Францев Александр Викторович родился в 1981 г. в поселке под Архангельском. Работал вахтовым методом — кочегаром в котельной, грузчиком, рабочим на стройке, сторожем. Публиковался в журналах «Новый мир», «Сибирские огни» и др. В настоящее время проживает в Архангельске.

Шадрина-Шестакова Евгения родилась в 1976 г. в Новосибирске. Художник-станковист, занимается живописью, графикой, монументальной живописью, книжной иллюстрацией. Член Союза художников России (секция живописи). Живет в Новосибирске.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 14.01.2020. Дата выхода № 2 за 2020 г. в свет 25.02.2020.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.